ПИОНЕР 6

ИЮНЬ • 1973 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Путешествуйте,

А. ЛЕОНОВ,
летчик-космонавт, Герой Советского Союза,
член Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации имени В. И. ЛЕНИНА.

вас ждут открытия!

Во время войны моя семья жила в Сибири, на окраине города Кемерово. Мимо нашего дома протекала речка. Вернее, не протекала, а еле-еле плелась. Воды в ней было мало, никакой особенной пользы она не приносила, и люди забыли даже ее назвать. Или, может быть, она потеряла свое имя.

Мы, мальчишки, любили возиться около этой реки. И однажды надумали отправиться в путешествие, чтобы увидеть, откуда она берет свое начало, где и как кончается, и всюду ли она такая неказистая, как в наших местах?

К путешествию мы долго готовились: сушили сухари, компас раздобыли, рюкзак. Тогда все это было не просто — шла война. В дороге были три дня и три ночи. Шли по лесам и оврагам, через деревни и шахтерские поселки... Река привела нас в непроходимую сибирскую тайгу, в район Барзаса. В огромном, диком, замшелом лесу она неожиданно ныряла под землю и исчезала прямо под ногами. Потом снова возникала из-под земли и снова терялась. И мы стояли, как заколдованные, и не могли поверить в это чудо. Потом мы пошли в другую сторону и увидели, как наша река разливается широко — может напоить луга, заставляет работать мельницы. Тут она звалась Серебрянкой и впрямь серебрилась и сверкала, выглядела нарядной и красивой.

Всю жизнь я помню это путешествие, которое мы совершили рядом со своим домом. Мне кажется, никогда позже я не сделал для себя так много открытий, как в том первом походе. Я увидел, как меняется река от истоков к устью, сам увидел, не только прочитал в учебнике.

Мы жили в шахтерском краю, но ни я, ни мои друзья не бывали в шахте. А тут мы несколько раз спускались под землю, посмотрели, как залегает уголь, как его вырубают, вручную и с помощью механизмов. Мы узнали, что шахты бывают с шурфами и открытые. Познакомились с людьми, которые хорошо владели своим делом, с людьми очень гостеприимными и приветливыми.

Мы испытали, может быть, самое прекрасное на свете острое чувство жажды исследования, поиска, открытия.

Я думаю, никакой человек не сможет сделать в своей жизни большого настоящего открытия, открытия для всех, если он не научится делать открытия для себя. Это важно понять рано, в детстве, и поэтому я так серьезно отношусь к походам пионеров по родному краю.

Недавно я обнаружил, что ребята нашего Звездного городка не знают, что совсем недалеко от нас — целая цепь удивительных озер, и огорчился. Рядом с нашим городком много солдатских могил, обелисков в честь погибших в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Не все имена героев известны. История ждет открытий. Их могут сделать ребята. Я им сказал об этом.

Самому стать исследователем, самому прийти к истине, самому увидеть, познать, понять, сделать выводы — что может быть прекраснее?! И можно ли без этого интересно прожить жизнь? И можно ли узнать и полюбить свою страну только по книгам, ни разу не прошагав ее лугами и лесными тропами, не поразившись размахом ее строек, величием ее научных достижений и славой ее истории?

Прошу вас, будьте любопытными, любознательными, интересуйтесь всем, что вас окружает, не упускайте случая открыть для себя все, что вам пока еще неизвестно. Только тогда вы сможете достичь каких-то высот.

Я очень любил и уважал Юрия Алексеевича Гагарина, мы дружили. Думаю, если бы он не стал космонавтом, открывшим для человечества космос, а был бы ученым, или металлургом, или врачом, он все равно был бы Гагариным. Потому что по натуре своей, по

ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
Выходит с 15 марта 1924 г.
ИЮНЬ 6
Издательство «Правда»
Москва, 1973 г.

© «Пионер». 1973 г.

характеру своему он был исследователем, первопроходчиком, первооткрывателем. Я помню, как жадно стремился он ко всему новому, ко всему, что еще не успел узнать, как все вокруг бесконечно его интересовало. Как-то мы вместе отправились путешествовать. На катере от Химок по Московскому водохранилищу. Он всегда ждал, когда именно через этот шлюз пройдет судно, требовал, чтобы мы заглянули в каждый водный рукав, обследовали каждый канал, не упускал случая поговорить с людьми, которые встречались нам по дороге.

Я понимаю, не всякий может стать Юрием Гагариным, но очень хочу, чтобы все ребята стремились воспитать у себя такой характер.

Летом у вас побольше свободного времени, чем в дни учения, не упускайте это время понапрасну.

Путешествуйте! Изучайте свой край! Исследуйте и делайте открытия!

Счастливых вам дорог!

Моя Родина— СССР

Так называется новая туристская экспедиция, которую проводит ЦК ВЛКСМ.

Главное в этой экспедиции, чтобы каждый ее участник серьезно изучил историю своей Родины, жизнь Владимира Ильича Ленина и его соратников, узнал о достижениях нашей страны, побывал в союзных республиках.

Начинается экспедиция с изучения того места, где ты живешь. Тот, кто успешно справился с маршрутами по своему району, своей области, отправится в путь по всесоюзным маршрутам.

«ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА» — этот маршрут очень важен для тебя. Ты глубже и полнее узнаешь жизнь В. И. Ленина.

«ДОРОГОЙ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ» — на этом пути ты откроешь замечательные страницы истории нашей партии и Октябрьской революции.

«НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО» — это походы по следам боев гражданской и Великой Отечественной войн.

«БУДНИ ВЕЛИКИХ СТРОЕК» — путь на стройки пятилеток: Днепрогэс и Нурекскую ГЭС, КамАЗ и завод имени Лихачева.

«ДОРОГАМИ ДРУЖБЫ» — путешествие по союзным и автономным республикам. Оно поможет найти новых, верных друзей.

«ОРДЕНА РОДИНЫ — НА ЗНАМЕНАХ КОМСОМОЛА» — этот маршрут познакомит тебя с историей комсомола.

«ОТЧИЗНЫ ВЕРНЫЕ СЫНЫ» — на этом пути ты повидаешь места, где жили, работали наши писатели, композиторы, полководцы, художники.

«ПО ГОРОДАМ-ПАМЯТНИКАМ» — путешествия по древнейшим городам нашей страны помогут тебе на уроках истории, географии, литературы.

Ты решил участвовать в экспедиции. В райкоме, горкоме, обкоме комсомола или в местном бюро молодежного туризма тебе выдадут маршрутную книжку. Во время путешествия ты будешь делать в ней отметки, чтобы потом видно было, где ты побывал: на каких заводах, стройках, в каких музеях. Тех, у кого путь окажется самым интересным, кто больше увидит и узнает, ожидают значки победителей — бронзовые, серебряные и золотые.

...Наступили твои самые длинные и любимые летние каникулы. Собери рюкзак — он запылился и устал лежать без дела. Пойдешь ли ты в музей или на большой завод, будь внимателен и любознателен. Жаль, если что-нибудь упустишь, мимо чего-то пройдешь. Путешествовать — это не только шагать, отмеривать километры, это смотреть, сравнивать, запоминать, думать, учиться и еще — становиться сильнее и выносливее.

ПУТЕШЕСТВЕННИКУ ВСЕГДА ЕСТЬ ЧТО РАССКАЗАТЬ: где побывал, что увидел, чему научился. Сегодня мы печатаем два таких рассказа. Это рассказы ребят о своих путешествиях.

> Журнал «Пионер» **ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС** для участников экспедиции «Моя Родина — СССР» **НА ЛУЧШИЙ РАССКАЗ, СТИХОТВОРЕНИЕ, ФОТОГРАФИЮ, РИСУНОК О СВОЕМ ПУТЕШЕСТВИИ.**

Написал рассказ или стихи, сделал рисунок или фотографию, присылай немедленно. Не позднее 1 ноября! Лучшие мы напечатаем в журнале. Победители конкурса получают интересные призы. Какие? Ты узнаешь позже.

Каска скалолаза

Путешествуют не только на поездах и самолетах. На 231-м автобусе тоже можно. Прямо от школы мы доехали на нем... до электростанции.

Электростанция была небольшая — три турбины — и снабжала электричеством всего один московский район. Но нас она поразила. Удивительно: за огромной турбиной следит всего два-три человека. И вообще на электростанции почти не было людей. Весь наш пятый класс ходил тогда просто ошарашенный: впервые мы увидели «взрослое» предприятие — настоящую электростанцию.

С тех пор начались наши путешествия. Мы побывали на самых разных электростанциях Советского Союза — и на тепловых и на гидроэлектростанциях. Прошлым летом были на Кавказе, на Всесоюзной ударной стройке — Чиркейской ГЭС.

Представьте себе отвесные скалы, словно расчерченные трещинами на квадраты. А на скалах люди в касках с козырьками. Скалолазы. Внизу, далеко-далеко река Сулак, и ущелье называется Сулакским. Прежде чем начинается строительство, скалолазы все ущелье проверяют: не обвалится ли где-нибудь камень. Потом укрепляют тросы, по которым будут опускать бетон, стройматериалы для строительства плотины через Сулак.

Можно, конечно, прочитать в учебнике про план ГОЭЛРО и про то, какие у нас в стране мощные электростанции, но увидеть своими глазами — это другое дело!

Многие ребята из нашей школы путешествуют так уже несколько лет. Потом, окончив десятый класс, они часто идут учиться в Московский энергетический институт.

В нашем школьном музее много всяких вещей, которые мы привезли из своих путешествий. Фотографии, которые мы сами сделали, таблицы, книжки с автографами ученых и строителей электростанций. Макеты электростанций. А в самом углу у дверей лежит каска с козырьком. Когда в музее никого нет, я ее иногда примеряю.

Таня ХАРИНА,
школа № 487, г. Москва.

Долгопрудный—Ловозеро

Все, что мы знали о маленьком народе саами, мы знали по книжкам. Ехали мы к ребятам, с которыми были знакомы только по письмам. От Подмосковья до Кольского полуострова дорога длинная. Интернат, где они живут, в Ловозере. Чумов, которые мы ожидали увидеть, нет в Ловозере, и в оленьих шкурах никто не ходит. Стоят современные дома, кинотеатр, в магазине горками лежат оранжевые апельсины.

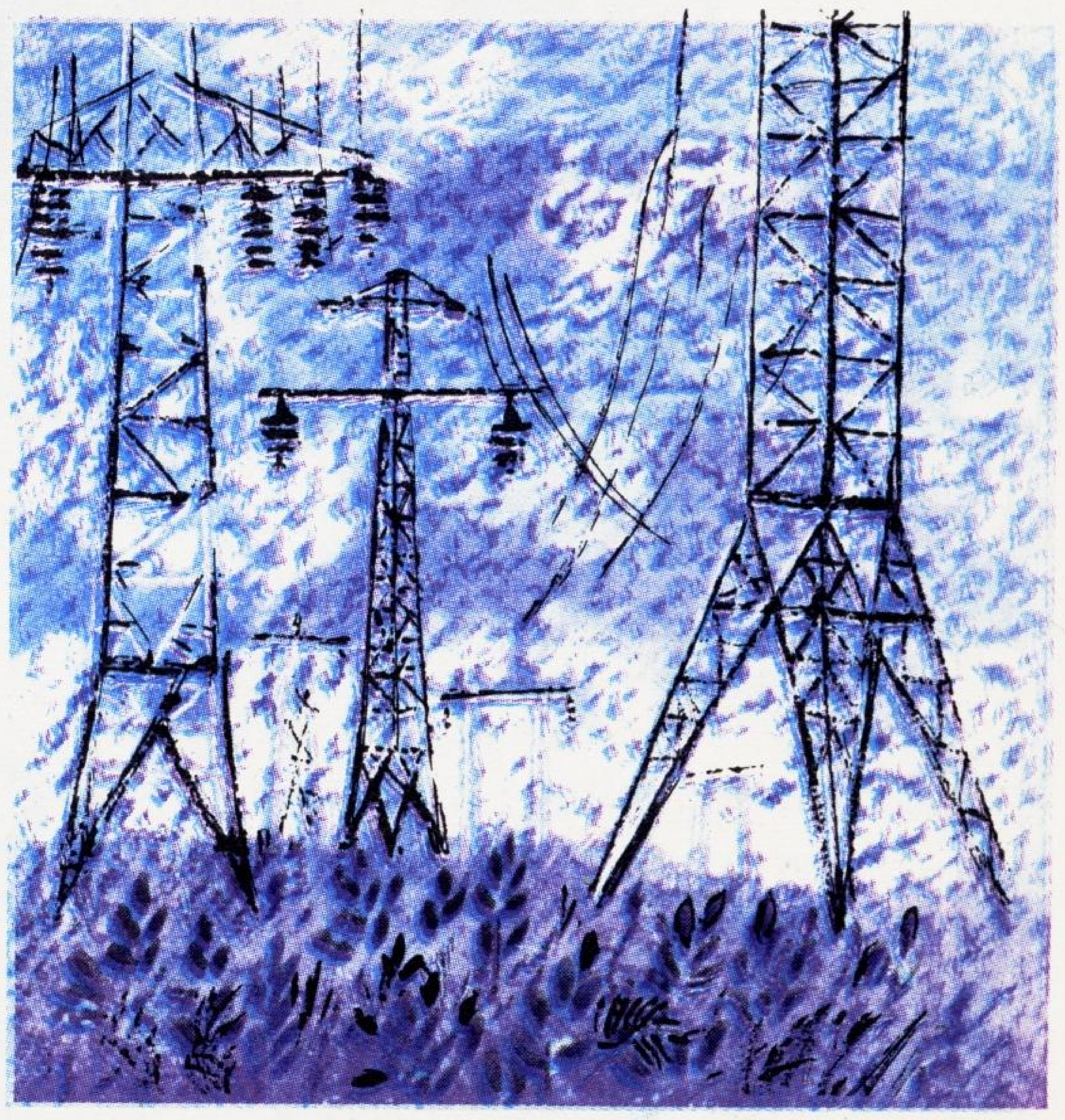
В Доме пионеров мы смотрели спектакли драматического кружка и кукольного театра, на большой выставке видели зверюшек, сшитых из меха, и отличные рисунки. Но занятия самого любимого кружка — оленеводов — проводятся не в Доме пионеров, а в... тундре. У ребят свое стадо, заботы о котором полностью лежат на них. Они нам много об этом рассказывали.

Вечерами мы сидели кружком, вместе с нашими друзьями из Ловозера возле старого, степенного оленевода с дымящейся трубкой и слушали саамские сказки: про злую хозяйку Севера колдунью Лоухи, про то, как она хотела похитить у саами солнце и месяц и как ей это не удалось.

Грустно было прощаться с ребятами, с Ловозером...

Оля БАРАНОВА,
школа № 6, г. Долгопрудный.

Просьба! На конверте пиши: «Моя Родина — СССР».



Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.
Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

ВСАДНИКИ на станции Роса

Владислав КРАПИВИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Продолжение

Пудру, Витьку Солобоева и Гутю начальник лагеря звал «мои мушкетеры». Они ездили в лагерь уже несколько лет подряд. Знали они и все порядки. Когда и кому их можно нарушать, а когда и кому следить за ними. В совет дружины «мушкетеров» не выбирали. Но они и так ходили в главных. Когда надо перегонять лодки из соседней деревни, ехать в село за сметаной или заготавливать в лесу дрова для костра и возить их на лошади, кого пошлешь? Завхоз дядя Вася на десять частей не разорвется. Не отправишь ведь по таким делам председательницу совета дружины Светку Мальцеву.

И когда малышовый отряд поднимает на тихом часе гвалт и начинает бой подушками, «мушкетеры» всегда тут как тут.

Ну, а если они искупаются лишний разок, когда наблюдают за порядком на речке, или оттянут по затылку нарушителя дисциплины, беда невелика. Зато все спокойно.

Главным среди «мушкетеров» был Гутя. То ли это имя у него, то ли прозвище, Сережа не знал. Девчонки из старшего отряда по Гуте вздыхали. Был он симпатичный: смуглый, темноволосый, стройненький. Всегда в отглаженной пионерской форме, как с картинки. И очень вежливый. Со всеми. Даже с теми пацанятами, которых он за провинности собирался тюкнуть по лбу.

Впрочем, Гутя редко пускал в ход руки. Для этого были Пудра и Витька.

Пудра был Гутин друг, хотя он на Гутю ну ни капельки не походил. Худой, длинный, в штанах с пузырями на коленях, в рубахе навыпуск, нескладный. У него была тонкая шея, круглая голова и желтые космы волос. Они торчали вразлет, и Пудра напоминал подсолнух.

Пудра умел притворяться дурачком. Как скажет свое «гы» да отпустит шуточку поглупее, сразу покажется, будто он недоразвитый. Но это тем покажется, кто Пудру не знает.

А Витька Солобоев ходил у Гути и Пудры в адъютантах. И ничего особенного в нем не было, кроме розовых щек и аппетита.

В этом году приклеился еще к «мушкетерам» Женька Скатов. Хмурый такой, неразговорчивый парнишка. Выбрали его в совет отряда, потому что, говорят, он в школе хорошо учился, но Женька отрядными делами не занимался, а все время гулял с «мушкетерами».

...Вот этих четверых и встретил Сережа, когда проводил Костю.

*

Костя уехал. Не мог он остаться: пришла из города телеграмма, что Костина мать заболела. Тяжело. Про Костин отъезд и телеграмму никто не знал, кроме вожатых.

Сережа узнал случайно. Он раньше всех закончил завтрак, выскочил из столовой и увидел, что Костя шагает к лагерной калитке с плащом на руке и с чемоданом.

Сердце у Сережи неприятно стукнуло. Он догнал Костю.

— Ты разве уезжаешь?

— Приходится,— откликнулся Костя. И коротко рассказал про телеграмму.

Сережа молча пошел рядом. Что тут скажешь?..

Потом он спросил:

— А почему ребята не провожают?

— Не сказал я никому. И так на душе муторно. А тут сорок человек — сорок расставаний. Девчонки еще слезу пустят.

«Не только девчонки»,— подумал Сережа. И попросил:

— Можно я провожу? Я не пущу слезу

— Пойдем, Сергей,— сказал Костя.

Сережа взял у него плащ, и они зашагали к станции. Через лес, через луг. Молча.

Когда среди трав поднялся станционный домик, Костя остановился:

— Возвращайся, Сергей, а то потеряют тебя. Спасибо. Ребята пусть не обижаются, я им напишу.

«А песню я навсегда запомнил»,— хотелось сказать Сереже, но он промолчал. Стоял и смотрел вслед Косте. Даже «до свиданья» не сказал. «До свиданья» — значит «до встречи». А где же им встретиться, если Сережа и адреса-то Костиного не знает. Постеснялся спросить. Какие уж тут адреса, если у человека несчастье!

*

«Мушкетеры» повстречались ему у самой калитки.

— Очень приятно. Еще один самовольщик,— лениво произнес Гутя.—Кто разрешил за территорию лагеря уходить?

Сереже было грустно. Ему было не до «мушкетеров». Сережа и не подумал, что их четверо, а он один. Просто сказал:

— Тебе какое дело?

— Ух ты!..— в один голос возмутились Пудра и Солобоев и хотели ухватить Сережу. Гутя удержал их движением ладони.

— А вот какое дело,— любезно сказал он.— Позвольте довести до вашего сведения, что начальник велел всех, кто из лагеря нос высовывает, отправлять на гауптвахту.

— Куда отправлять? — удивился Сережа.

— Под замочек. Пока он не придет и не разберется.

— Гы! Да ты не бойся, не заскучаешь,— вмешался Пудра.— Там уже три гаврика сидят, веселятся.

— Ну идите и веселитесь с ними,— хмуро сказал Сережа.

— Ты поговори! — пригрозил Женька Скатов.— Иди лучше добром. Нам начальник приказ дал.

— Приказ — дуракам напоказ,— сказал

Начало в № 5, 1973 г.

Сережа. Ему было все равно, потому что Костя уехал.— Здесь не кадетский корпус.

— Взять,— сказал Гутя.

Пудра и Витька прижали Сережу к забору. Хотели повести насильно. А ему вдруг так обидно сделалось и такая злость нахлынула! Кулаки сами сжались.

— Ладно, отпустите,— вдруг распорядился Гутя.— Дитя готово разрыдаться. Маму звать начнет.

Пудра заупрямился:

— Не-а... Пускай сказочку расскажет, тогда пустим. Это же тот сказочник. Он нам всю ночь про каких-то наездников мозги заправлял. У, потеха!

Видно, Пудра решил отомстить за Витьку, которого накануне вечером не захотели слушать ребята.

И сам Витька обрадовался:

— Точно! Он трепался, будто лошадиной дивизией командовал! Ты, Гутя, не слыхал, не знаешь. Будто, как свистнет, так все кругом без памяти валяется.

Стыд и ярость взметнулись в Сереже! Он им тайну открыл, сказку доверил, а они!..

— А ну пустите! — крикнул он с такой злостью, что «мушкетеры» отшатнулись.

— Что случилось? — раздался голос начальника лагеря. Совков подошел незаметно.

— Ничего страшного, Тихон Михайлович. Самовольщик нервничает,— объяснил Гутя.— За пределами лагеря гулял, а теперь брыкается.

Совков повернулся к Сереже.

— Кто позволил уходить из лагеря?

Глядя в землю, Сережа сказал:

— Я Костю провожал. Он мне сам разрешил.

— Надо было у меня спросить... Ладно, ступай.

Сережа плечом отодвинул с дороги молчаливого Женьку и шагнул в калитку. Но злость и обида вдруг снова поднялись в нем. Он повернулся.

— А они... пусть лучше меня не трогают! Я под их скрипку танцевать не собираюсь!

Он ожидал в ответ возмущения и угрозы. Но «мушкетеры» промолчали, а Тихон Михайлович сказал почти ласково:

— Ступай, ступай. Они не тронут. Я поговорю.

*

Они и правда не трогали Сережу. Но в тот же день он увидел на своей подушке листок с карикатурой: кривоногий всадник сидел на брюхатой лошади и держался за хвост.

На следующий день вслед Сереже то и дело звонко ржали наученные «мушкетерами» малыши. К вечеру кое в чем разобрался, видимо, Димка и навел среди октябрятской братии порядок: ржание прекратилось. Но перед ужином к Сереже подошла пионервожатая Рита и, хлопая длинными ресницами, заговорила:

— Послушай, Каховский, у нас завтра костер. Ты не мог бы рассказать всему отряду свою сказку?

— Какую сказку?

— Ту самую, про которую все говорят. Про каких-то волшебников, говорящих верблюдов, лошадей...

— Кто вам сказал про эту сказку?

— Падерин и Солобоев. А что?

— Скажите им, что они болваны,— четко произнес Сережа.

— Да ты грубиян! Тебя по-хорошему просят, а ты...

Вот в тот вечер Сережа и написал домой письмо. Написал и бросил в фанерный почтовый ящик у пионерской комнаты.

А на другой день, на вечерней линейке — как гром среди ясного неба!

*

Впрочем, сначала линейка шла, как обычно: рапорты, итоги, благодарности дежурным по кухне. Потом взял слово начальник лагеря. Это было тоже привычно: он часто выступал на линейках.

На этот раз он говорил о тех, кто самовольно уходит из лагеря в лес, на речку и в поле. Невысокий, кругловатый, энергичный, он стоял у мачты с флагом и при каждом слове резко дергал устремленным вниз указательным пальцем — словно кнопки нажимал или неумело печатал на большой пишущей машинке.

Слова начальника были привычные и скучные:

— Отдельные безобразные случаи превратились в систему... Администрация будет вынуждена... Есть меры, которые заставят нарушителей...

Потом он передохнул и заговорил попроще:

— Ну, чего вам не хватает? Территория благоустроенная, аттракционы всякие. Порядок надоел? Так порядок этот не назло вам, а чтобы избежать несчастных случаев. Мы, взрослые, за вас отвечаем. Понимаете? От-ве-ча-ем! Совести у вас нет, вот что. Безобразничаете, а потом еще жалуетесь родителям. Приезжайте, мол, заберите отсюда, а то как в тюрьме...

— А кто жалуется? — насмешливо спросили из рядов.

— Да есть такие... «Папа, приезжай, а то все плохо». Купаться, видите ли, нельзя... А тонуть можно, я спрашиваю?

Сережа в первый миг почувствовал себя так же, как при стычке с «мушкетерами», когда они издевались над его сказкой. А потом стало ему тоскливо и очень одиноко. И уже ничего не боясь, он спросил:

— Это вы про мое письмо говорите?

— А что? — ответил начальник.— Может быть, я говорю неправду?

— Значит, вы его читали?!

— Может быть, ты хочешь сказать, что я лгу? Я могу прочитать письмо на линейке.

И тогда при напряженном молчании отрядов, в ясной вечерней тишине, когда не колышутся листья и флаги, все до единого человека услышали Сережины слова:

— Но ведь это подлость!

— Понимаете, Алексей Борисович, я совсем не хотел нагрубить,— сказал Сережа.— Ну, нисколечко. Так получилось. Просто другого слова не нашлось... А он раскричался, конечно: «Хулиган, как ты смеешь! Раз тебе наши порядки не нравятся, убирайся из лагеря! Чтоб твоего духу здесь не было!»

Ну, я сказал: «Хорошо» — и ушел. С линейки ушел и хотел сразу на станцию идти, но уже поздно было, сумерки.

— И страшновато,— добродушно уточнил Алексей Борисович.

— Ну... да. Не потому, что вечер, я темноты не боюсь. Просто на станции стали бы спрашивать: куда один едешь ночью? В общем, я переночевал, а утром ушел. Хорошо, что чемодан был не на складе, под кроватью: я его как раз взял со склада, чтобы рубашку сменить...

— Никто не знал, что ты уходишь?

— Я Димке сказал, чтобы предупредил всех. Я рано ушел, на рассвете...

*

На рассвете он проснулся, будто по сигналу. В окошке за черными соснами розовели клочковатые облака. Сережа неслышно оделся, подхватил чемодан и курточку, отодвинул на окне марлевую занавеску и прыгнул на песок.

Осторожно прошел он вдоль всего корпуса к самому крайнему окошку. У этого окошка в палате шестого отряда спал Димка.

Оконные створки были распахнуты. Видно, утренний холодок донимал Димку, и он завернулся в одеяло по самую макушку. Торчал только затылок с пшеничными растрепанными волосами.

— Дим,— позвал Сережа и лег животом на подоконник. Димка не пошевелился, лишь волоски на затылке вроде бы насторожились, как маленькие антенны.

— Ди-ма!..

Димка откинул одеяло и сел. Поморгал. И внимательно, будто и не спал, посмотрел на Сережу.

— Я ухожу. Домой уезжаю. Ты скажи вожатой... и всем, кому надо.

— Насовсем уезжаешь? — шепотом спросил Димка.

— Насовсем. Что ж теперь делать?

— Правильно,— серьезно сказал Димка.— Только жалко... Костя уехал, ты тоже.

— Что же теперь делать? — снова сказал Сережа.

— Я понимаю...

— Я тебе письмо напишу,— пообещал Сережа.

Димка растянул в улыбке свои большие губы.

— Ты длинное напиши, чтобы долго читать. Ладно?

И тут же насупился.

— Нет, не надо. Это письмо, наверное, тоже распечатают. Ну их!..

— Я так заклею, что никто не распечатает,— пообещал Сережа.— Ну, ты ложись. Спи, рано еще.

Димка кивнул, но продолжал сидеть.

— Спи, Дим... Укладывайся.

Димка лег на спину, но продолжал во все глазищи глядеть на Сережу. Сережа до подбородка натянул на него одеяло.

— Ну, я пошел.

Короткая хлесткая злость на начальника лагеря, на его «мушкетеров» обожгла Сережу. Он резко оттолкнулся от подоконника и зашагал к забору. Он успел еще заметить, что Димка снова сел и смотрит вслед. Но оглядываться не стал. Потому что все равно нужно было уходить. О том, что можно бы и остаться, он даже не думал.

Лагерь спал таким глубоким сном, что можно было никого не опасаться. Но все-таки Сережа не пошел к калитке; сторож мог и проснуться. Доказывай тогда, что Сережа не убегает, а просто уходит, потому что... В общем, сторожу трудно что-нибудь доказать.

Сережа пробрался сквозь колючки к забору. Серые головки репейника приклеились к брюкам, острый сучок разорвал штанину. Сережа отодвинул в заборе доску — открылась щель. От нее убегала тропинка...

*

— Да-а. Заварил ты кашу! — сказал Алексей Борисович.— И знаешь что, Сергей? Тебя будут обвинять в дезертирстве. Скажут, не уходить надо было из лагеря, а доказывать свою правоту, раз уж ты уверен, что прав.

— Кто скажет?

— Да кто угодно. Ребята. Или тот же начальник лагеря.

Сережа медленно покачал головой.

— Я не дезертир. Я не из-за трусости ушел. Просто противно стало. А доказывать там некому. Одни смеются, другим все равно. Ведь знают, что нельзя чужие письма читать, а молчат... А Тихон Михайлович тоже... Ну что я ему докажу? Он думает, что с ребятами что хочешь можно делать!

— Сейчас он так уже, наверное, не думает,— заметил Алексей Борисович.

Сережа осторожно поднял на него глаза.

— А вы... не думаете, что я дезертир?

— Нет,— сказал Алексей Борисович и почему-то нахмурился.

Потом он спросил:

— А почему этого Тихона Михайловича так разозлило письмо? Что ты там такого понаписал?

— Да ничего особенного! Вот посмотрите!

Он вытащил из кармана помятый конверт.

— Постой, Сережа. А откуда оно у тебя? Разве начальник вернул его?

— Физруку отдал. Ну... он меня тут догнал, уговаривал вернуться.

— Понятно. Это тот гражданин, с которым ты беседовал, когда я подходил к станции?

— Тот самый...

— Так... Значит, можно почитать письмо?

— Читайте, пожалуйста.

Алексей Борисович вынул из конверта большой коричневатый лист в крупную клетку. И удивленно глянул на Сережу.

— А где ты взял такую бумагу?

— Да в лагере ее сколько угодно. Это такие конторские книги, мы из них отрядные дневники делали. А что?

— Да так, любопытно...

И он стал читать.

Сережа придвинулся и тоже стал перечитывать знакомые строчки.

Здравствуйте, папа, тетя Галя и Маринка!

У меня все в порядке. Здоровье хорошее. Один раз ногу подвернул на футболе, но уже прошло. Недавно мы ходили в поход с палатками. Только ночевать не стали, потому что вожатая испугалась грозы. А еще будет военная игра. Но, знаешь, папа, если по правде писать, то мне здесь не нравится. Сначала понравилось, потому что был хороший вожатый и костры были. Но он уехал. Теперь скучно. Хотел я подружиться с ребятами, только пока не получается. Я один раз сказку рассказал, чтобы интереснее было. А они смеются теперь. Знаешь, папа, лучше бы ты приехал за мной. Лучше бы мы с тобой и Наташкой поехали в твой заповедник, а то все только собираемся и собираемся. И никак не получается, чтобы вместе. А здесь даже и не порыбачишь, даже и не искупаешься как следует, потому что только залезешь и сразу обратно.

Ты не думай, что я жалуюсь. Если надо, я проживу всю смену. Но ты ведь просил писать честно, вот я и пишу честно. Лучше бы ты приехал за мной. Здесь, знаешь, почему плохо? Потому что каждый день одно и то же! А если плохо, то зачем?

Но если ты не можешь, не приезжай.

Тетя Галя, можно я сменяю свои польские штаны на трехцветный фонарик? Они мне все равно велики и сваливаются, а тому мальчику, у которого фонарик, они как раз.

Пусть Маринка не лазит в мой ящик без спросу, а то у меня там пистоны и острый циркуль с иголками.

До свидания.
Ваш Сережа.

Письмо было написано на развернутом листе, вырванном из конторской книги. Половина листа осталась чистой.

— Можно, я возьму эту бумагу?— спросил Алексей Борисович.— Здесь ничего не написано.

— Возьмите, конечно!.. А зачем?

— Да так, пригодится. В морской бой можно поиграть, тут клетки подходящие. До поезда все равно еще много времени. Ты умеешь играть в морской бой?

Сережа снисходительно усмехнулся.

— Ну и отлично! — Алексей Борисович аккуратно оторвал листок, а письмо отдал Сереже.

— А вы...— нерешительно сказал Сережа.— Вы ведь сейчас прочитали. Как вы думаете, что в нем... такого?

— «Такого» ничего.

Сережа сунул письмо в конверт, а конверт — в карман своих просторных брюк. Алексей Борисович глянул мельком и спросил:

— Не успел поменять штаны на фонарик?

— Не успел,— вздохнул Сережа.— Да тетя Галя, наверно, и не разрешила бы.

— А тетя Галя... она кто? Твоя тетя?

Сережа просто сказал:

— Она папина жена. Мама у меня умерла.

— Извини, брат.

— Ну а что ж такого? — спокойно откликнулся Сережа. И вдруг спросил:— А вы были в Сибири?

— Был.

— Мама в Сибири умерла. Поехала в командировку к геологам и простудилась. Быстрая какая-то простуда. Врач на вертолете прилетел, да уж поздно... Алексей Борисович! — Сережа глянул так, будто очень-очень о чем-то просил: — Это шесть лет назад было. Может, вы встречали маму?

Алексей Борисович покачал головой.

— Нет, малыш. Не хочу я тебя обманывать, не встречал. Я бы запомнил такую фамилию.

— А у мамы другая фамилия — Ласкина.

— Нет, Сережа. Не знаю... Сибирь громадная. Где это было?

— Где нефть. Под Сургутом. Она там и раньше бывала. И с папой там познакомилась. Он биолог-охотовед.

— В тех краях я бывал. Да разве всех запомнишь? Может быть, и встречались когда-нибудь.

Почти шепотом Сережа сказал:

— А у меня карточка есть. Хотите покажу?

— Покажи, конечно.

Из нагрудного кармана курточки Сережа достал блокнотик и вынул из него фотографию. Она была размером с карманное зеркальце.

Алексей Борисович положил снимок на ладонь. Посмотрел полминуты и снова покачал головой.

— Нет, Сережа. Я запомнил бы... Красивая у тебя мама. И молодая совсем.

Сережа кивнул:

— Двадцать четыре года. Я ее хорошо помню, хотя мне всего пять лет было.

— И карточка всегда с тобой?

— Всегда.

Он вложил снимок между страничками и спрятал блокнот в карман.

*

Морской бой — игра нехитрая, но тоже требует умения. Алексей Борисович один раз уже потерпел полный разгром и теперь слегка нервничал.

— Не понимаю, как ты ухитряешься? По теории вероятности шансы у нас должны быть примерно равные... Слушай, а ты не подсмотрел?

— Да честное пионерское! Просто у меня особый способ... Дэ-один.

— А вот тебе и способ! Промазал! Жэ-семь.

— Мимо. Е-три.

— Тьфу, черт! Угробил канонерку. Бей еще... Ты что, Сережа?

А Сереже сразу стало не до канонерок. Он увидел, как на дороге затормозил знакомый лагерный «газик». И от машины к станции шагал по заросшей тропинке сам Тихон Михайлович Совков.

— Ну вот,— тоскливо сказал Сережа.— Начальник приехал.

Алексей Борисович быстро оглянулся.

— Ишь ты! — непонятно сказал он.

Сережа сидел, сощурившись и сжав губы.

— Начнется теперь все снова, —шепотом сказал он.

— М-да...— неопределенно откликнулся Алексей Борисович.

Сережа думал, что он заступится, а он «м-да».

Сережа резко сказал:

— В лагерь я все равно не поеду.

— Смотри. Это в конце концов — твое дело.

— Не поеду я! — повторил Сережа.

Алексей Борисович вдруг улыбнулся.

— Ну а если не поедешь, тогда зачем нервничать? Давай играть дальше. Посмотрим, что будет.

*

И было вот что.

Начальник лагеря подошел и остановился, выжидающе глядя на Сережу.

— Вэ-один,— напряженным голосом сказал Сережа.

— Может быть, Каховский, ты обратишь на меня внимание? — спросил Тихон Михайлович.

— Я обратил,— сказал Сережа.— Вэ-четыре, Алексей Борисович.

— Может, ты хотя бы поздороваешься?— спросил начальник.

— Здравствуйте... Мимо, Алексей Борисович. Вэ-шесть...

— Вляпал, —с сожалением сказал Алексей Борисович.— В подводную лодку.

— Гражданин, я, кажется, разговариваю с мальчиком,— с достоинством произнес товарищ Совков.— Я просил бы не мешать.

Алексей Борисович поднял на него добрые свои зеленоватые глаза.

— Этот мальчик сбежал из лагеря! — возмущенно известил директор.— Вам это известно?

Услышав слово «сбежал», Сережа шевельнул плечом, но промолчал.

— Мне Сережа изложил, так сказать, ситуацию,— откликнулся Алексей Борисович.— В общих чертах. Правда, не совсем так, как вы. Он сказал, что не сбежал, а ушел из лагеря. В соответствии с вашим распоряжением. Кажется, вы не сошлись во взглядах на тайну переписки?

— При чем здесь тайна переписки? Вы что, угрожаете мне?

— Ну что вы! — с мягким упреком воскликнул Алексей Борисович.— Чем я вам угрожаю, посудите сами? Разве я похож на человека, который может угрожать?

— Тогда почему вы вмешиваетесь? Собственно, кто вы такой?

— Да я и не вмешиваюсь. Я, простите, отвечаю на ваши вопросы. Кто я такой? Сережин попутчик, вместе ждем, когда поезд придет... А вообще-то, Тихон Михайлович, я думал, что вы меня не забыли еще Мы с вами как-то разбирали один сложный вопрос о выгрузке овощей из вагонов. Тоже не сошлись во взглядах. Помните? По правде говоря, я думал, что вы по-прежнему складом заведуете. А вы — бывают же чудеса! — на посту начальника лагеря! Поздравляю. Хотя удивлен до крайности. Всегда считал, что дети чем-то отличаются от овощей.

Сережа заметил краем глаза, что во время этой речи Тихон Михайлович начал часто мигать, и лицо у него порозовело.

— А, это вы... товарищ корреспондент. Я должен был догадаться. У вас удивительная способность возникать где не надо.

— Ну, видите ли, тут у нас точки зрения очень разные. Когда вы считаете, что не надо, я как раз думаю, что надо.

Тихон Михайлович тяжело задышал и стал ощупывать карманы, словно искал сигареты. «А ведь он чего-то боится»,— с удовольствием подумал Сережа.

— Да вы не волнуйтесь, товарищ Совков,— усмехнулся Алексей Борисович.— С Сережей-то я случайно познакомился. Я в этих краях по другому вопросу оказался. Точнее, по другому письму. Понимаете, какой-то гражданин — не то Сапогов, не то Сачков — написал про председателя здешнего колхоза. Будто председатель этот — су-

щий жулик. Не длинное письмо, но... выразительное. Кстати, написано на такой же бумаге, что и Сережино. Хорошая бумага. Где вы ее для лагеря раздобыли, Тихон Михайлович?

Совков отступил на два шага и вздернул подбородок.

— Я вас попросил бы... Кто вам дал право делать намеки и клеить на меня ярлыки? Я не писал никаких писем! У меня с председателем отличные отношения.

— Ну и прекрасно! Тем более, что не подтвердилось письмецо.

— Я не понимаю, зачем вы мне про это рассказываете...

— Да просто так. Делюсь своими заботами. Думал, вам интересно.

— Я попросил бы... Давайте, закончим разговор,— сказал Совков.— Я выполняю свои обязанности. Ребенок самовольно покинул лагерь, и я должен увезти его назад. Почему вы мне препятствуете?

— Я препятствую? — Алексей Борисович даже отодвинулся от Сережи.— Помилуйте, каким образом я препятствую? Ну, увозите, пожалуйста.— Он поймал растерянный Сережин взгляд и в ответ улыбнулся глазами.

*

Начальник лагеря перестал обращать внимание на Алексея Борисовича. Он всем корпусом повернулся к Сереже, слегка наклонился и стал говорить настойчиво и в то же время добродушно:

— Ну, вот что, Каховский. Надо заканчивать эту историю, ты и сам понимаешь. Давай, дорогой товарищ, забудем все эти грустные события, сядем в машину — и в лагерь. Нас дела ждут.

— Извините, Тихон Михайлович, я не поеду. Я же сказал,—негромко, но твердо проговорил Сережа. Он не смотрел на Совкова. Разглядывал бумажку с нарисованной эскадрой и с нетерпеливой досадой думал: «Когда он наконец уедет?»

— Видали его! — уже без всякого добродушия воскликнул Совков.— Он «сказал»! Фигура! Ты думаешь, что ты лучше всех? За что ты всех возненавидел?

— Кого? — удивился Сережа.

— Весь лагерь!

— Я никого не возненавидел. Просто мне в лагере не нравится.

— Не нравится сейчас — потом понравится.

— Нет,— тихо сказал Сережа.— Все равно хорошо уже не будет... Да еще и собака. Где она там будет жить?

— При чем тут собака? Я приехал не за собакой, а за тобой? Я не могу забирать в лагерь всех бродячих псов.

— Он не бродячий, а мой. Я его бросить все равно не смог бы. Раз он мой, я за него отвечаю.

— А я отвечаю за тебя! Понимаешь? За тебя! И я не имею права отпустить тебя из лагеря.

Сережа пожал плечами.

— Вы меня и не отпускаете. Я сам уезжаю.

— Вот именно, сам! Самовольно! Ты думаешь, это тебе так сойдет? Не думай, голубчик. Мы и родителям сообщим и в школу. Про все твои фокусы. И как собаку натравливал на Станислава Андреевича! За такие дела, знаешь что? В колонию!

— Я не натравливал! Он меня схватил, а Нок зарычал!

— Эти сказки ты потом будешь рассказывать. Не здесь и не мне. Станислав Андреевич врать не будет.

— Прошу прощения,— вмешался Алексей Борисович,— но Станислав Андреевич несколько преувеличивает, так сказать. Я как раз подходил к станции и был свидетелем этой сцены. Собака вела себя вполне интеллигентно...

Совков резко повернулся к нему.

— Я не понимаю, чего вы хотите? Чтобы я отпустил его одного домой? Интересно, что вы сделали бы на моем месте?

— На вашем месте, —с усмешкой сказал Алексей Борисович,— я бы помнил, что никто не имеет права читать чужие письма. Помнил бы также, что у детей тоже есть чувство собственного достоинства, которое никому не позволено оскорблять, да еще публично. И что каждый человек имеет право порвать отношения с тем, кто его оскорбил... А посоветовать вам я мог бы вот что: раз мальчик категорически отказался жить в лагере, надо назначить ему провожатого: пусть доставит его домой.

— Если каждый мальчишка начнет бегать из лагеря, у меня людей для провожания не хватит. У меня вожатые, а не провожатые.

— Ну, если у вас начнут бегать все мальчишки, значит, в лагере что-то не так... А о провожатом для Сережи не беспокойтесь, я эту услугу могу вам оказать, раз уж так получилось.

— Знаю я ваши услуги. Они, извините, медвежьи... Каховский, я последний раз спрашиваю: ты поедешь в лагерь?

Сережа вздохнул и молча покачал головой.

— Ну, прекрасно. Так и запишем. А про вас, товарищ корреспондент, я напишу в редакцию. О вашем поведении. Имейте в виду.

— Буду иметь в виду. Только подписывайтесь разборчиво...

Совков круто повернулся и зашагал к машине, широко размахивая руками. Нок поднял уши и смотрел ему вслед.

Хлопнула дверца машины. «Газик» подпрыгнул и запылил по шоссе.

Сережа с облегчением сказал:

— Кажется, все.

— Будем надеяться... Хотя должен ска-

— Насовсем уезжаешь? — шепотом спросил Димка.
— Насовсем. Что ж теперь делать?..

зать, что Тихон Михайлович Совков — человек упрямый.

— Вы его знаете, да?

— Встречались. Не всегда он был начальником лагеря.

— Вот вы сказали... про овощи. Неужели он был жулик? Он овощи воровал, да?

Алексей Борисович засмеялся.

— Да нет, Сережа, не придумывай. Ничего он не воровал. Все это гораздо сложнее... Хитрил он, чтобы лишнюю премию получить, а из-за этого дело страдало. Вагоны простаивали, график срывался. Впрочем, в своем деле он разбирался и работать мог, если хотел. Но кто его начальником лагеря поставил? Много я видел смешных вещей, а такой не помню... Да ну его... Ты что приуныл?

— Я не приуныл. Все в порядке.

— Тогда продолжим? Бой еще не закончен.

— Не закончен,— вздохнул Сережа.

*

Подошло наконец время поезда. На станции появились еще три пассажира: старичок с белой бородой и пухом вокруг блестящей лысины, румяная старушка с корзиной, в которой кто-то крякал и шевелился, и девочка, крошечная, но резвая, в красном с белыми горошинами платочке.

— Как из сказки,— сказал Сережа.— Дед, бабка и внучка Маша.

Из-за леса выскочил зеленый поезд. На крыльце показался старик дежурный в красной фуражке и со свернутыми флажками — красным и желтым.

— Дождались,— сказал Алексей Борисович и поднялся со скамейки.

Поезд зашипел и остановился.

Двери открылись только в двух вагонах. Видно, сходить на этой станции никто не собирался, а для посадки пяти пассажиров достаточно было и двух дверей. Так, наверно, решили проводники.

Дед, бабка и внучка засеменили к ближнему вагону.

— Пойдемте в другой,— торопливо сказал Сережа.— А то они сейчас вход закупорят, и мы не успеем.

Он подхватил чемоданчик, потянул за поводок Нока и вприпрыжку двинулся вдоль вагонов. Алексей Борисович обогнал его и широко зашагал впереди. Он первый вскочил на подножку и крикнул:

— Давай Нока!

Протянул руку, чтобы ухватить ошейник.

Позади возникла юная проводница с круглым неприступным лицом.

— Гражданин, вы куда с собакой?

Алексей Борисович оглянулся.

— Как куда? В вагон, разумеется.

— В вагон нельзя. Вы что, маленький? Правил не знаете?

— У нас билет есть! — крикнул снизу Сережа.

— Билет ни при чем. Намордника-то нет!

— Да что вы, девушка! — вкрадчиво сказал Алексей Борисович.— Ну, зачем ему намордник? Это же еще совсем щенок.

— А нас не касается, щенок это или нет. Намордники для всех обязательны... Гражданин, кому я сказала! Не смейте втаскивать собаку, я не пущу.

— Ну, что нам делать-то? — взмолился Алексей Борисович.— Не бросать же пса! Сердце-то у вас есть?

— Сердце здесь тоже ни при чем. Если контролер по вагонам пойдет, ему до моего сердца дела не будет. Я из-за вас премии лишусь.

— Да пока контролер пойдет, мы какой-нибудь намордник сообразим!

— Вот сначала сообразите, а потом садитесь в поезд... Сойдите с подножки, гражданин. Слышите, отправление дали? Или оставьте собаку.

Алексей Борисович взглянул на Сережу.

— Нет,— шепотом сказал Сережа и обхватил Нока за шею.

Алексей Борисович чертыхнулся и спрыгнул на землю. Проводница старательно закрыла дверь. Вагон лязгнул и пошел, наращивая скорость.

— Фу ты, как глупо вышло! Юная бюрократка... И не придерешься — ведь инструкцию соблюдает,— сказал вслед вагону Алексей Борисович.

Сереже было очень стыдно. Ну как он не сообразил, что нужен намордник! И Алексей Борисович из-за него остался..

— Вам надо было ехать,— проговорил Сережа.— Я виноват, вот и сидел бы здесь. А теперь вы из-за меня застряли.

— Ну, брат, что за чепуху ты говоришь,— недовольно произнес Алексей Борисович.

Сережа виновато помолчал и спросил:

— А что теперь делать?

— Ну, что делать... Сначала намордник. Потом еще раз сыграем в морской бой. Через полтора часа, насколько я помню, должен еще поезд быть... Только вот есть хочется. А? Что за станция, даже завалящий бутерброд купить негде! Прямо хоть ремень жевать начинай. У тебя кожаный?

Сережа улыбнулся все еще виновато.

— Кожаный. Только его жевать нельзя. Из чего тогда намордник делать?

— А может быть, от моего аппарата возьмем ремешок для намордника? У меня в портфеле фотоаппарат. Жалко, конечно, но... с тебя же штаны свалятся, если ты ремень снимешь.

— Нет, что вы, не надо от аппарата! — даже испугался Сережа.— Да пусть они свалятся — у меня другие есть. А эти я под мышкой понесу, раз они в чемодан не влазят.

— Попробуем в мой портфель затолкать,— решил Алексей Борисович.

Они вернулись к скамейке. Алексей Борисович забрал у Сережи ремень, моток проволоки и ножик. Он сказал, что никогда в жизни не делал намордников и хочет попробовать. Подозвал Нока и стал обмерять ему морду. Нок мотал головой и дергал ушами. Попробовал даже улизнуть, но Алексей Борисович ухватил его за ошейник.

— Стой спокойно ты, беспризорник... Никакой культуры в тебе, никакого воспитания. Вот нацепим намордник, сразу почувствуешь, что такое дисциплина.

Сережа переоделся. Вместо брюк надел синие шорты от пионерской формы, а заодно сменил рубашку, которую помял и перемазал, когда возился с Ноком. В коротких штанах и белой футболке он сделался тоньше, словно повыше ростом. И стал похож немного на того мальчика с жеребенком. Особенно, когда подошел к Ноку и взял его за шею. Правда, Нок совсем не был похож на изящного жеребенка.

— Отпусти его, пусть побегает,— сказал Алексей Борисович.— Может быть, он себе что-нибудь съестное отыщет.

Сережа отпустил. Нок отошел, но искать ничего не стал, а сел и с укоризной поглядел на Сережу: «Эх ты, хозяин! Взял, а не кормишь!»

Подошел старичок в красной фуражке, дежурный по станции. Спросил с интересом:

— Что это вы, граждане пассажиры, не уехали? Понравилось, видать, у нас?

— Не унывай, Сергей! Бой еще не закончен.
— А я не унываю!

— Да вот так получилось. Из-за этого пассажира.— Алексей Борисович кивнул на Нока. Тот сидел в трех шагах и чесался с такой силой, что от него разлетался ветер.

— Не пустили без намордника,— объяснил Сережа.

— Правило такое существует,— сказал старичок сочувственно.— А вообще-то как повезет. На кого, значит, наткнешься. Когда пустят, а когда нет... А сейчас, я думаю, для вас, граждане, самый правильный выход — это шагать до тракта да ловить попутку до города. Ежели только вы, конечно, ночевать не расположены.

— Это почему же ночевать? — встревожился Алексей Борисович.— А поезд?

— А какой же поезд, милый ты мой? Сегодня поездов в ту сторону больше не будет.

— Как же не будет? А в шестнадцать двадцать девять? Я же на прошлой неделе ездил на нем.

— Эйэ, вон ты про что! Ты, верно, в субботу или в воскресенье ездил. Это точно. Есть такой поезд по выходным дням. Дополнительный, значит, чтобы дачников возить. А сегодня нету.

— Ну, дела-а...— сказал Алексей Борисович, жалобно глядя на Сережу.— Все, брат, одно к одному.

— Все из-за меня,— убитым голосом произнес Сережа.

— Нет, Сергей, ты эти речи брось,— тут же воспрянул Алексей Борисович.— Что ты в самом деле сразу нос опускаешь... Давай думать. Значит, так: на шоссе нам идти не стоит, мало надежды. Грузовики нас не возьмут, их за это автоинспекция греет. А в легковую машину нас, такую компанию, тоже никто не пустит.

— Может быть, пешком? — робко предложил Сережа.

— Шестьдесят-то верст? Да на голодное брюхо... Нет, брат, это не та романтика.

— Это верно,— вставил слово дежурный.— Пешком — это не тот фасон. Так что самое вам хорошее дело — сходить в поселок, в столовую, да остаться ночевать. Ежели негде, то я могу вас у себя устроить, раз уж так случилось. Глядите, в общем...— Он вздохнул и побрел к домику.

— Спасибо,— сказали ему вслед Сережа и Алексей Борисович.

Затем Алексей Борисович решительно встал.

— Ночевать нам, Сергей, не годится. Мне вечером надо быть дома. Да и тебе не стоит зря болтаться здесь... Есть один способ. Хватай чемодан и пошли. Только быстренько!

Он затолкал в карман почти готовый намордник Нока, взял портфель и куртку и, не говоря больше ни слова, зашагал куда-то через кусты, через канаву, прямо в поле.

— Нок, за мной! — крикнул Сережа. Схватил свой чемоданчик и бросился догонять Алексея Борисовича.

Окончание в следующем номере.

Борис СЛУЦКИЙ

САЛЮТЫ

Война и часа в сутки не дает,
есть на ходу,
спать на бегу
заставит,
рубля не платит,
в грош не ставит,
убьет, засыплет и не отпоет.

Но та же самая война,
бывало, в отпуска нас отпускала,
светила солнцем, ветерком ласкала,
как в мирные былые времена.

Фронт проходил в то лето по Днестру,
и дважды в сутки на передовую
старшины привозили по ведру
сладчайшей вишни,
— спелую, живую.

Светило солнце, веял ветерок,
у немцев что-то будто надломилось.
Неумолимый к нам так долго рок
свой гнев уже переменил на милость.

В штабном старообрядческом селе,
на площади его базарной,
заливисто и молодо-азартно
гремело радио как бы навеселе.

И вот сперва в день только раз,
а после дважды,
в скорости же — трижды,
потом четырежды,
потом пятижды
неторопливый, важный шел рассказ.

Гремел салют.
Шумливый люд штабной
бросал свои чернильницы и карты.
Отделы шифров и отделы кадров,
все, порожденное большой войной,
бросалось к окнам.
Слушали салют,
записывали имена и цифры.
Казалось, даже мертвые встают,
не только люди «кадра» или «шифра».

Гремел салют, шумела канонада
счастливая. Ревел, как майский гром,
надеждой, и свободой, и добром.
Победой. Больше ничего не надо.

Гремел салют,
И с каждым днем все чаще.
Все громче.
Слушали, потом по хатам шли,
и шумно дерева в садах трясли,
и спелой вишней заедали счастье.

УДАРНЫЕ КОМСОМОЛЬСКИЕ

А. ЯСЬКО, ответственный организатор отдела рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ

Время от октябрьского штурма 1917 года исчислялось тогда не годами, а месяцами. Но уже зимой 1918 года партия и комсомол отбирали первых добровольцев на ударную стройку — Волховскую ГЭС. Каждому выдали лопату, осьмушку хлеба и... винтовку. Зачем строителям винтовка, спросишь ты. Для защиты от врагов революции, от белогвардейских и кулацких банд.

С первых дней своего основания комсомол связан с ударным строительством.

В годы первых пятилеток лучшие комсомольцы отправлялись на новостройки. Тогда-то и появились в обиходе новые зовущие призывы: «Даешь Турксиб!», «Даешь Магнитку!», «Даешь Днепрогэс!». С тех пор звучат ставшие привычными слова «ударная стройка», «ударный темп», «ударная бригада».

20 января 1929 года газета «Правда» напечатала статью Владимира Ильича Ленина «Как организовать соревнование?». Владимир Ильич написал ее еще в самом начале 1918 года, но разыскали ее в рукописях Ленина лишь много лет спустя. Как нужна она оказалась в те дни! Ленинские мысли о соревновании тотчас были подхвачены всей нашей трудовой страной. Горячо откликнулся на них и комсомол.

Сегодня Ленинский комсомол, вся советская молодежь продолжают и развивают трудовые традиции комсомольских поколений в ударном строительстве.

Комсомол теперь шефствует над целыми отраслями в нашем народном хозяйстве: металлургией, химией, транспортом, энергетикой, горнодобывающей, газовой, целлюлозной промышленностью и другими. Посмотри на карту — ты сразу в этом убедишься.

Что такое сегодня ударная комсомольская стройка? Ты скажешь: молодежная стройка. Что ж, правильно. Только этого мало. Это ударная стройка. Значит, строители работают творчески, затевают смелые дела, работают скоростными темпами.

Сегодня шефство комсомола приобрело новый, глубокий смысл.

Во-первых, комсомол шефствует над очень крупными новостройками. Например, над Всесоюзной ударной в Набережных Челнах, где создается Камский автомобильный завод-гигант. Или над созданием Тюменской нефтяной державы. Площадь земель, таящих в себе нефть и газ, превышает территорию многих стран Европы. Запасы горючего здесь поистине неисчислимы. А вот еще одна ударная комсомольская — Саяно-Шушенская ГЭС. Она будет самой мощной в мире гидроэлектростанцией.

Во-вторых, большинство ударных комсомольских новостроек — в малообжитых районах Сибири, Севера, Дальнего Востока, Средней Азии. К преобразованию именно труднодоступных районов наша партия призывает советскую молодежь.

В-третьих, комсомол шефствует не только над строительством домен, заводов, электростанций и различных предприятий, но и над созданием новых городов, поселков, растущих вокруг новостроек. Комсомол строит жилье и школы, больницы и детские сады, театры и стадионы. Это забота о том, как живут, работают и отдыхают строители. Сегодня более трех миллионов юношей и девушек трудятся на подшефных комсомолу стройках, здесь каждый второй рабочий не старше двадцати девяти лет. К этому надо добавить и ту молодежь, которая живет, работает или учится рядом с комсомольскими стройками. Она не остается в стороне, организует комсомольские субботники. Летом разъезжаются по стране студенческие строительные отряды. Куда они стремятся попасть? Конечно, на ударные комсомольские!

Пионерам на строительных площадках работать не разрешают. Рановато. Но разве пионерские отряды не участвуют в общем труде? В городе Жданове, где возводится гигантский металлургический стан «3600», мальчики и девочки в красных галстуках помогают строителям: они выступают перед ними с концертами, собирают библиотеки, украшают общежития молодых рабочих. Молодцы ребята!

На нашей карте поместилась всего одна треть всесоюзных ударных комсомольских строек. Но те, что показаны, — особенные, пусковые. В 1973 году, решающем году пятилетки, строительство этих объектов будет завершено, они станут действующими.

Комсомольцы выполняют наказ партии сегодня и завтра работать лучше, чем вчера. Об этом говорят их дела.

Передовые комсомольские коллективы на строительстве Камского гиганта выдвинули свой встречный план: выполнить задание 1973 года ко дню рождения Ленинского комсомола. Девиз молодежного коллектива, который строит стан «3600» в Жданове: «Каждый день решающего года пятилетки — ударный!» На стройках заводов минеральных удобрений развернулось соревнование «Досрочно построим — досрочно освоим».

И так повсюду. Комсомольцы и молодежь работают такими темпами, которых не знала история.

РЕБЯТА!

Пусть маршруты ваших путешествий пройдут по ударным комсомольским стройкам. «Пионер» ждет ваших рассказов о путешествиях.

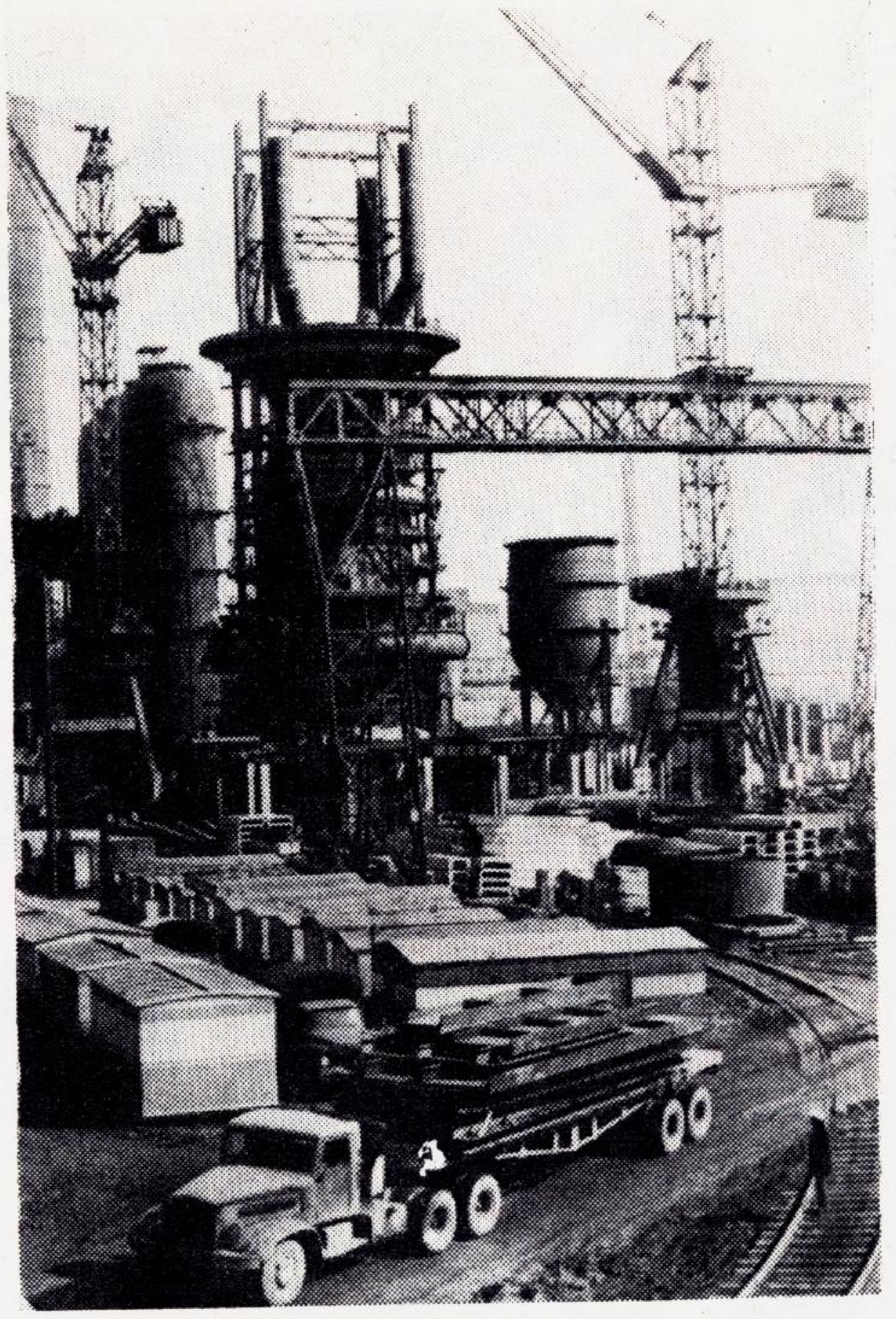
Рисунок И. КРАСУЛИНА.

Строитель — это звание, которым гордятся миллионы юношей и девушек. «Партия верит, — сказал, обращаясь к молодежи, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, — что в ряды строителей вольются новые отряды молодежи... Пусть и впредь увлекает нашу молодежь высокая честь быть первыми строителями, монтажниками, первыми жителями городов, еще не нанесенных на карту. Наши планы, наши замыслы не могут не зажигать молодые сердца, которым так близки романтика сурового труда, радость первооткрывателей».

Александр ИВАНЧЕНКО

Фотографии А. ДРАБКИНА.

ПЯТИЛЕТКА — ГОД ТРЕТИЙ, РЕШАЮЩИЙ



Так начиналось строительство. На этом снимке вы видите монтаж воздухонагревателей.

Куда ни кинешь взгляд, везде человеку нужен металл. Полвека назад в Советском Союзе было выплавлено стали всего триста тысяч тонн, а теперь — сто двадцать шесть миллионов. В четыреста двадцать раз больше! Но это еще не предел. Строятся новые металлургические комплексы девятой пятилетки на Украине, в Сибири, Казахстане. Не по дням, а по часам расширяются Череповецкий и Новолипецкий металлургические заводы.

Огненный гигант

На Новолипецком металлургическом заводе закончилась ударная комсомольская стройка пятилетки — начала давать чугун самая большая в Советском Союзе и во всей Европе доменная печь номер пять. Два миллиона двести тысяч тонн чугуна в год — вот какая производительность этой домны!

Приехав на новостройку, я увидел огромный металлургический комплекс. Пять дней ходили мы с инженером Владимиром Васильевичем Лолой и липецкими ребятами по недавней строительной площадке, и ни разу наш путь не повторился. Все время Владимир Васильевич показывал нам что-нибудь новое.

— Вот смотрите, — сказал он, — пятая домна начинается здесь.

Я смотрел и пожимал плечами — никакой домны передо мной не было. На добрый километр тянулись какие-то голые сопки, или, лучше сказать, сыпучие барханы. Несколько громадных экскаваторов одни барханы разрушали, а другие насыпали. Потом Владимир Васильевич мне все объяснил. Это были не барханы, а рудный двор новой аглофабрики.

Известно, что из одной железной руды получить хороший чугун нельзя. В ней много серы, фосфора и других вредных для металла примесей. Эти примеси можно удалить, если заставить их во время плавки вступить в химическую реакцию и соединиться с флюсами — такими элементами, которые легче железа и могут всплыть на поверхность чугуна или улетучиться с газами. Но если плавить чугун только с флюсами, чугун тоже будет некачественным. Поэтому к железной руде прибавляют еще и марганцевую руду. Чтобы металл был прочнее.

Руды смешивают на специальном рудном дворе. Потом добавляют к ним флюсы. Но приготовленную смесь (шихту) в домну сразу не загружают. Сначала шихта идет в печи аглофабрики. Там под действием высокой температуры она спекается в крепкие ноздреватые куски — агломерат. Только теперь сырье для выплавки чугуна готово.

Каждые сутки пятая доменная печь поглощает двенадцать тысяч тонн агломерата — двести железнодорожных вагонов! Если бы на рудный двор аглофабрики непрерывно не подходили новые эшелоны с рудами и флюсами, растянувшиеся на километр барханы исчезли бы за два-три дня.

Значит, рядом с домной надо строить рудный двор и аглофабрику. Но обычным каменным углем агломерат не расплавишь. Для этого нужен кокс. И здесь же строят коксохимический завод, перерабатывающий уголь в кокс.

Кокса пятая домна сжигает ежедневно три тысячи тонн. Однако, чтобы расплавить весь агломерат, этого мало. Еще каждый час в печь нужно вдувать тридцать пять тысяч кубометров горючего природного газа. Вот почему, кроме коксохимического завода, строителям пришлось сооружать мощные газовые установки. Они такие огромные, что могли бы полностью обеспечить газом большой город.

В закрытой печи без воздуха никакого горения не будет. Для этого нужно достаточное количество кислорода. Стало быть, в печь нужно

непрерывно подавать воздух. А как же тогда быть с температурой? В печи она плюс тысяча семьсот — тысяча восемьсот градусов. А на улице, допустим, минус двадцать. Морозный воздух сразу остудит печь. Конечно, если предварительно его не нагреть.

И возле домны возводят воздухонагревательные башни. По величине они почти такие же, как сама домна. Всего их около доменной печи номер пять — четыре. Горячего воздуха через них ежеминутно поступает в печь до шести тысяч кубометров.

Нельзя, чтобы печь остывала, но нельзя допустить и чересчур большого нагрева. Иначе печь можно повредить. Правда, ее внутренние стенки сделаны из прочных, жароустойчивых блоков, температура плавления которых значительно выше точки плавления железа. Но газ и кокс, сгорая, выделяют вместе столько тепла, что может раскалиться даже внешняя стальная броня печи. Поэтому печь постоянно охлаждают водой. Пятую домну строители опутали двенадцатью километрами труб, по которым каждый час проходит пятнадцать тысяч кубометров воды. Примерно столько, сколько потребляет город с населением в три миллиона человек.

И вот тут возник вопрос: где брать воду? Строить артезианские скважины можно не везде, а протекающая возле Липецка река Воронеж хотя и полноводная, но, чтобы «напоить» домну, ее едва бы хватило.

— Придется, — сказали проектировщики, — одну и ту же воду использовать много раз.

Легко сказать, да не просто сделать. Строители стали рыть огромные водосборные бассейны и строить очень сложные водоочистные сооружения. Когда Владимир Васильевич показывал мне их, я не переставал удивляться. Казалось, мы ходим по какому-то большому химическому заводу. Фантастическое сплетение труб, ажурные стальные вышки, громадные железные баки и окутанные паром бассейны. Даже разобраться, что к чему, и то трудно, а каково было все это смонтировать! Здесь ничего лишнего, во всем заложен определенный смысл, все работает, как единый организм.

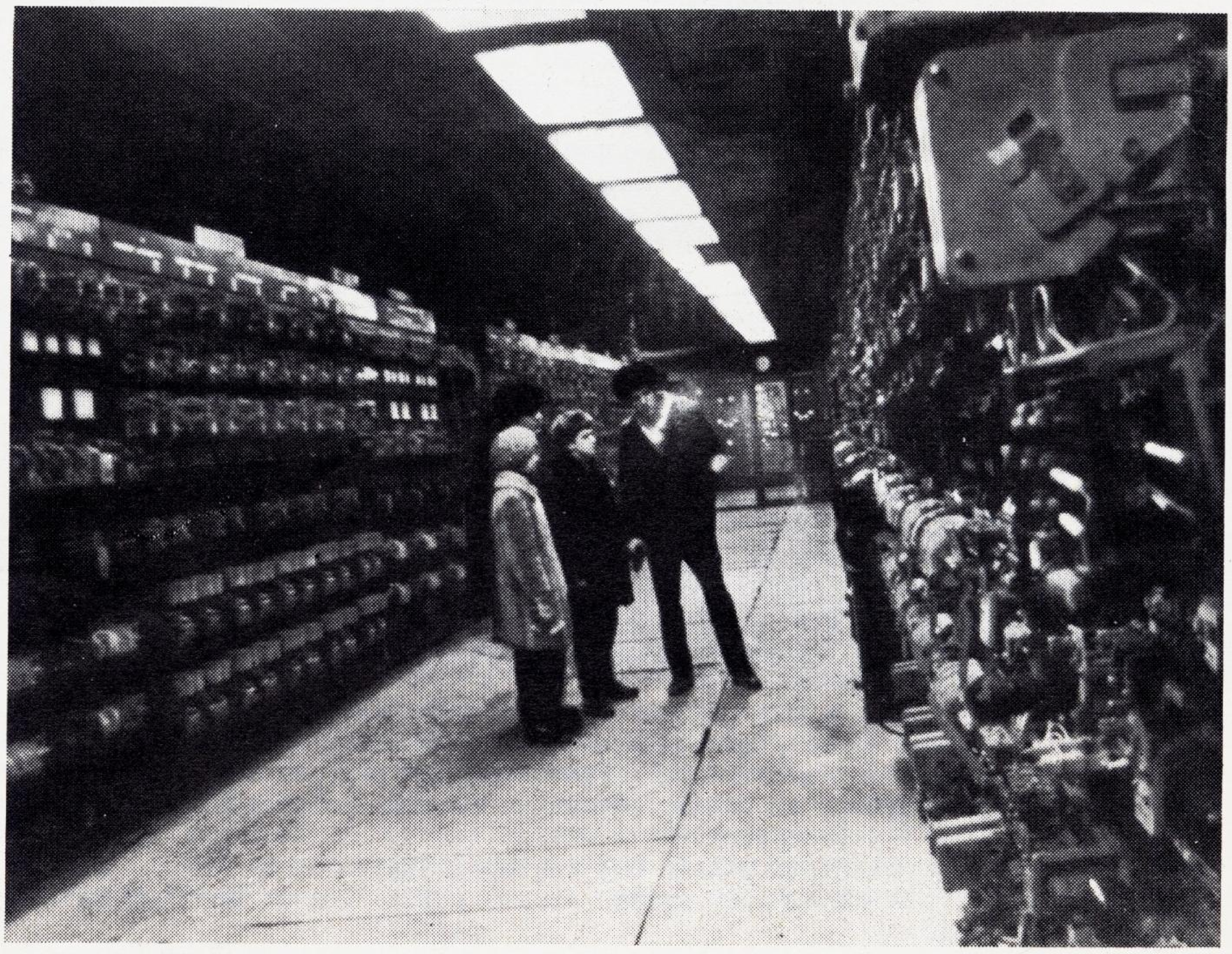
А там, в стороне, домна. Удивительнейшее сооружение. Не встречалось мне еще таких домен, и я все думал, с чем бы ее сравнить. Потом вспомнил, что когда-то в Каракумах видел похожую солнечную установку. Представьте себе огромное, круглое, выпуклое книзу зеркало. Как антенна сверхдальней космической радиосвязи. Над ней, как раз по центру, словно нефтяная вышка. И высоко, метров на сто, поднимается. Никогда бы не сказал, что это доменная печь.

Владимир Васильевич стоял и хитро улыбался:

— Догадываетесь, в чем секрет?

— Нет, — говорю, — вы уж раскрывайте секрет сами.

Оказывается, на круглое телескопическое зеркало похожа крыша литейного двора, который расположен вокруг домны. Обычно он квадратный, а тут круглый, и по кругу ходят два могучих крана. Металлурги очень гордятся ими и называют их чудо-кранами. Они созданы впервые в мире и получились очень удачными. Зачем понадобился круг? На всех доменных печах чугун выпускается из двух леток, которые расположены на двух противоположных сторонах печи. Поэтому там годятся обыкно-



Доменный комплекс громаден, но людей работает на нем мало. Весь основной труд взяли на себя автоматы, которыми управляет электроника. Это машинный зал пятой домны — ее мозговой центр.

венные мостовые краны. А у пятой домны четыре летки, со всех четырех сторон по летке. Вот конструкторы и придумали кран, идущий по кругу. Чтобы он мог подойти к каждой из леток и лучше помогать горновым справляться с выпуском чугуна. Если один кран выйдет из строя, другой тут же придет ему на помощь.

А четыре летки потому, что через две выпускать чугун горновые не успевали бы. Домна-то гигантская! Каждый час она дает около пятисот тонн металла. Льется почти непрерывная огненная река.

— Это наш подарок Родине, — говорят липецкие комсомольцы.

Бригадир горновых Анатолий Федорович Торшин.

Бригадир горновых Анатолий Федорович Торшин сказал мне:

— Наша печь еще учится варить чугун.

— Как учится? — изумился я.

— Ну, как ученик, например, — сказал бригадир. — Первое время медленно читает, по складам, потом все быстрее и, наконец, совсем хорошо. Осилил, значит, человек грамоту. Вот и доменная печь должна осилить свою грамоту. Школьнику учитель помогает, а домне — мы, горновые.

Интересно рассказывал Анатолий Федорович. Значит, мало построить и пустить домну. Надо еще, как говорят металлурги, поставить ее на устойчивый рабочий режим. Чтобы дышала она всегда ровно, чтобы чугун выходил из леток легко, без задержек. Трудное это дело — наладка работающей домны. Поэтому вахту у новой печи несут самые лучшие, самые знающие горновые. Как раз такие горновые в комсомольско-молодежной бригаде Торшина.

— Внимание, ребята! — сказал Анатолий Федорович. — Ковши поданы.

Это была команда начинать выпуск чугуна.

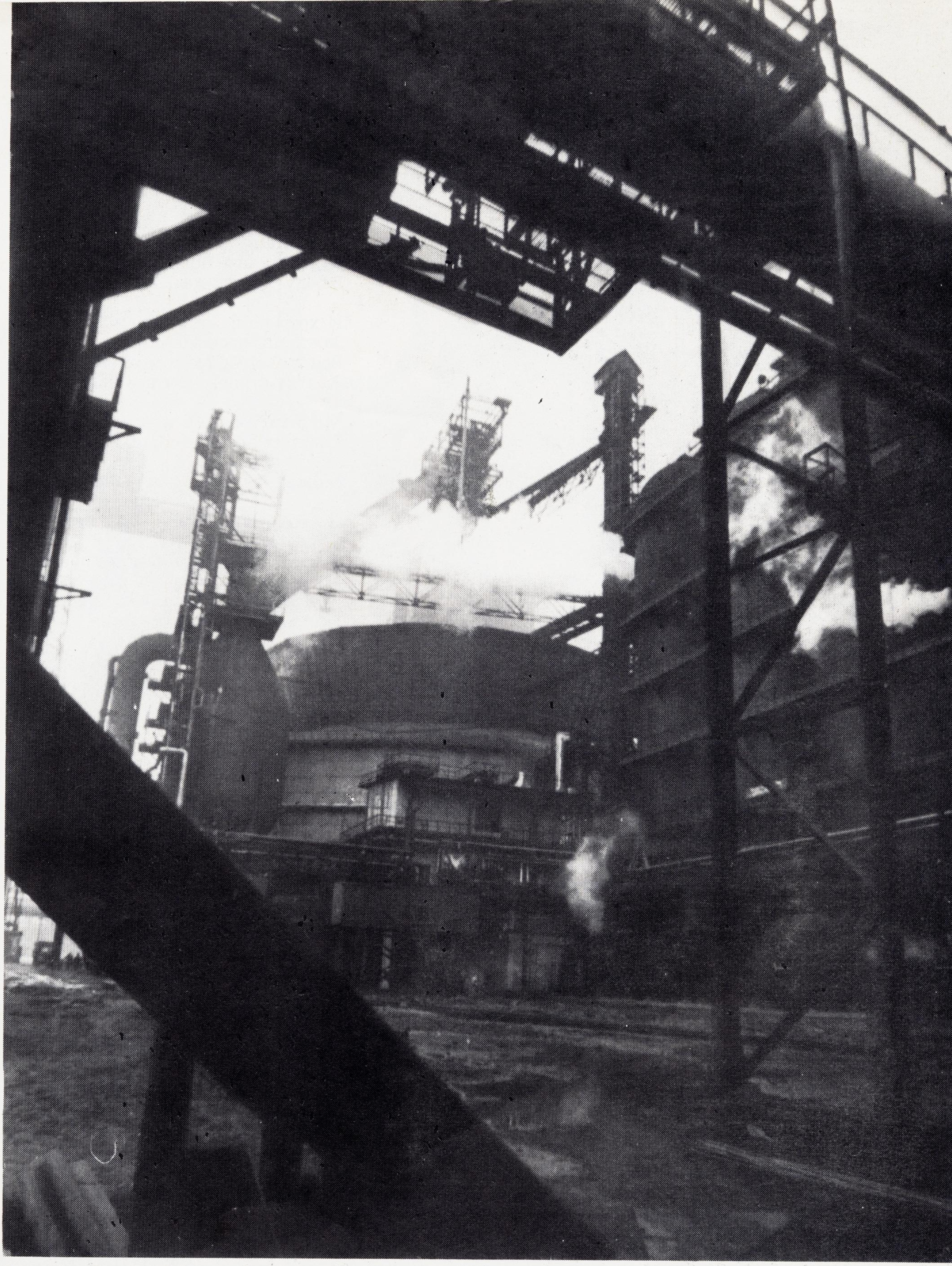
Стали пробивать летку. Сначала работала механическая установка. Управляли ею на расстоянии. Она сама просверлила в стенке печи отверстие и сама отошла в сторону. Но чугун не пошел, он был еще вязким. Из летки вырывались только снопы искр. Тогда помощник бригадира Николай Кравченко взял толстый резиновый шланг, привинтил к нему длинную стальную трубу и с этой трубой двинулся к летке. Как только по шлангу пустили кислород, возле летки словно взорвалась бомба. Все окуталось дымом. Весь литейный двор наполнился рокочущим гулом огня. И сквозь этот огонь Кравченко продолжал приближаться к летке, точно рассчитывая каждое движение. Я видел, как в руках горнового быстро сгорала труба. Когда от нее осталось не больше метра, Кравченко отскочил назад, привинтил к шлангу вторую трубу и снова направился к летке.

Шесть раз сгорали в руках горнового стальные трубы, и шесть раз он шел сквозь огонь и дым. Шесть раз человек совершал на моих глазах подвиг. Потом, когда огненная река металла устремилась наконец по наклонному желобу в ковш, Кравченко, глубоко вздохнув, стянул с головы фетровый «бриль» и счастливо улыбнулся:

— Жарковато!

Товарищи подали ему кружку студеной воды.

А гигантская домна, словно поняв, что от нее требуют, загудела ровно и весело.



Пятая домна в строю! Эта стройка уже работает на пятилетку, эта стройка — в биографии комсомола 70-х годов и в жизни каждого, кому посчастливилось участвовать в создании огненного гиганта металлургии. Сегодня новые бойцы ударного отряда комсомола прибыли на Липецкую Магнитку. У них гордое имя — корчагинцы. В честь славного героя книги Н. Островского «Как закалялась сталь». Задача корчагинцев не менее ответственная — построить в Липецке крупнейший в СССР сталеплавильный цех. Он будет выпускать в год почти половину той стали, что до войны выплавляли все металлургические заводы страны. Первая очередь уникального цеха вступит в строй уже в будущем году. Как и строители пятой домны, корчагинцы поклялись: «На ударной работать по-ударному!»

**Наступил июнь — первый месяц лета.
В июне загораются веселые пионерские костры.
В июне наша страна празднует
День советской молодежи.
В июне заканчивается
Всесоюзный молодежный фестиваль.
Стихи, которые мы печатаем на этих страницах,
посвящены комсомольцам,
старшим вашим товарищам.
Вы сможете прочитать их
на празднике в своем лагере.**

Андрей **ПОКРОВСКИЙ**

Вырастает в тайге завод

Взглядом стройку всю не окинешь.
Вырастает в тайге завод.
Над стропилами в небе синем
Алый вымпел зарю поет.
А вокруг — ребята, девчонки...
А вокруг — одна молодежь,
И летит, рассыпаясь звонко,
Над тайгою: «Даешь! Даешь!»
Эй! Водитель лихой в ковбойке!
Что замешкался, что ты встал?
Отводи с эстакады стройки
Свой разгруженный самосвал!
Круг строительства четкий,
быстрый —
За бетоном плывет кирпич...
Нет, недаром в глаза лучисто
Со значков их глядит Ильич!
Выжимают ребята сроки,
Стройка вся — рубеж огневой.
Так работают на Востоке
Комсомольцы передовой.

Курман **ДУГУЖЕВ**

Слышишь, молодость моя!

Слышишь, молодость моя!
Ты взлети к вершине с ветром,
С молодым, веселым ветром,
Озари счастливым светом
Все моря и все края!

Слышишь, молодость!
Лети
С этим облаком над
плесом —
С молодым, совсем
белесым,
Не стареющим в пути.
Ты лети — чего нам
ждать! —
С этим солнцем, с этой
стаей.
Разве старость нас
достанет?
Не сумеет! Не достать...

Михаил **ПЛЯЦКОВСКИЙ**

Смена боевая

Ничего, что есть Магнитка где-то,
Что в тайге построен Усть-Илим.
Будет много новых песен спето,
Всюду хватит дела молодым.

И хотя не нами в окнах Братска
Зажжены веселые огни,
Все же, если толком разобраться,
Хватит строек нам и в наши дни.

Мы найдем пути к запасам рудным,
Дальних звезд приблизим синий
свет.
Может быть, нам будет очень
трудно,
Но работы легкой в мире нет.

Если спросят, скажем откровенно,
Гордости законной не скрывая:
«Пионеры — это значит смена,
Комсомола смена боевая!»

Пулат **МУМИН**

Руки молодых

Там кипят нефтяные ключи,
Там фонтанов кипенье.
Там купаются солнца лучи
В белой хлопковой пене.

Ночью солнце сменяет
луна —
И опять все сверкает.
В теплых сумерках петь
тишина
Соловью помогает.

Черным золотом нефти
полны
Там подземные царства.
Белым золотом хлопка
полны
Там земные пространства.

Ну, а рук молодых и не
счесть,
Все там создано ими!
Тот кишлак как особую
честь
Носит Ленина имя...

Рисунок И. УРМАНЧЕ.

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

На действительной

Стояло лето жаркое и сочное,
Как треснувший от спелости арбуз.
И просветленно, трудно и
настойчиво
Я узнавал солдатскую судьбу.
Проселочные пыльные дороги
Бинтами рыжими легли на ноги.
Я научился шага не менять:
Ведь если замедлял свои шаги,
На пятки наступали сапоги
И голос сзади торопил меня.
А по ночам склонялось небо
низко,
И было небо мне родным и
близким,
И туч сукном надраена луна,
Как пряжка у солдатского ремня.
И слышал я:
опершись на меня,
По всей стране
шагает
тишина.

Сергей **АЛЕКСЕЕВ**

Рисунки С. **ТРОФИМОВА.**

РАССКАЗЫ О КУРСКОЙ БИТВЕ

30 лет назад, в июле 1943 года, началось одно из самых крупных сражений Великой Отечественной войны — Курская битва. Лучшие свои танки, лучшие самолеты, лучших солдат бросили фашисты против советских войск. Но и «лучшие» не помогли. Фашисты были разбиты.
О героях великой Курской битвы эти рассказы.

Железный батальон

Бой шел у селения Крутой Лог. Здесь держал оборону стрелковый батальон капитана Бельгина.

Сто двадцать танков, в том числе тридцать пять «тигров», обрушились на наши окопы.

— Противотанковые ружья, гранаты к бою! — командует капитан Бельгин.

Сдержали наши удар фашистов. Откатился враг назад. Откатился. Чуть переждал. Снова идет в атаку. На этот раз за танками шла пехота.

— Пропускай! — командует Бельгин.

Это значит, нужно солдату упасть на дно, пропустить над собой танки, а затем подняться и встретить огнем идущую следом за танками неприятельскую пехоту.

Так и поступили солдаты Бельгина. Укрылись они в окопах, а потом поднялись, открыли огонь по фашистской пехоте. Беззащитной оказалась теперь пехота. Немалый урон нанес батальон фашистам. Пока развернулись вражеские танки, пока пришли на помощь своим солдатам, защищать оказалось некого. Взялись тут наши солдаты и за танки!

Удержали они рубеж. Откатились назад фашисты.

— Молодцы! — похвалил капитан Бельгин.

Откатились фашисты. Но в третий раз начинают они атаку.

Опять шли танки. За танками шла пехота.

— Пропускай! — снова дана команда.

Укрылись солдаты в окопах. Ждут — вот и пройдут над их головами танки, и тогда не зевай!

Все ближе к окопам танки, все ближе. И вдруг, подойдя к окопам, остановились стальные звери. Остановились. Затем развернулись. И стали «утюжить», то есть ходить по окопам. Ходят, давят окопы, трамбуют грунт. Ждут фашисты: вот-вот побегут из окопов наши солдаты. Но не бегут советские воины! Держатся!

Открыли тогда враги пулеметный огонь по нашим. Льется ливнем огонь в траншеи. Ждут фашисты: сейчас побегут из окопов солдаты. Но не бегут советские воины! Держатся!

С еще большей силой обрушились фашисты на батальон капитана Бельгина. Стали поливать окопы горючей смесью. Ждут: ну, уж теперь побегут советские солдаты. Нет! Держатся!

И не только держались и удержались наши солдаты. Они уничтожили тридцать девять танков и почти тысячу фашистских солдат.

Отступил враг!..

«Железным батальоном» назвали за этот бой солдат капитана Бельгина. Очень точное это слово!

Гвардейский аппетит

Шла великая Курская битва.

В боях под Курском фашисты применили новинку: мощные танки «тигры». Грозные танки. Фашисты на них очень надеялись.

Танкист лейтенант Бессарабов мечтал о «тигре», мечтал в бою своим танком подбить фашиста. Отличный танкист Бессарабов. Как же ему без «тигра»!

Сражался Бессарабов южнее Курска, возле города Обояни. С особой силой тут рвались вперед гитлеровцы. Именно здесь больше всего и появилось вражеских «тигров».

Разгорелось сражение. И вот в самом его начале подбил Бессарабов танк. Правда, не «тигра». Подбил обычный. Поздравляют его товарищи. Подбить танк случается тоже не каждый день.

— Не то, не то,— махнул огорченно рукой Бессарабов.

Продолжается сражение. И снова к лейтенанту спешит удача. Снова подбил он танк. Правда, не «тигра», обычный.

Поздравляют его товарищи. Не каждый ведь раз такое случается, чтобы в день подбить два танка.

— Не то, не то,— опять о своем Бессарабов.

— «Тигра» он хочет,— смеется лучший дружок Бессарабова лейтенант Шипетько.

Не отпирается Бессарабов.

И вот в том же бою повстречал он «тигра». Столкнулись танки на встречных курсах, нос к носу, лобовая броня к броне.

Припал к орудию Бессарабов. Послал бронебойный снаряд по «тигру». Ударил снаряд в броневую сталь. Смотрит Бессарабов: не тронут «тигр». Отлетел от брони снаряд. Лишь искры, как из трамвайной дуги, посыпались. Снова Бессарабов пустил снаряд. И снова снаряд — будто в слона горошина.

Фашист ответно открыл огонь. Едва отвернулся от «тигра» тогда Бессарабов. Едва от врага ушел.

На следующий день под Обоянью вновь разгорелся бой. Бились упорно. И мы и фашисты. Железо сошлось с железом. Сила ломала силу.

И вот — ура! — подбил Бессарабов «тигра». Стрелял не в лоб, как вчера, а в бок, где тоньше броня у танка. Разгорячился боец в сражении. Рвется к центру боя. Вдруг видит: рядом танк лейтенанта Шипетько. Слышит по рации голос друга:

— Что тебе, мало «тигра»?

— Мало! — кричит Бессарабов.

— Хочешь еще?

— Хочу!

Усмехается Шипетько:

— Наш аппетит, танкистский.

Снова добился лейтенант успеха. Подбил он второго «тигра». А вот и горит третий.

Поздравляют друзья Бессарабова:

— Наш аппетит, гвардейский!

Лейтенант Бессарабов был первым из советских танкистов, подбивших в одном бою три неприятельских «тигра». Потом и другие нашлись умельцы. Уничтожали по три, по четыре «тигра».

Однако первый есть первый. Ему особый почет.

Не помогли под Курском фашистам «тигры».

Нашлись на «тигров» советские укротители.

Мост

Среди Брянских лесов, пробивая путь на запад, течет речка Нерусса. Хороши места на Неруссе. Березы стоят и ели. Кручи к воде сбегают.

В одном месте над Неруссой видна могила — светло-серая пирамидка. Над нею пятиконечная звезда. Ограда вокруг могилы. Цветы на могильном холмике. Здесь похоронен Сергей Авдеенков.

Рядом с могилой железнодорожное полотно. Мост повис над Неруссой.

Сергей Авдеенков был партизан. Во время Курской битвы много в Брянских лесах собралось партизанских отрядов — и недаром: тут находились тылы противника.

Огромное количество боеприпасов, горючего, продовольствия, разного военного снаряжения необходимо войскам на фронте. Идут по фашистским тылам:

составы,
машины,
обозы.

Доставляются к фронту важные, срочные военные грузы.

Идут составы, идут обозы. Да только до фронта не все доходят. Встречают их на пути партизаны:

взрывают,
сжигают,
уничтожают.

Вот получили партизаны задание: уничтожить мост на реке Неруссе. Старшим пошел Авдеенков.

Перед началом операции партизаны послали вперед разведку. Подготовили группу захвата, группу прикрытия. Договорились, кому укладывать тол на мост, кому ставить мины, кому взрывать.

Подошли к мосту вечером. Подползли совсем близко. Открыли огонь. Убрали охрану.

Сергей Авдеенков повел минеров к мосту. Все шло хорошо. Стали укладывать тол. Приготовили мины. Теперь осталось совсем немного: вставить минерам запалы. Пройдет немного минут, и раздастся гигантский взрыв. Рухнет махина в воду. Все идет точно по плану.

И вдруг ударил по подрывникам пулемет. То ли охрана моста оказалась не вся перебитой, то ли подоспела к фашистам помощь.

Сергей Авдеенков вскрикнул от боли, упал, затем приподнялся. Глянул по сторонам, видит: погибли все на мосту. В живых он один остался. Все сильнее бил неприятельский пулемет.

— Беги! Беги! — закричали Авдеенкову товарищи, те, что прикрывали подрывников снизу.

— Беги!!!

Сергей Авдеенков повернулся на крики. Но не побежал. Не тронулся с места. Он взял гранату. Размахнулся и бросил туда — на приготовленный к взрыву тол.

Страшный грохот раздался над лесом. Мост вздрогнул, приподнялся и рухнул в Неруссу.

Много отважных подвигов совершили брянские партизаны, помогая героям Курской битвы. Они и сами были ее героями!

...Горным потоком промчались годы. Но не забыть нам вовек былого. Вновь над Неруссой бегут составы. Стучат на мосту колеса. И тишь оживает над лесом, над кручей. Летит паровозный гудок—вечная память герою.

Сержант Николаев

Гудит, грохочет металлом битва. Сошлись две силы на русском поле. Лавина стали сошлась с лавиной. Смешались в схватке огонь и люди. Зловещей гарью покрылось небо...

12 июля 1943 года под селением Прохоровкой южнее Курска произошло величайшее танковое сражение во всей истории Великой Отечественной войны. Почти полторы тысячи боевых машин и самоходных орудий приняло участие в этом небывалом бою.

Сошлись две силы на русском поле. Лавина стали сошлась с лавиной.

Механик-водитель, старший сержант Александр Николаев вел танк капитана Скрипкина.

— Вперед! Ближе к фашистам! Ближе! — командует Скрипкин.

Ворвались наши в ряды фашистов. Ближний бой выгоден нашим танкам. В ближнем бою теряют «тигры» свое преимущество. С близкого расстояния легче у «тигра» пробить броню, легче зайти и ударить сбоку.

Сидит за рычагами танка старший сержант Николаев. Точно выполняет команды Скрипкина.

— Правее! — кричит капитан.

Подвернул Николаев правее танк. И тут же перед глазами вырос борт «тигра». Ударил из пушки стрелок по «тигру». Задымил, запылал танк.

— Левее! Бери левее! — командует Скрипкин.

Подвернул Николаев влево. И снова рядом фашистский танк. Ударил стрелок и по этому «тигру».

— Есть! — закричал стрелок.

Достается фашистам! Но и наши несут потери. Разгорается жарче битва.

На помощь танкам пришли самолеты. Повисли они над полем. Истребители, штурмовики, бомбардировщики. Наши, фашистские. Все смешалось в небе. И там, под самым солнцем, грохочет бой.

На помощь танкам пришла артиллерия. Бьют пушки прямой наводкой. Стойко стоят расчеты. Наши, фашистские. Снаряды, как шпаги, пронзают поле.

Солнце давно в зените. Не видно конца сражению.

Не выходит из боя и танк капитана Скрипкина.

Плацдарм, на котором идет сражение, совсем невелик. Река Псел — с одной стороны. С другой — железнодорожная насыпь. С тру-

— *Танкисты — самая геройская сила!*
— *А по-моему, пехота!*
— *А я думаю, летчики!*
— *Нет, братцы. Крепче всех била фашиста артиллерия!*

дом разместилось здесь столько танков. Тесно махинам на тесном поле. Чуть ли не трутся бортами. Шагает танк Скрипкина. Ищет врага прицелом. Но и фашисты Скрипкина тоже ищут. Окружили его сразу четыре танка. Подожгли фашисты советский танк. Ранили осколком капитана Скрипкина.

Старший радист и сержант Николаев вынесли командира из танка, укрыли рядом в большой воронке.

Не утихает, грохочет битва. И на земле и в небе. Не умолкает раскат орудий.

Укрылись в воронке советские танкисты. Вдруг видит Николаев, что один из «тигров» идет прямо на них. Заметили их фашисты. Ясно Николаеву: минута — и всему конец.

— Быстрей гранату!

Нет у бойца гранаты.

— Бутылку с горючей смесью!

Нет у бойца бутылки.

Глянул старший сержант Николаев на «тигра», потом на свой горящий танк. Секунда. Рванулся к танку. Вскочил на башню. Скользнул сквозь пламя. Метнулся в люк. Включил мотор — исправен! Ход не нарушен! Фыркнул, дрогнул, ожил танк. Развил скорость и в лоб на «тигра». Ударил «тигра» словно молотом в кузнице. На месте «тигра» — металл горящий.

...Клонилось солнце к траве, к закату. Устали люди, земля и небо. А бой все шел, все не кончался. И оставалось пока неясным, кому быть в первых, за кем здесь сила. Но дрогнули враги, начали отходить «тигры». И вслед за этим, как гром:

— Победа!

Проиграли фашисты танковое сражение под Прохоровкой. Был восьмой день Курской битвы. «Черным днем» назвали его фашисты.

Поклон победителям

Наша армия наступала. Освобождались захваченные фашистами советские города. Первыми в их числе были Орел и Белгород. Завершается Курская битва. И вот на привале сошлись солдаты. Курили, дымили, бои вспоминали. Кого хвалили, кого ругали. Потом притихли. И вдруг заспорили: кто под Курском лучше других сражался, кто ратной славы больше других достоин.

— Летчики, вот кто лучше всех сражался,— брошено первое мнение.

— Верно!

— Верно! — пошла поддержка.

И верно — отличились под Курском летчики. Били фашистов в небе. С неба врагов громили. Кажется, тут сама доблесть надела крылья.

— Летчикам честь и слава. Почет наш великий летчикам,— соглашается чей-то голос.

И тут же:

— Однако под Курском не летчики, а танкисты лучше других сражались. Танкисты по праву в первых.

Вот и второе возникло мнение:

— Танкисты!

— Танкисты! — дружно пошла поддержка.

И это верно. Грудью своей железной сломили они фашистов под Курском. Если скажешь: «Герои Курска»,— первым делом приходят на память танкисты.

— Танкисты — народ геройский. Нет тут другого мнения,— снова раздался голос.— А все же, если говорить о первых, то первыми были под Курском артиллеристы. Артиллеристы, конечно, в первых.

Вот и добавилось третье мнение.

— Артиллеристы!

— Артиллеристы! — дружно пошла поддержка.

И это верно. Герои и сверхгерои — другого не скажешь про артиллеристов. Как львы, стояли они в обороне. Львами остались и в наступлении. Артиллеристы, конечно, в первых.

— Артиллеристы, конечно, —львы. Артиллеристы, конечно,— боги,— соглашается чей-то голос.— И все же, и все же, если речь тут идет о первых, то, братцы, не к месту споры, пехота — вот кто законно в первых. Вот кто в боях под Курском сказал свое главное слово.

— Пехота!

— Пехота! — дружно пошла поддержка.

Спорят солдаты. Не рождается общее мнение. Начинается новый круг.

— Летчики в лучших!

— Танкисты в первых!

— Артиллеристы!

— Пехота, братва, пехота!

Спорят солдаты. Спору, как небу, конца не видно.

Чем бы закончилось — трудно сказать. Да только здесь пробасил над всеми басами голос:

— Слушай радио! Радио слушай!

Бросились все к приемнику. В эфире гремит приказ. В честь великой победы под Курском, в честь взятия Орла и Белгорода объявлен салют победителям. В Москве, артиллерийскими залпами. Двенадцатью залпами из ста двадцати четырех орудий.

И тут же слова о героях битвы: летчиках и танкистах, артиллеристах и пехотинцах. Все они вровень идут в приказе. Все они в главных, все они в первых. Всем им слава.

Салют в честь войск, освободивших Орел и Белгород, был первым салютом Москвы в той войне. С тех дней и пошли салюты в честь побед советских воинов.

В защиту будущего планеты

**Первый день июня.
Во всем мире
этот день называется
ДНЕМ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ.
Приходилось тебе
когда-нибудь подумать,
что значат слова
«защита детей»?
Каких это детей
надо защищать?
И от кого?**

Малыши, которые не плачут

Все вы, наверное, знаете, что в Африке маленьких детей матери носят за спиной,— видели это на картинках. Так вот они и в жизни такие же, как на картинке: тихие и неподвижные. Приезжие, случается, спрашивают: «Почему у вас дети такие дисциплинированные?» И слышат в ответ: «Они не дисциплинированные, они слабые».

Малышам этим с первых дней не хватает еды, не хватает витаминов, потому и сил не хватает вести себя, как положено здоровому ребенку. Если такой малыш заболеет, врачу нелегко будет его вылечить. Тем более что во многих африканских селениях детского врача вообще не видали, да и в городах их немного. В государствах Центральной Африки один врач приходится на двадцать пять тысяч человек!

Нет детских врачей — значит, малышам никто не делает прививок против болезней. Значит, болеют они чаще и тяжелее. Третья часть всех детей в Африке умирает, не дожив до пяти лет, а тот, кто дожил до двенадцати, почитается счастливцем.

Посмотрим теперь на такого «счастливца».

Поток машин несется по центральной улице столицы Кении Найроби. Минутная остановка,— и, откуда ни возьмись — ватага оборванных мальчишек окружает автомобиль иностранной марки. Прыгают под самыми колесами, один ветошкой протирает стекло, другой сует в окно дешевые сувениры, третий тянет руку за милостыней. Это их «бизнес». Ребятишки все из нищих семей, должны сами зарабатывать себе пропитание. Ходить в школу у них нет возможности. Ремеслу научиться негде — о профессиональных училищах в этих странах и не слыхали. Остается одно: искать, кому и чем можно услужить. Они подносят багаж, покупки, распахивают дверцы машин, чистят обувь.

В Мексике полно шести-семилетних ребятишек, которые торгуют на улицах жевательной резинкой, разными мелочами. Кроме нескольких медяков, работа ничего не дает этим ребятам: ни радости, ни умения, ни надежды обрести мастерство. Какое уж тут мастерство — распахивать дверцы или сбывать безделушки!

Вот мы и увидели двух опаснейших врагов, от которых надо защищать детей: БОЛЕЗНИ и НЕВЕЖЕСТВО.

Наводит их на детей одна беда — бедность. Бедность целых государств, которые в течение долгих лет были колониями империалистических стран и не могли развивать свою промышленность, строить школы и больницы, готовить учителей и врачей.

С бедой этой можно будет справиться, когда страны, недавно получившие политическую независимость, станут независимыми на самом деле: будут строить **свои** фабрики, и заводы, развивать **свое** сельское хозяйство. Тогда государству понадобятся **свои** учителя и врачи. Взрослые получат работу, а их дети — возможность ходить в школу. Они будут знать, что стране со временем понадобятся их умелые руки.

Ну, а богатые капиталистические страны? Страны с развитой промышленностью, страны, покрытые сетью учебных заведений? И там многие ребята вместо того, чтобы в свободное от школы время бежать во Дворец пионеров, на станцию юных техников, на каток или в бассейн, которые всегда ждут тебя и твоих товарищей, разносят по домам молоко, доставляют из магазинов свежую зелень, моют посуду в кафе или крутятся у дверей роскошных отелей, высматривая, кому распахнуть дверцу машины, а кому — поднести пакеты, чтобы получить несколько центов, сантимов, пфеннигов или лир. Те же маленькие слуги, которых видели мы в молодых развивающихся странах!..

Значит, дело не в том, бедна или богата страна. Дело в том, какой в этой стране общественный строй.

В Советском Союзе и в странах социалистического содружества государство заботится о детях, видит в них свое прекрасное будущее. В империалистических странах, где все подчинено жажде наживы, права детей приносятся в жертву деньгам. Империализм — вот главный враг, который отнимает детство у миллионов твоих сверстников.

Восемьдесят миллионов человек, в том числе двадцать пять миллионов пионеров и школьников объединяет в нашей стране организация, которая называется «КРАСНЫЙ КРЕСТ».

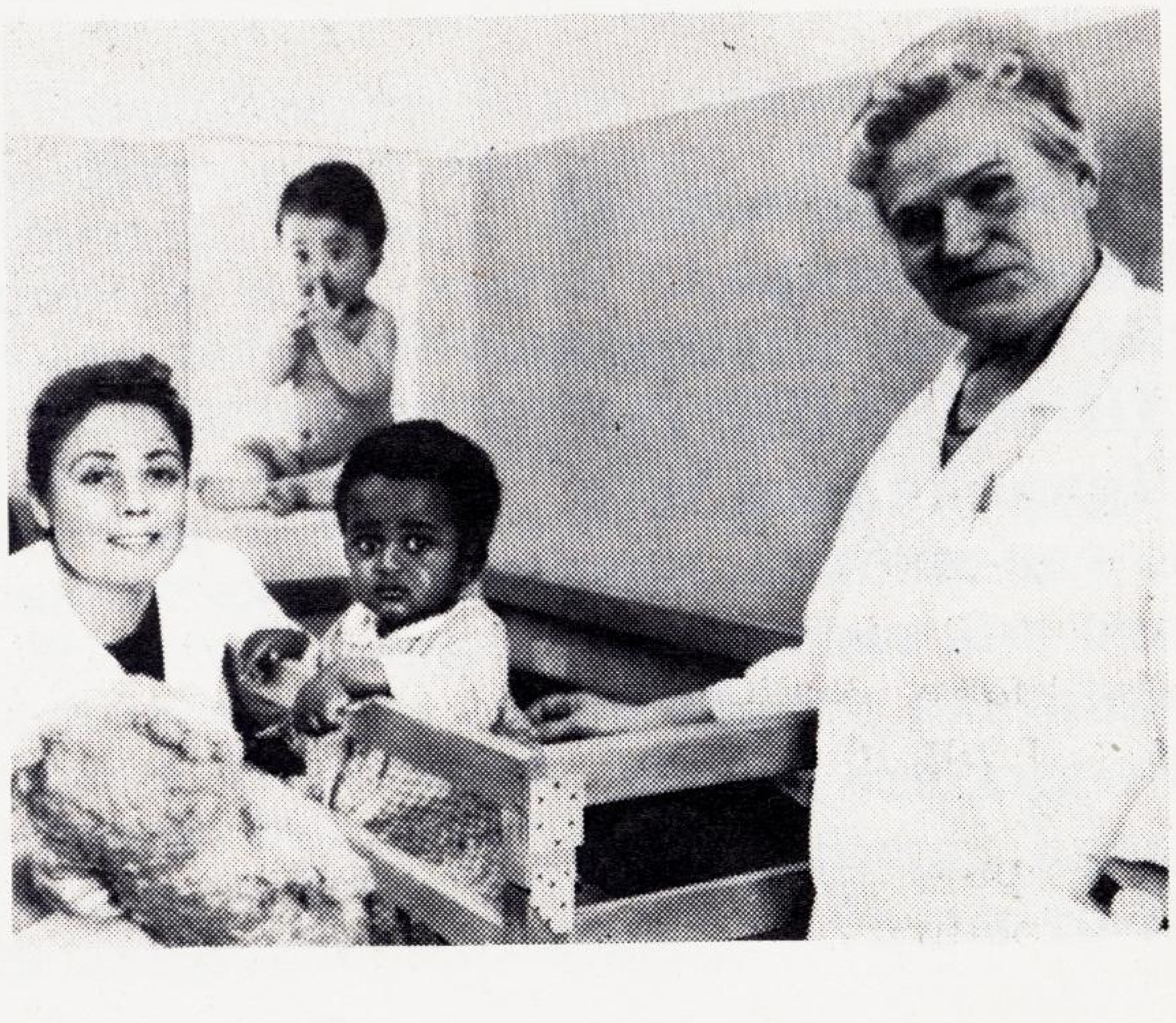
Одна из ее задач — защита прав детей. Если говорить обо всем, что делает Советский Красный Крест, получится длинный рассказ со множеством цифр и трудных географических названий.

Мы расскажем вам несколько совсем коротких историй.

Балча
и его десять мам

Его нашли на обочине шоссе, и дежурному полицейскому он показался мертвым. Полицейский подобрал сверток с земли, подумал: вдруг в нем жизнь не угас-

Мама Августа и мама Дуся с маленьким Балчей.



В московской больнице Алем со всеми подружился.

ла? И отвез в госпиталь имени Балчи, больницу Советского Красного Креста, которая находится в столице Эфиопии.

Найденыш дышал, только еле-еле. Его развернули, отмыли и увидели трехнедельного черного мальчишку, до того тощего и слабого, что, казалось, его не выходишь.

Медики, которые работали в госпитале, были искусными врачами и добрыми людьми. Они не отходили от малыша целыми сутками, составляли смеси, чтобы его кормить, подбирали лекарства, чтобы лечить. А когда убедились, что он выздоровел, назвали Балчей и оставили жить в госпитале. Он и госпиталь оказались тезками, оба названы в честь национального героя Эфиопии.

Сейчас Балче почти три года. Он крепкий и озорной парень, умеет говорить на родном языке, по-английски и по-русски. Только со словом «мама» у него нелады. Балча считает, что у человека должно быть много мам. У него десять: мама Соня — заведующая отделением, мама Дуся и мама Валя — медсестры, мама Августа — врач... Мам у него десять, а друзей в Советском Союзе не сосчитать.

Раз в месяц приходит в этот госпиталь мальчик по имени Алем Сагет, большой любитель поболтать.

Когда он появился здесь в первый раз, ему было восемь лет и он совсем не мог говорить: такая у него была болезнь горла. Алема лечили сначала в госпитале имени Балчи, а потом отправили в Москву, в детскую больницу имени Филатова. В Москве Алем всем очень понравился. Он оказался рассудительным и сговорчивым человеком, слушался врачей, а других ребят уговаривал принимать лекарства без капризов: Алем, пока поправлялся, выучился говорить по-русски.

Теперь Алем совсем выздоровел. В советский госпиталь он приходит не к врачам, а к завхозу: приносит на техосмотр игрушечную железную дорогу, которую подарили ему в Москве.

Идем на помощь

Алему и Балче посчастливилось. Мы не знаем, сколько ребят погибает или остается калеками из-за того, что им вовремя не пришли на помощь. Но мы знаем, скольким людям в тяжелую минуту помогли посланцы Советского Союза.

Советский Красный Крест часто получает письма со словами благодарности за помощь — они приходят из многих стран. В Эфиопии, в Алжире, в Иране работают много лет советские врачи. В Индии они не только лечили, но и учили: помогли подготовить местных детских врачей.

Посмотри на карту мира. Найди на ней Афганистан, Сирию, остров Родригес, Чили, Перу, Индию — те места земного шара, которые в прошлом году пострадали от стихийных бедствий — ураганов, наводнений, землетрясений.

На помощь им пришли отряды Советского Красного Креста. Они везли с собой лекарства, продовольствие, палатки для тех, кто остался без крова, одеяла, одежду... Туда шли не только умелые, но и смелые люди. Они бесстрашно путешествовали по стране, стараясь помочь каждому, кто попал в беду.

Знаете ли вы, ребята, что вы тоже принимали участие в такой помощи? Помните, как вы собирали игрушки, учебные пособия и лекарственные травы для детей Вьетнама? Вы просто завалили Красный Крест своими посылками.

Это были очень разумные посылки: вы отправляли «оружие» против врагов детства, против болезней и против невежества.

Собирая посылки детям Вьетнама, или подарки детям политзаключенных, или деньги в Фонд мира, вы приобщаетесь к прекрасному и благородному делу — бескорыстной помощи тем, кто в ней нуждается. Не на словах, а на деле узнаёте вы, что значат высокие слова: СОЛИДАРНОСТЬ, ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ, БОРЬБА ЗА МИР.

*

И как раз для того, чтобы всему миру напомнить про нужды детей всего мира:
о тех, кто не может учиться,
о тех, кто вынужден с малых лет зарабатывать на жизнь,
о тех, кто погибает от нищеты и болезней,—
1 июня объявлено ДНЕМ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ. В этот день все прогрессивные силы мира объединяются, чтобы выступить в благородный и мирный поход в защиту детей, в защиту БУДУЩЕГО ПЛАНЕТЫ.

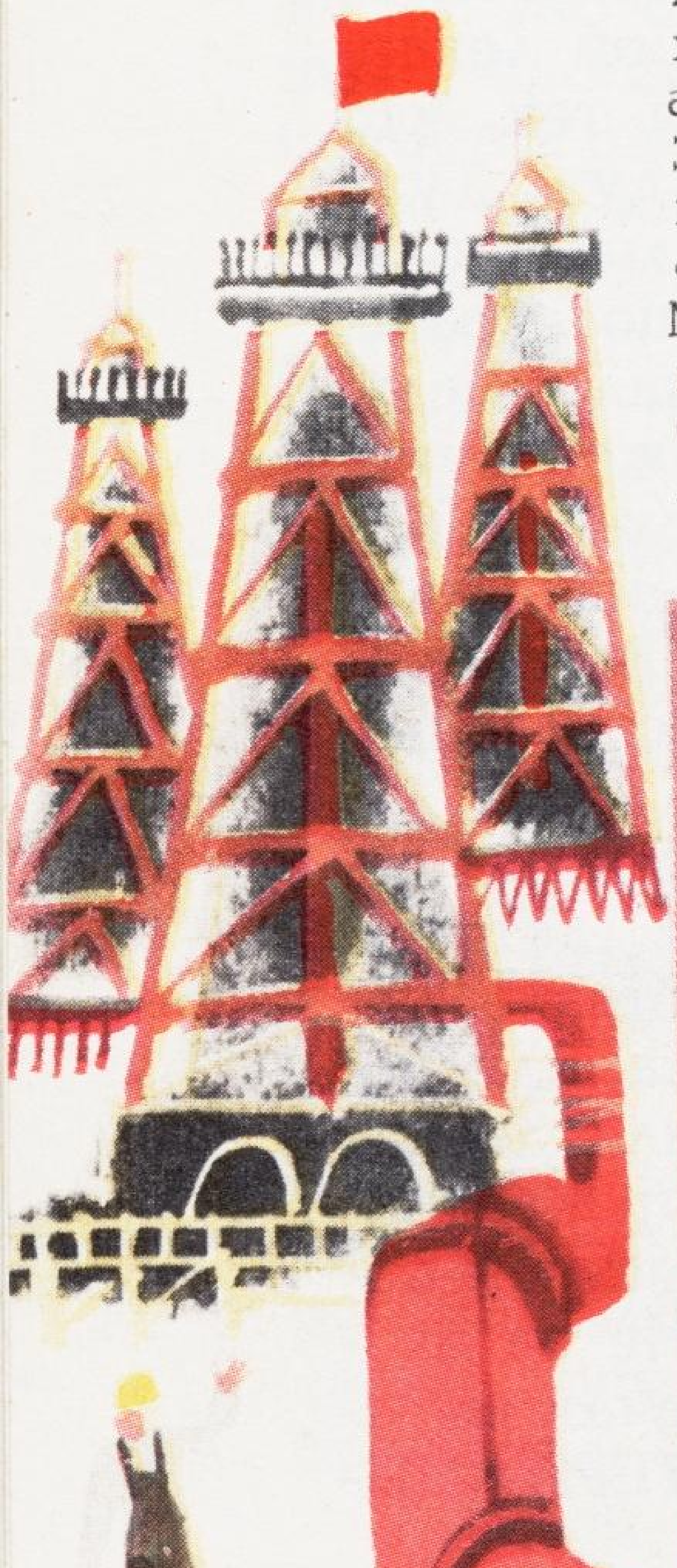
С. ИГНАТЬЕВА

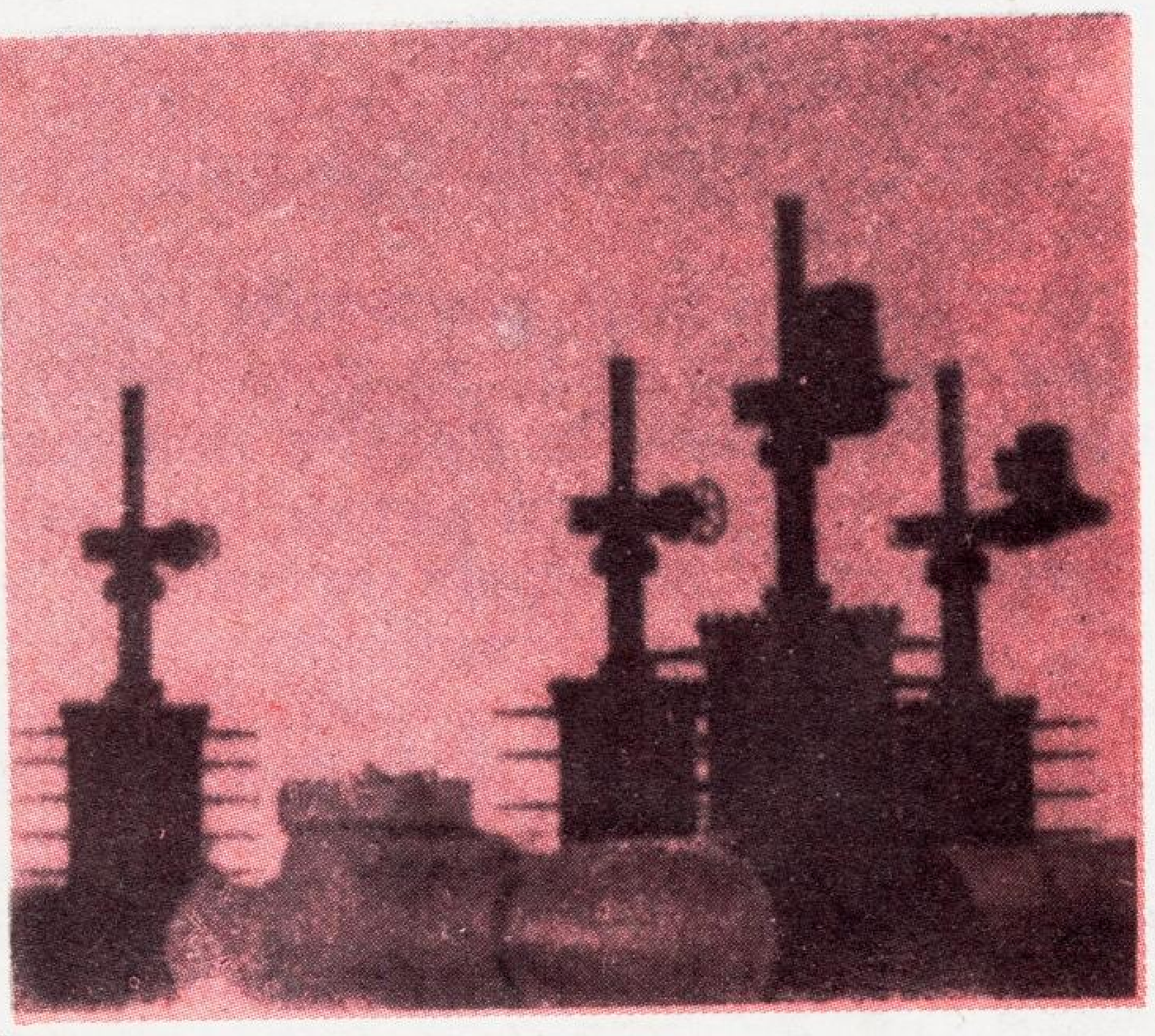
Течет по Европе новая река

В. БЛИЗНЕНКОВА

Рисунки А. БОРИСОВА.

Вот уже десять лет,
как появилась в Европе новая река.
Мало кто видел ее своими глазами,
хотя протянулась она
на тысячи километров
и пересекает не одно государство.
Мало кто слышал ее шум,
хотя она не просто течет,
а мчится, летит с огромной скоростью.
Зато знают о ней, пожалуй, все,
кто живет на этой земле —
от Волги до Одера.
Мне довелось побывать и у ее истоков
и там, где она заканчивает свой бег.
Об этой великой реке
я и хочу тебе рассказать.





ЧТОБЫ БЕГАЛИ МАШИНЫ И ЛЕТАЛИ САМОЛЕТЫ

Знаешь, сколько бензина нужно такой малолитражке, как «Жигули»? Всего 10 литров на 100 километров.

А новых машин в девятой пятилетке будет все больше и больше. Одних только «Жигулей» Волжский автомобильный завод станет выпускать 660 000 ежегодно. Значит, им понадобится 6 600 000 литров бензина — несколько железнодорожных составов. И это только новеньким «Жигулям» и только на первые 100 километров! А могучие КРАЗы, МАЗы, БЕЛАЗы? Им-то нужно гораздо больше топлива! А самолеты, ледоколы, комбайны?

Откуда же взять столько горючего?

Ответ ты знаешь — из нефти. Нефтью наша страна всегда была богата, а недавно в Западной Сибири открыто целое подземное нефтяное море. Хватит горючего машинам и самолетам! Хватит сырья химическим заводам!

Но на земном шаре немало стран, где, как ни ищи, нет запасов нефти. Как им быть?

ТАК РЕШИЛ СЭВ

И появилась в Европе новая река.

Начинается она в нашей стране, на берегах Волги. Недалеко от границы разделяется на два рукава — один идет в Польшу и ГДР, другой — в Венгрию и Чехословакию — страны, где почти нет своих месторождений черного золота. Имя реки — нефтепровод «Дружба».

Мчится по трубам густая черная жидкость — нефть из Советского Союза, мчится далеко на запад, чтобы вдоволь было горючего в братских социалистических странах.

Так решил СЭВ — Совет Экономической Взаимопомощи. Потому что главное для стран социалистического содружества — быстрое развитие каждого государства и всех вместе. И если у одних есть в чем-то нужда, все братские страны делятся своими богатствами.

Строили нефтепровод тоже все вместе. Стальные трубы надо было прокладывать под лесами и болотами, опускать под реки, пробивать для них туннели в горах.

В нашей стране это была ударная комсомольская стройка. И пионеры помогали старшим. На стальные трубы они собрали один миллион тонн металлолома. Собирали металл и юные тельма-

новцы ГДР, и харцеры Польши, и пионеры Венгрии и Чехословакии.

НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ

НА НУЛЕВОМ КИЛОМЕТРЕ

Степь. Во все стороны до горизонта степь. У шоссе — горстка приземистых зданий.

Здесь, недалеко от Куйбышева, головная насосная станция Лопатино. На этой земле нефтепровод проходит свои первые метры.

— А где же трубы?

Мне очень хотелось увидеть начало нефтяной реки. Об этом я и спросила Владимира Яковлевича Мишина — главного человека на Куйбышевском участке нефтепровода.

— Все под землей. И магистральная труба и резервуары с нефтью. Но начало я вам могу показать.

Мы подошли к одному из зданий. Прямо из кирпичной стены выходила огромная — не обхватишь — труба. Она была серебристая и шероховатая на ощупь, — густой слой обмазки-изоляции покрывал ее снаружи. Несколько метров труба тянулась над землей — и вот уж не видно ее: нырнула в землю.

— Пошла на Запад! — сказал Владимир Яковлевич.

Вокруг было тихо и безлюдно. Казалось, ничего особенного и не происходит в этом пустынном месте.

ЭШЕЛОН ЗА ЭШЕЛОНОМ

А в это же время совсем рядом с нами летел по трубам поток черной жидкости.

В главном насосном зале разговаривать было невозможно. Четыре насоса, как четыре мамонта, подпирали потолок. От их гула дрожал бетонный пол.

Насосы не просто переливают нефть из резервуаров в трубопровод. Они с силой всасывают вязкую жидкость, сжимают ее под огромным давлением и гонят в магистральную трубу. И нефть мчится, летит, крутясь бешеными вихрями. Летит под таким напором, что если вдруг выпустить ее наружу, на сотни метров взметнется она в небо!

Пробыли мы на станции недолго, и за это время в трубопровод ушло несколько эшелонов.

Вообрази себе вокзал, с которого сплошной чередой — день за днем, десять лет подряд — уходят эшелоны с горючим. Сколько для этого нужно цистерн, сколько людей и средств! Но вот бесконечную цепочку цистерн заменили бесконечной трубой и прямо по ней с огромной скоростью пустили нефтяной поток.

И заработал трубопровод — самый быстрый и самый дешевый транспорт.

ПОЧЕМУ ОНА ТОРОПИТСЯ?

— А зачем все же такая скорость? Зачем насосы? — продолжала я допрашивать Владимира Яковлевича уже по дороге в Куйбышев.

— Трубы-то не везде идут под уклон. А нефть — жидкость вязкая, маслянистая. Вот и приходится подгонять ее, качать мощными насосами. Разгонят ее насосы, а в пути скорость падает. На следующей насосной станции нефть снова «подстегивают». И так все время — от одной станции до другой. Иначе нельзя: нефть остынет, загустеет и забьет трубу.

— Остынет? Разве нефть идет по трубам теплая?

— От нас на запад теплая. А к нам в Лопатино с полуострова Мангышлак подходит горячий нефтепровод. По нему идет нефть, где особенно много густых, вязких частиц — парафинов. Если ее не подогревать все время, она застынет и не побежит по трубам. Вот и стоят по всему пути горячего нефтепровода специальные печки.

К головной станции подходят еще несколько нефтепроводов. По ним качают нефть с крупнейших месторождений — из Татарии, Башкирии, Поволжья, Западной Сибири.

ДИСПЕТЧЕРА ЗОВУТ УАС

Народу на головной станции немного. Пока мы ходили по станции, встретили всего несколько человек.

Какой же диспетчер следит за сложным хозяйством нефтепровода?

В Лопатине его зовут УАС — Унифицированная Автоматическая Система. Девять зеленых шкафов — по числу станций — окружают центральный диспетчерский пульт.

Мы подошли к автомату, контролирующему работу станции Кузнецк. До нее сотни километров. Но в любую минуту зеленый шкаф с электронной начинкой расскажет все, что нужно знать о самочувствии агрегатов.

И если где-то неполадки, диспетчер на голов-

ной станции мгновенно узнает об этом — сигнал придет со скоростью света. На далекую станцию в ответ пойдет нужная команда. За доли секунды домчится до Кузнецка электронный сигнал и включит вместо неисправного другой механизм. Отлично работает небольшой коллектив нефтепровода. За успехи в восьмой пятилетке он награжден орденом Трудового Красного Знамени, отмечен Почетным Юбилейным знаком в честь 50-летия СССР. На Куйбышевском участке три станции носят звание станций коммунистического труда.

Сейчас нефтепровод выполняет задание девятой пятилетки — вдвое увеличить поток нефти, идущей на Запад. Вот почему на Запад пролегла вторая стальная нитка — вступает в строй вторая очередь нефтепровода «Дружба»!

НА БЕРЕГАХ ОДЕРА

ГОРОД НА НЕФТЯНОЙ РЕКЕ

И вот я в ГДР, в городе Шведте.

Город стоит там, где кончается великая нефтяная река. Вот уже десять лет работает здесь гигантский химический комбинат.

Ходишь по комбинату и удивляешься царству труб. Невольно вспоминается Лопатино и та одинокая труба, что ушла там под землю. Здесь она будто вырвалась наконец на поверхность и тысячекратно умножилась! Трубы бегут по земле, устилая ее сплошным ковром. Трубы поднимаются к небу — то прямые, как стволы деревьев, то скрученные в клубок...

Комбинат — а это двенадцать огромных заводов — перерабатывает советскую нефть.

Из нефти в Шведте умеют делать все, что нужно республике.

Бензином и керосином, дизельным топливом и мазутом комбинат обеспечивает транспорт и электростанции ГДР. Смазочные масла из Шведта славятся особой надежностью — они защищают металл от ржавчины, и станки работают много лет без повторной смазки.

Здесь изготовляют асфальт, который не боится ни жары и ни холода.

А помнишь, мы говорили с тобой о парафинах? Чистый парафин — это белое вещество, и, чтобы сделать хотя бы свечку, его надо отправить на другой завод комбината. Там из парафинов получают стиральные порошки, удобрения, ацетат, жидкости для борьбы с вредителями полей и лесов. И еще много полезных вещей — для полировки мебели, для упаковки лекарств, для отделки бумаги — всего не перечислишь. На Лейпцигской ярмарке комбинат получил Золотую медаль за переработку парафинов.

Ты, наверное, знаешь, какие прекрасные игрушки делают в ГДР — яркие, блестящие, нарядные. Сырье для них — пластмассу высокого качества — тоже получают здесь, в Шведте, из советской нефти...

В тридцать стран разных континентов отправляется продукция заводов Шведта.

ЗАПИШИ ЭТОТ АДРЕС

Каждый год 18 декабря в Шведте праздник. В этот день десять лет назад пришла сюда первая советская нефть.

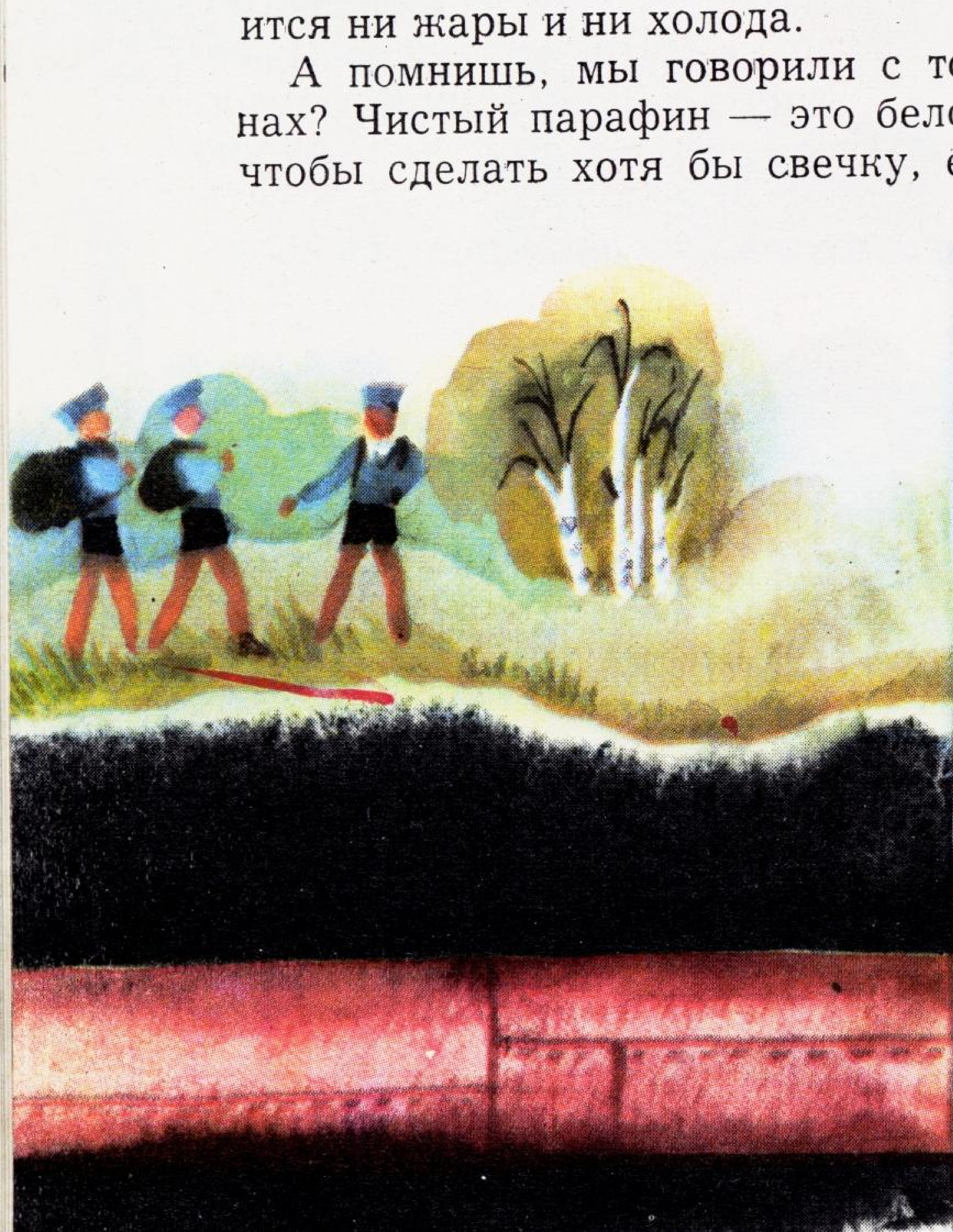
В честь праздника в самом большом зале города открывается выставка детских рисунков. Рисунки эти ежегодно слетаются в Шведт из всех стран, где проходит нефтепровод. Пять лет назад здесь был объявлен конкурс, который так и называется «Вдоль нефтепровода».

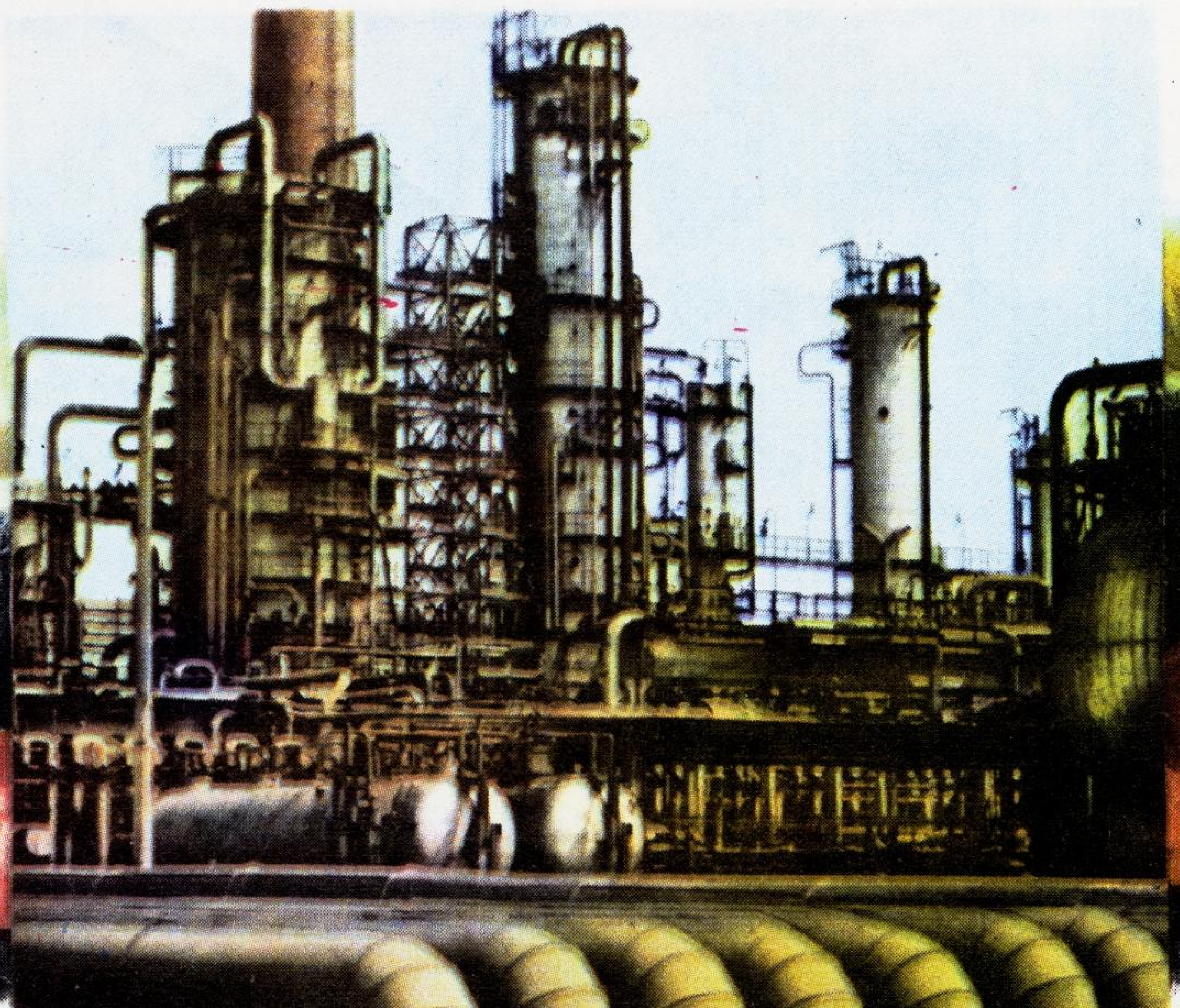
О чем рассказывают ребята? О разном. На многих рисунках — нефтепровод. Мальчик из Шведта нарисовал, как в СССР добывают нефть, как с вертолета устанавливают буровые вышки. Ребята из Польши и Чехословакии рисуют заводы и комбинаты, что стоят в их странах на нефтяной реке.

Но большинство рисунков, казалось бы, к нефтепроводу не относится. Веселятся на них дети, дерутся нарядные петухи, мальчишки мчатся на велосипедах, люди идут на демонстрацию. Но это только кажется, что рисунки о другом. Они о том же — о дружбе наших стран, о нашей мирной жизни.

Скоро делегаты X Всемирного фестиваля побывают на этой выставке. А ты можешь увидеть несколько рисунков из Шведта в нашем «Кораблике».

Конкурс продолжается. Хочешь послать свой рисунок в Шведт? Тогда запиши адрес: ГДР, Шведт. Международный конкурс детских рисунков «Вдоль нефтепровода».





НЕФТЕХИМИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ.
ШВЕДТ, ГДР.

Мария

Юрий ЯКОВЛЕВ

Мария Павловна Прилежаева — талантливая советская детская писательница — в молодости была учительницей, и первые книги ее были о школе: «Юность Маши Строговой», «Семиклассницы», «Над Волгой».

Опыт писательницы, ее наблюдения, ее раздумья легли в основу этих книг. В них Мария Прилежаева показывает жизненную школу, которую проходит человек по пути из детства в юность.

Но школа — это не только дом, где стоят парты и каждые сорок пять минут звенит звонок на переменку. Жизненная дорога, которую проходит каждый из вас, встречи с людьми — мудрыми и недалекими, интересными и скучными, хорошими и плохими — это тоже школа.

Теперь у нее класс многомиллионный. И она ведет вперед по жизненному пути своих учеников — читателей.

Писатель стремится показать своим читателям жизнь в более широких горизонтах. Писатель ищет и находит героя, умного и притягательного, изучает его жизнь.

Мария Прилежаева связала свое творчество с революционным прошлым нашего народа. Она решает писать книгу о юности замечательного деятеля нашей партии Михаила Ивановича Калинина. Писательница отправилась в удивительное и трудное путешествие в далекие времена, в бывшую Тверскую губернию, к берегам реки Медведицы, где прошла юность замечательного революционера.

Она изучает мемуары, собирает рассказы очевидцев, работает в архивах, библиотеках, ездит по местам, где жил ее герой...

Так родилась новая книга «С берегов Медведицы». Книга интересная, увлекательная, к герою ее сразу потянулись сердца юных читателей.

Книга «С берегов Медведицы» заканчивается приездом в Петербург молодого Владимира Ильича Ленина, главного и любимого героя Марии Прилежаевой. Смело и вместе с тем очень бережно воссоздает писательница обаятельный, дорогой каждому сердцу образ Владимира Ильича Ленина.

«Начало», «Удивительный год», «Три недели покоя» — эти книги Марии Прилежаевой о В. И. Ленине полюбились юному читателю.

В завершение Мария Павловна пишет первую для детей биографию вождя революции — «Жизнь Ленина».

Просто и сердечно написана повесть. Мария Прилежаева знакомит читателя с основными моментами великой жизни. Шаг за шагом, начиная с детских лет, показывает она, как рос и мужал Володя Ульянов, будущий вождь революции. Показывает, как Ленин создавал партию — партию рабочего класса, как эта партия, руководимая Лениным, привела народ к победе Октября. Перед нами встает образ вождя революции, создателя Советского государства.

Прилежаева

и ее книги

В своих книгах Мария Прилежаева старается передать все величие жизни Владимира Ильича. Ее книги заслуженно вошли в Лениниану, переведены на многие языки мира.

На груди Марии Павловны Прилежаевой рядом с другими орденами — орден Ленина: профиль Ильича, обрамленный колосьями и знаменным стягом,— для Марии Павловны эта награда имеет особый смысл. Ей знакома каждая черточка ленинского лица, она хорошо изучила всю его жизнь.

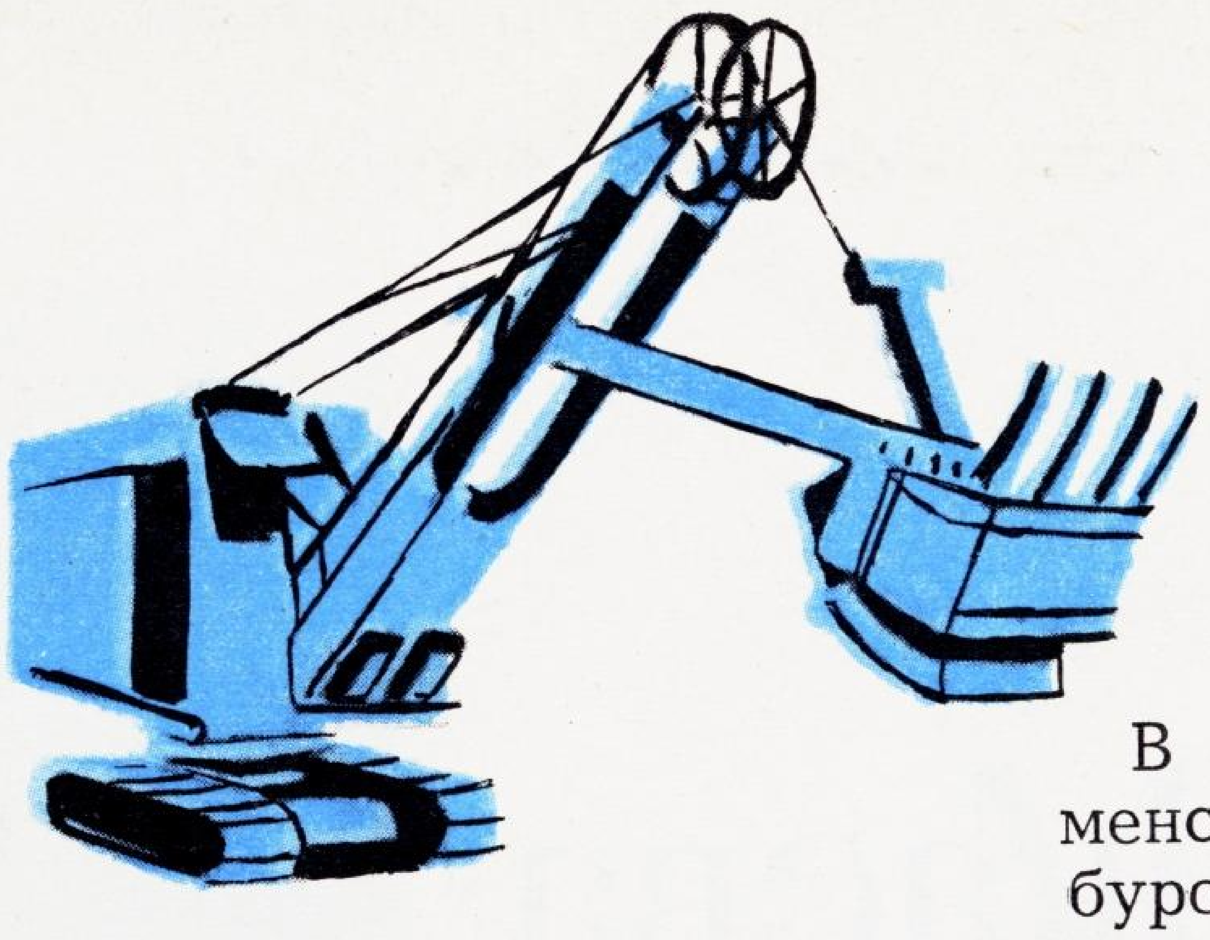
Следуя лучшим традициям советской детской литературы, Мария Павловна Прилежаева ведет с вами, ребята, разговор на большие, серьезные темы. И не случайно после XXIV съезда партии она решила рассказать юным читателям об этом историческом событии. Так родилась публицистическая книга «На XXIV съезде».

Мария Павловна не мыслит своей творческой жизни без постоянных встреч с юными читателями. Она частый гость в школах, библиотеках, дворцах пионеров. Минувшим летом она была почетным гостем на V Всесоюзном слете пионеров в Артеке, много рассказывала делегатам о том, как работает над ленинской темой.

Мария Павловна Прилежаева — одна из любимых детских писательниц, ее книги помогают вам, ребята, стать настоящими людьми, патриотами, настоящими ленинцами.

С этими рисунками художника О. Верейского вы уже знакомы, вы видели их, когда читали в «Пионере» повесть Марии Павловны «Жизнь Ленина».

Машины девятой пятилетки



Буровая плывет по тундре

В тундре на севере Тюменской области работает буровая на воздушной подушке. Стальную махину весом в двести тонн нелегко было передвигать с места на место: каждый раз приходилось разбирать ее и снова собирать. А эта буровая своим ходом идет по тундре, по непроходимым болотам, по льду и снегу.

На просторах Западной Сибири

Ты уже читал в этом номере о нефтепроводе «Дружба» — великой нефтяной реке. Недавно по ее стальным трубам пошла в братские страны нефть из Западной Сибири — самого нового и самого большого в мире месторождения.

Западная Сибирь — огромный, богатейший край. Мы расскажем тебе, как советские люди добывают это богатство.

Посмотри на рисунок.

Первыми и в тайгу и в тундру приходят геологи — разведчики. На вездеходах через леса и болота прокладывают они свои маршруты, составляют геологические карты, определяют, где есть подземные кладовые нефти.

Потом наступает очередь буровиков. Могучие вертолеты приносят буровые вышки, стальные трубы и вот эти вагончики — жилье для первопроходчиков.

— Нефть пошла! Нефти много! — докладывают буровики, и в тайге начинают хозяйничать строители. Они прорубают просеки, прокладывают дороги, расчищают посадочные площадки для могучих «Антеев». Тяжелые самолеты доставляют технику — тракторы, бульдозеры, передвижные электростанции, трубоукладчики.

Круглые сутки мощные турбобуры вгрызаются своими алмазными зубами в промерзший грунт, чтобы достичь нефтеносных пластов.

А тем временем строители готовятся принять нефть: бульдозеры роют траншеи, и трубоукладчики бережно опускают туда стальные трубы — русла будущих нефтяных рек.

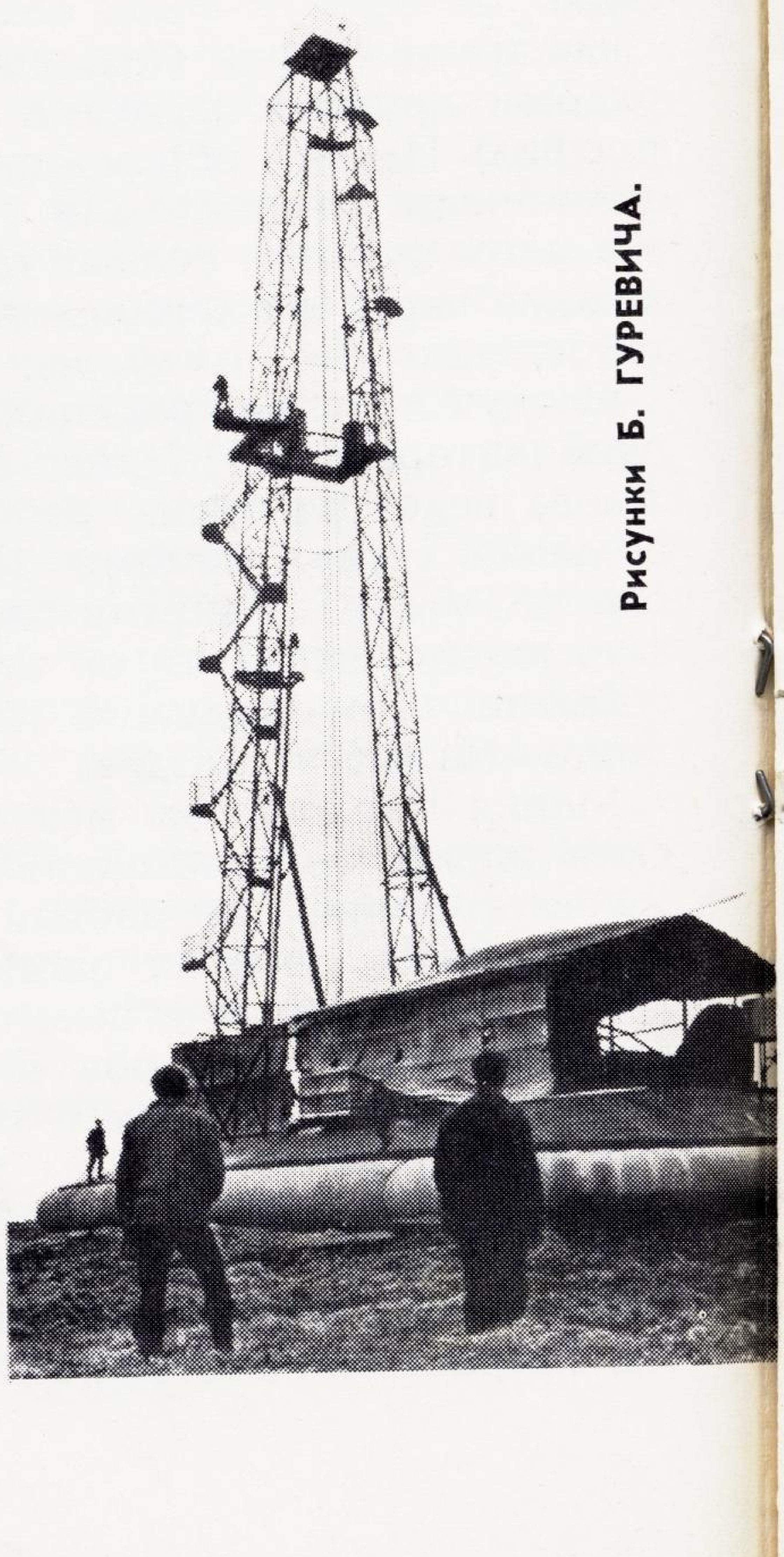
И прямо из скважин нефть по трубам течет к химическим заводам.

Неподалеку от месторождений и заводов вырастают поселки и города для нефтяников, химиков, строителей, энергетиков.

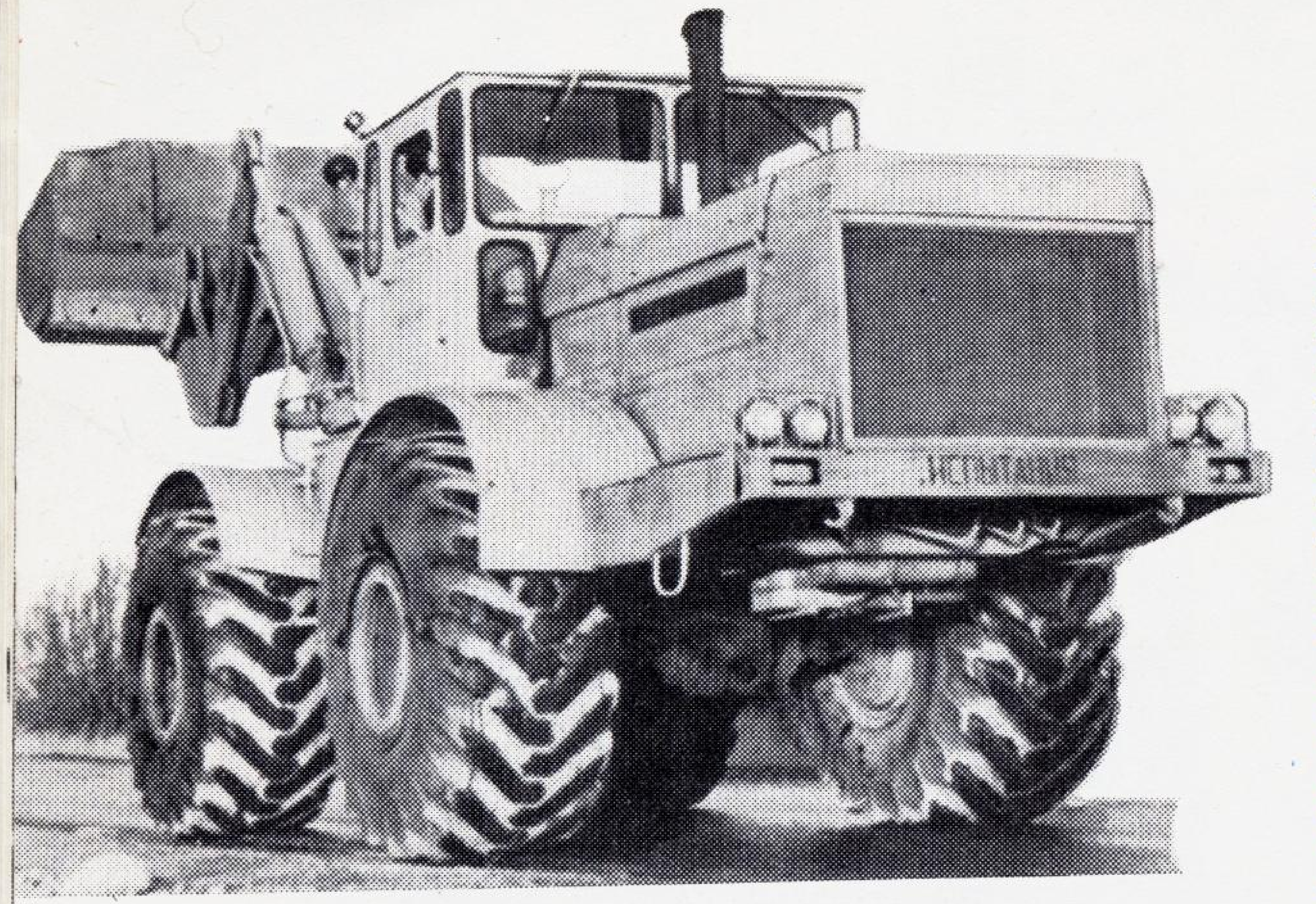
Все больше разных машин приходят на помощь разведчикам и добытчикам нефти. Вот перед тобой несколько новых машин.

Алло, трактор!

Этот трелевочный трактор делает свою работу: оттаскивает поваленные деревья без тракториста. Трактором управляют по радио. Оператор стоит в сторонке, ему все хорошо видно и удобно давать нужные команды. В трудных случаях оператор сам садится за рычаги.



Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.



На все руки мастер

На снимке — новый трактор «Кировец» К-702. Первая партия этих машин уже сошла с конвейера Кировского завода в Ленинграде. Для каждого трактора выпускается набор навесных механизмов. Если нужно, трактор становится то бульдозером, то скрепером, то погрузчиком. Он и траншею выроет, и засыплет ее, и грунт разровняет. А тот, что на снимке, готовится грузить грунт в самосвалы — за час почти двести кубометров.

•

Через топи и болота

Новый вездеход для геологов родился в Горьком, в Политехническом институте. Из любой топи выберется эта машина, потому что она движется не на колесах, не на гусеницах, а на специальных устройствах — шнеках, вроде винта в мясорубке.

О. ЛЕОНИДОВ,
М. ЮЛИН.

Идет разговор

Пионер! Пионерский отряд!

В охране и уборке урожая ты помощник взрослых.

Помогай охранять природу родного края.

Участвуй в ремонте школы, сохраняй учебники, приводи в порядок школьное имущество.

Пусть твои летние каникулы пройдут интересно и с пользой!

Совхоз благодарил нас

Прошлым летом мы поехали отдыхать в совхоз «Барачатский». Отдыхать — не значит слоняться без дела. Мы предложили совхозу свою помощь. Копали канавы, строили теплицу, истребляли сусликов. Суслики — грызуны, они приносят огромный вред урожаю.

Утром мы шли на конюшню, запрягали лошадей, наполняли бочки водой и увозили их в поле. Эту воду мы выливали в норы суслика. Нора глубокая, иначе суслика оттуда не выманишь. Всего мы уничтожили три тысячи вредителей. В совхозе нам сказали, что мы сберегли двенадцать тонн зерна. Совхоз благодарил нас. Мы и сами были очень рады, что сделали полезное дело. А деньги, которые заработали в совхозе, мы истратили на туристский поход и на книги, которые подарили сельской школьной библиотеке.

Александр ТИХОНОВ,
Кемеровская область.

Мы помогаем на ферме

Мы часто ходим на ферму, помогаем дояркам ухаживать за телятами. У меня на ферме есть любимая корова Маня. Она хорошая, ласковая, много молока дает. Только теперь

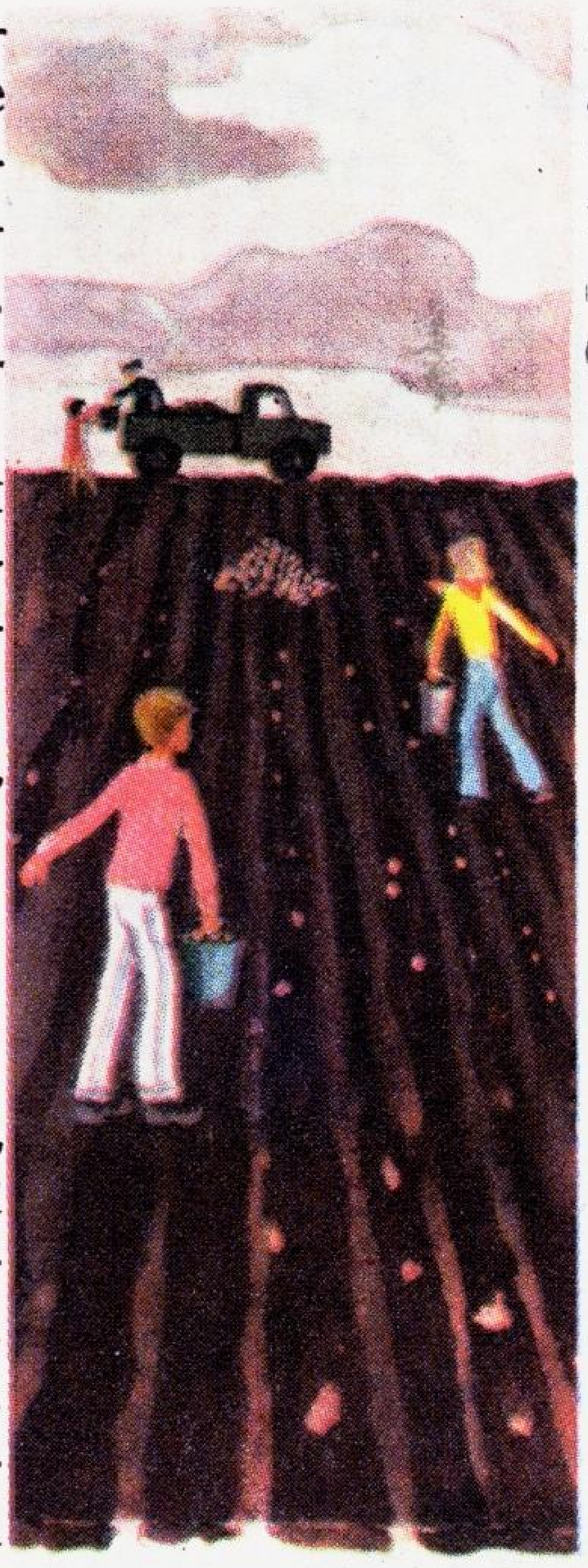
Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

на Большом Общем Совете

она старая уже стала. Я выходила пятерых ее телят. Они теперь уже тоже взрослые коровы, а я снова за маленьким теленочком хожу. Утром говорю ему «Доброе утро», а он мычит. Я ему сена дам, водой напою, а вечером пою молоком...

По воскресеньям мы всем отрядом вместе с учителем приходим на ферму с концертом. Доярки всегда нашему приходу радуются.

Марина КЕЗИГЕТ,
с. Эрзин, Тувинская АССР.



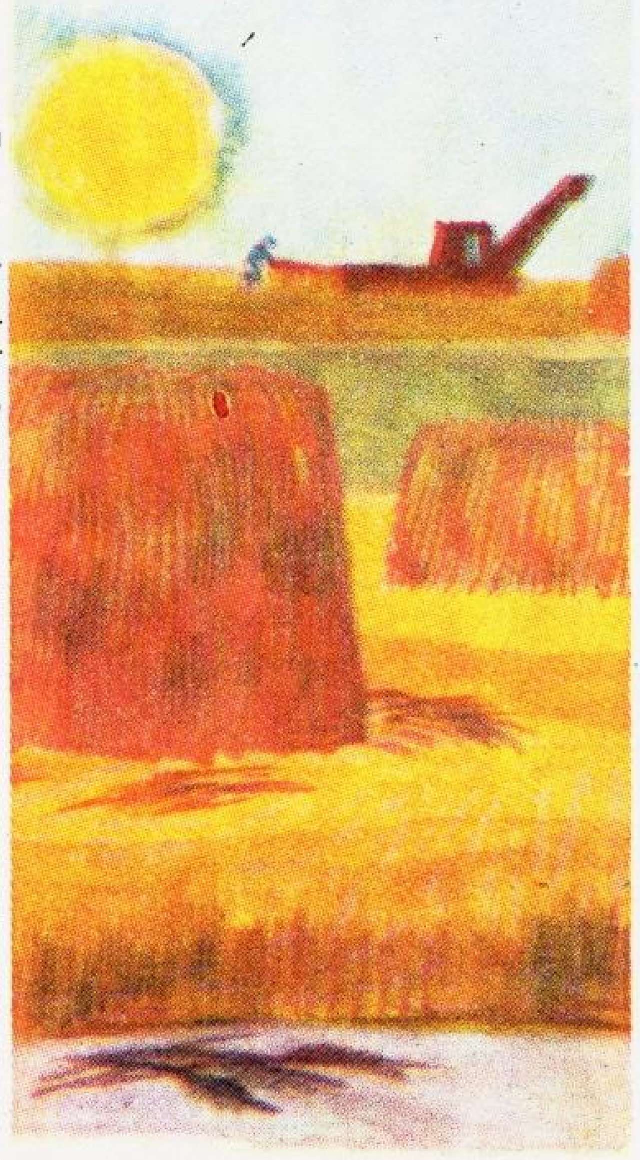
Успели до града

На летнюю практику наш отряд поехал в колхоз имени Ленина. Мы собирали черешню в колхозном саду — каждый по два ящика в день. Сначала нам показалось это легко. Стали собирать и поняли: очень трудно. Ветки хлещут по лицу, лестница под ногами дрожит... Освоились через некоторое время, стали по три ящика собирать и даже по четыре.

Потом колхоз поручил нам собирать клубнику. Это еще труднее: работаешь все время согнувшись, а солнце палит! Ничего, и с этим постепенно справились. Только кончили все, град внезапно ударил. Если бы не успели собрать клубнику вовремя, погибла бы.

На заработанные деньги наш отряд купил всем портфели, тетради, ручки, карандаши, краски. Такие же портфели со всем, что необходимо для учения, мы отправили детям Вьетнама.

Сергей ГРАБАРЧУК,
г. Ужгород.



Все уходим в поле

Я живу в маленькой деревеньке. Летом во время сенокоса в деревне всегда не хватает рабочих рук. Мы вооружаемся граблями, собираемся все вместе и уходим в поле. Первые дни бывает нелегко: целый день на солнце ворочаешь, сгребаешь сено, потом привыкаешь. За лето мы все немного подрастаем, загораем, сильнее становимся. Когда сенокос кончается, председатель колхоза на общем собрании благодарит нас наравне со взрослыми. Осенью мы помогаем колхозу убирать хлеб и картофель.

Аня ШИХОВА,
с. Макарье, Кировская область.

Отряды соревнуются

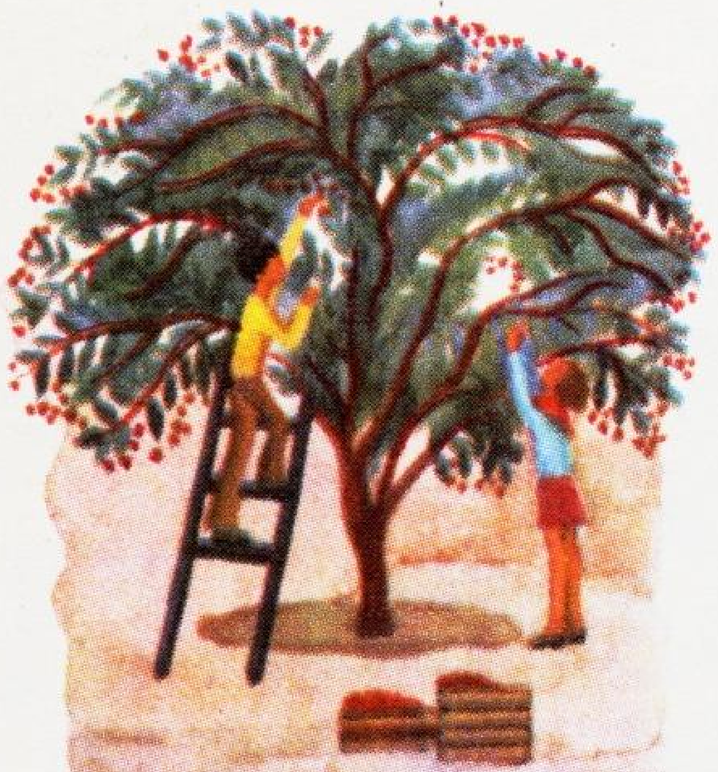
Наше село называется Орловка, а колхоз — «Верный путь». Осенью мы помогаем колхозу убирать картофель. Каждый отряд получает несколько рядков и собирает там картошку в ведра. Машина едет вслед за нами, на машине тоже наши ребята. Наполнятся ведра, мы их подаем на машину.

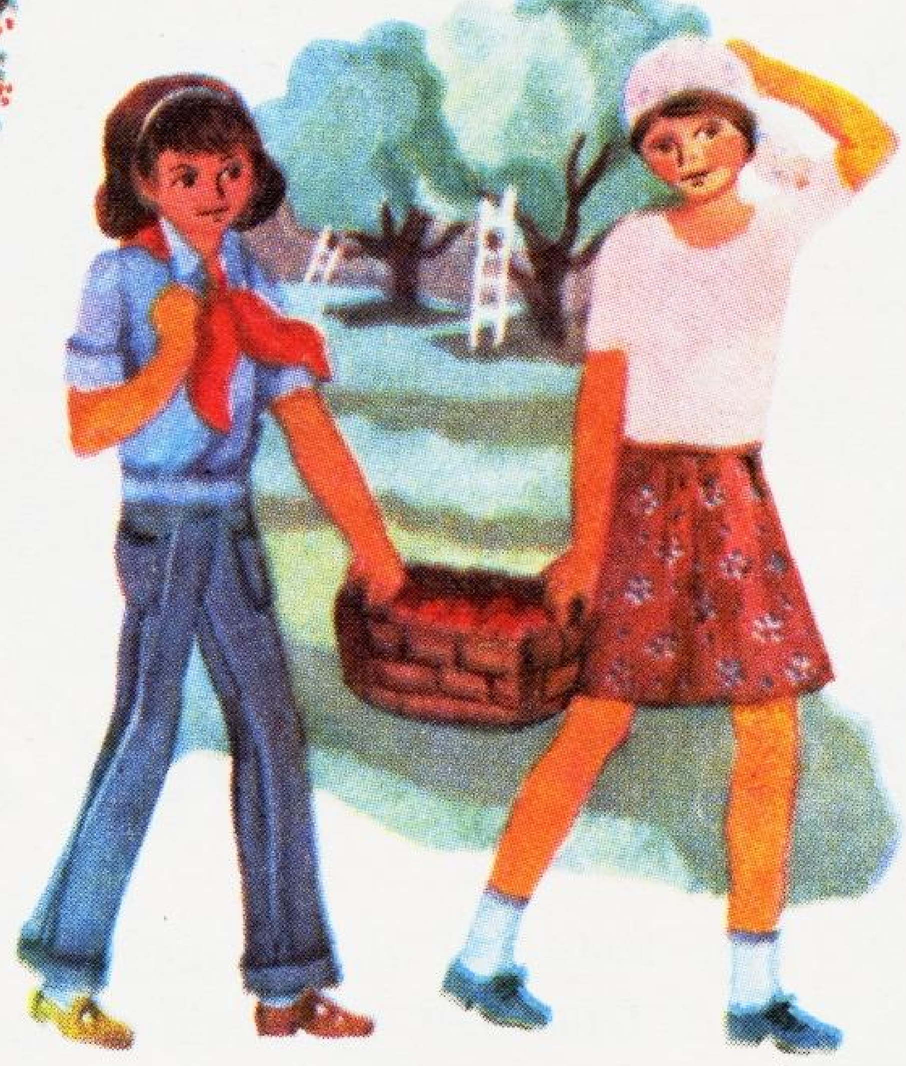
Отряды соревнуются между собой. Ну, а кто отстанет, тому помогают. Мы теперь всех ребят делим на звенья. Одни картофель копают, другие в кучи собирают, третьи эти кучи в ведра складывают, четвертые ведра подают на машину. Потом все меняются. Так получается быстрее, больше успеваешь!

Таня БУКАНОВА,
с. Орловка, Амурская область.

По заданию ученых

Мы работаем на опытном участке по заданию ученых Самчинской лаборатории. Испытываем новые сорта овощей, выясняем, когда лучше сажать картофель, раньше или позднее, как влияет на урожай закаливание семян огурцов. Все, что мы узнаем, мы сообщаем ученым и своему колхозу.





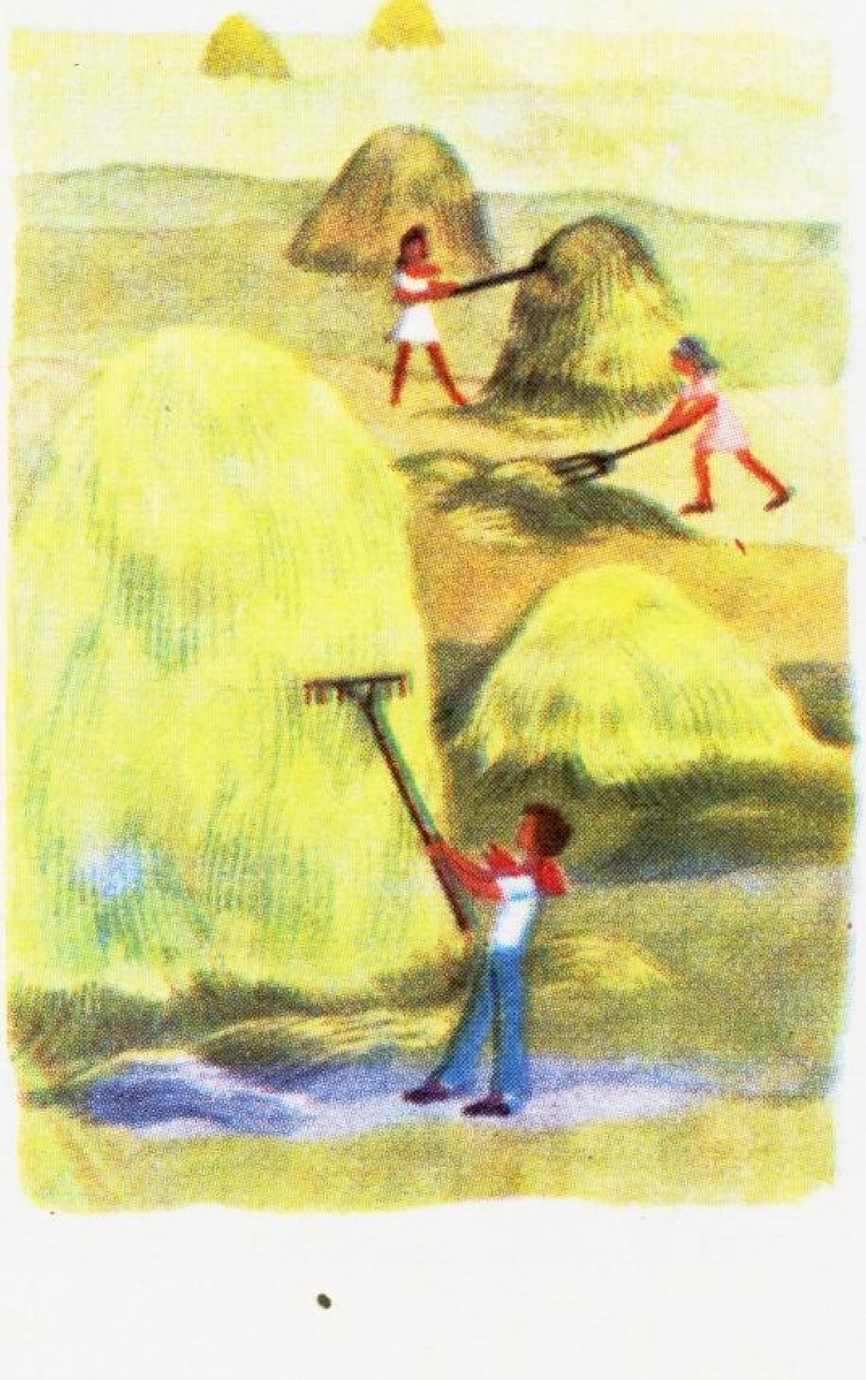
И летом твой отряд действует!

Осенью по народному обычаю мы устраиваем праздник урожая. Большой каравай торжественно выносят на вышитом полотенце. Все получают по куску. Вот какой каравай! Все потом поют песни, танцуют, веселятся.

А. ВОЛОШКЕВИЧ,
г. Староконстантинов, Хмельницкая область.

Двор наш хороший

У нас дом большой и двор большой. Людей живет очень много. Посадили мы в своем дворе деревья, кустарники, цветы, летом после работы все приходят во двор отдыхать. Мы за всеми посадками ухаживаем, поливаем, землю рыхлим. Двор всегда подметаем, расчищаем, дорожки камнем выложили.



Пятая четверть — трудовая!

Недавно посадили вишни. Они уже дают урожай, мы всех угощаем.

Люба ЗОЛОТУХИНА,
г. Тернополь.

В поход за ландышами

В нашем Донском краю много прекрасных рощ, заливных лугов. Мы ходим туда собирать лекарственные травы. Ландыши растут в тени, в густых зарослях. Тут уж, если хочешь побольше собрать, не страшись крапивы, не бойся колючего кустарника и комаров. Мы собираем несколько мешков и ландыша и ландышевого листа. Дома все сушим, а потом сдаем в аптеку. Собираем мы еще шиповник и боярышник.

Света УЛАСЕВИЧ,
ст. Базковская, Вешенский район.

Школа как новенькая

Кончается учебный год, и мы принимаемся ремонтировать школу. Красим парты, моем стены, белим потолки. Был у нас такой случай. Один мальчишка вдруг посреди дела уселся на парту и сказал, что ему все это надоело и он больше не будет ничего делать. Сидит, смотрит на нас, ждет, что мы ему скажем. А мы ему ничего не говорим, просто перестали его замечать. Видно, скучно ему стало или стыдно, посидел он так и пошел полы мыть...

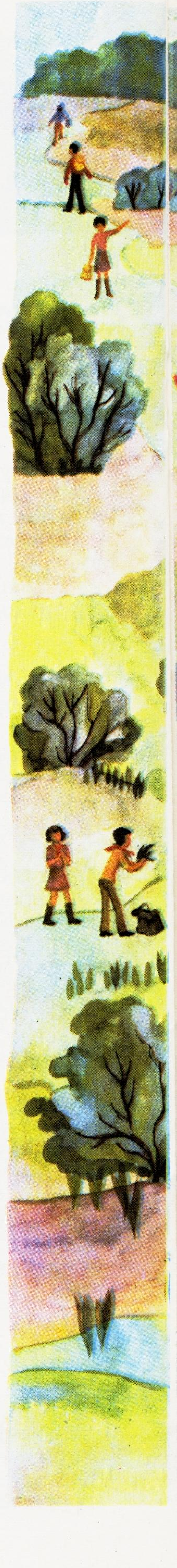
Когда внутри школы мы наведем полный порядок, школа становится как новенькая. Мы и школьный двор убираем, сажаем цветы, кустарники, деревья, ухаживаем за ними.

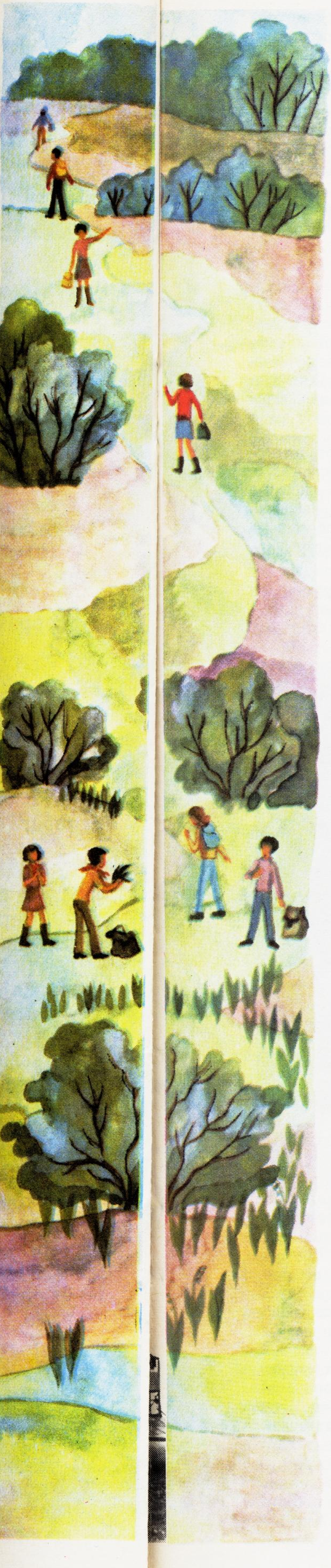
Владимир КУДРЯВЦЕВ,
г. Оренбург.

Нет дерева без корней, нет реки без истока...

Фатима КАУФОВА,
секретарь Кабардино-Балкарского обкома комсомола.

То далекое теперь уже лето выдалось поначалу сухим и знойным. От раскаленных предгорий веяло жаром. Пожелтели травы и поникли ли-





стья. Мечтали о дожде. Ну хотя бы совсем немного прохладного, живительного дождя. На выцветшем, белесом небе не было ни тучки.

Ребята Баксаненковской средней школы принялись помогать взрослым. Воду таскали ведрами из речки. И когда через много лет на полях колхоза «Красный Кавказ» появились оросительные каналы и дождевальные установки, они не раз вспоминали эти ведра.

И семена проклюнулись. Потянулись к солнцу первые робкие ростки.

А потом, когда кукуруза пошла в рост, неожиданно прогремели грозы и упали на землю ливни. Налетели с гор холодные ветры. Теперь ребята мечтали о солнце.

Посевы укрывали ватниками, куртками, мешками. Что поделаешь со стихией! А кукуруза все-таки выросла!

Так семнадцать лет назад родилась школьная производственная бригада, которой руководит Расул Беталович Бутаев. В юности он был трактористом, а теперь учит ребят, рассказывает им на уроках об истории родной страны, водит в походы по горным дорогам. Каждую весну вместе с ними выезжает в поле.

Он помнит всех своих воспитанников. Кто кем стал, у кого как сложилась жизнь. Почти полсела — а Баксаненок село немалое — выросло в школьной бригаде. И в Нальчике, и в Ленинграде, и в Средней Азии, и в Сибири работают агрономы и механизаторы, начавшие свой путь на баксаненковском поле. Есть и врачи, и ученые, и учителя.

Идут годы, и новые поколения юных жителей Баксаненка выходят в поле. Расул Беталович состарился. Сгорбились его плечи, глубокие морщинки пролегли на лице, тяжело дышит. Но походка удивительно молодая, скорая.

— Идемте-ка, чего покажу! —зовет он меня, и мы идем на поля ученической производственной бригады. Я еле поспеваю за Расулом Беталовичем.

Вокруг стана цветники. А чуть подальше, у самой кромки поля, вытянулись, как на линейке, ореховые деревья. Расул Беталович подводит меня к одному из них. Оно побольше других, и крона у него пораскидистее.

— Вот,— говорит он, поглаживая ствол,— в честь того удивительного урожая посадили.

Полевой стан бригады оживает, лишь заалеют в предгорьях хороводы тюльпанов и задышит маревом пашня, словно подсказывая земледельцу, что пора бросать в теплую землю семена. И начинается сев.

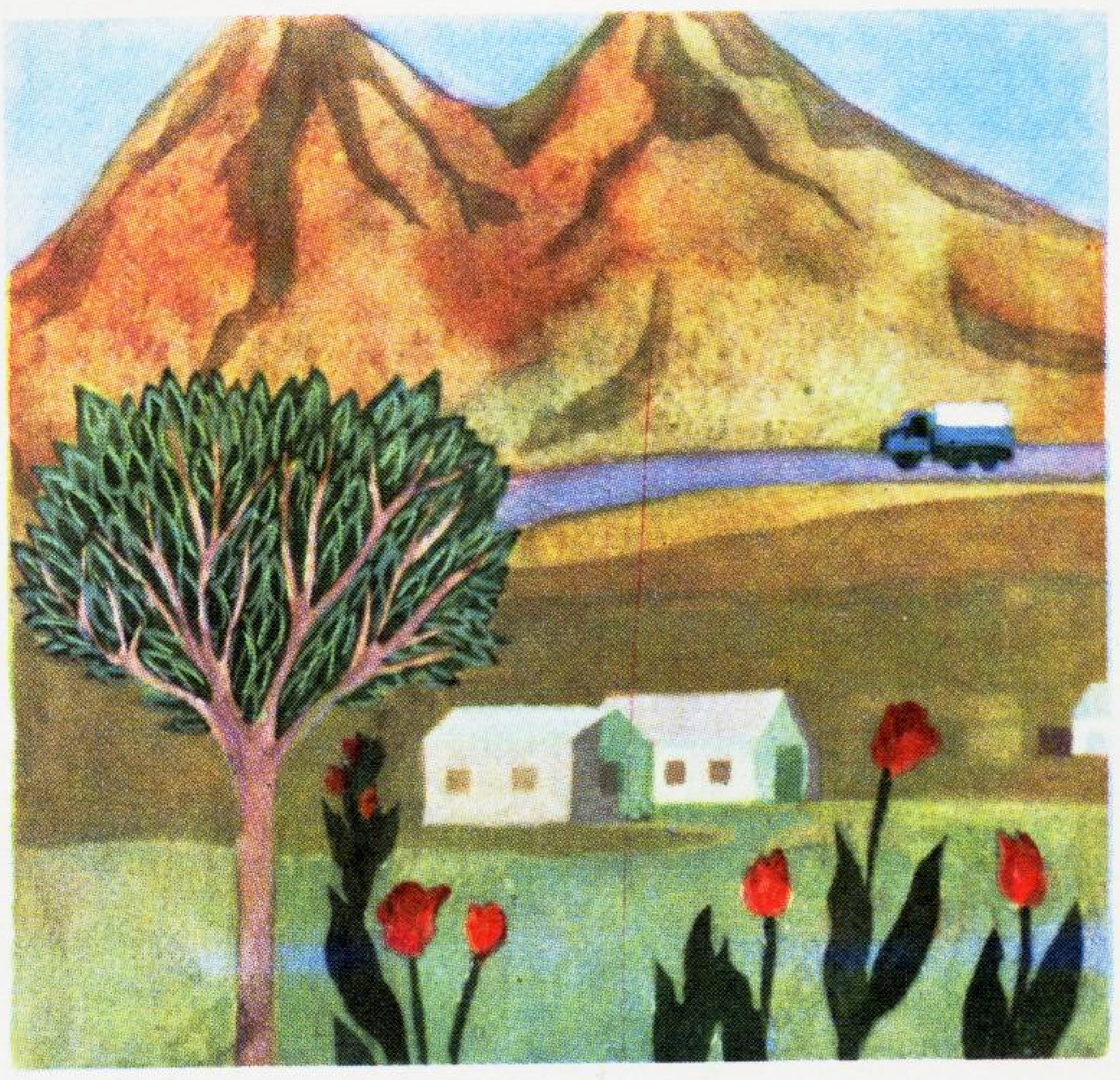
Не так уж далеко от школьной плантации до села. Но в горячие дни полевых работ ребята живут на стане: нива торопит, нельзя упустить и часа. И нравится им здесь. Весело, шумно. Все делаешь сам, своими руками. И всегда рядом друзья. Что не получается — помогут, поддержат.

Школьное поле немалое — сто гектаров. Особенно хорошо оно летом, когда появляются кукурузные спелые початки. Сломишь один, обшелушишь зерна и почувствуешь, как тяжелы они.

Ребята стараются. По 29 центнеров с каждого гектара собрали в прошлом году. А нынешней весной наметили собрать по 30 центнеров отборных гибридных семян.

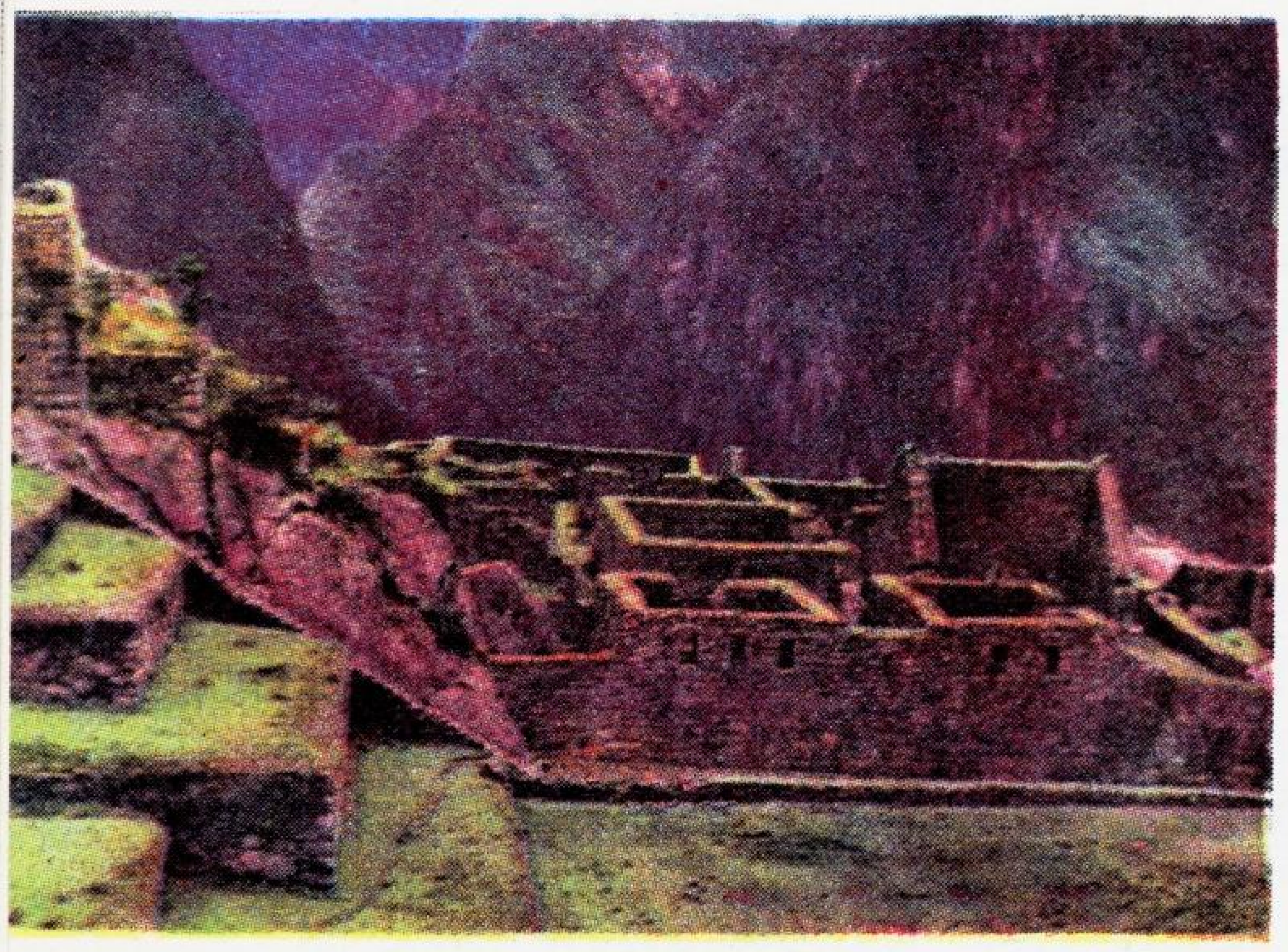
Мне часто приходится встречаться с бывшими воспитанниками бригады. На различных совещаниях, конференциях вижу я Султана Тяжгова. Сейчас он главный инженер колхоза «Красный Кавказ». Леонид Нагоев — бригадир полеводческой бригады. Его однофамилец Хамиал Нагоев — известный всей республике кукурузовод. Недавно мы поздравили его с высокой правительственной наградой — орденом Ленина...

«Нет дерева без корней, и нет реки без истока»,— говорят у нас на Кавказе. Мудрая и справедливая поговорка. Когда я слышу ее, то невольно вспоминаю Баксаненок, полевой стан ученической бригады, ореховые деревья, вытянувшиеся, как на линейке, вдоль кромки поля, и молодую скорую походку Расула Беталовича.



На земле древних инков

А. МЕДВЕДЕНКО



Дети Солнца

В далекой Южной Америке, в глубине Кордильер, лежит самое высокогорное в мире озеро — Титикака. У индейцев о нем сложено немало легенд. Одна из них рассказывает, что когда-то очень давно из озера вышли брат и сестра Манко Капак и Мама Окльо, дети могущественного бога Солнца. Манко Капак бережно нес в руках золотой жезл, который дал ему отец. Солнце повелело своим детям отправиться в далекое путешествие по горам и там, где жезл войдет в каменистую землю, основать город и государство.

Прошло много времени, прежде чем брат и сестра, преодолевая одну цепь вершин за другой, вышли на плоскогорье. Они уже почти потеряли надежду исполнить наказ бога Солнца. Но вот Манко Капак снова ударил золотым жезлом о скалу, и тот легко вошел в вершину холма. Здесь брат и сестра основали город Куско.

Легенда рассказывает, что от Манко Капака и началась династия вождей, пять веков правившая новым государством. Государство это со временем превратилось в могучую империю. Чтобы представить себе ее размеры, откройте карту Южной Америки. Объедините мысленно нынешние Перу, Эквадор, Боливию, половину Чили, часть Аргентины, треть Колумбии — и перед вами во всем величии предстанет древняя империя инков. Почему инков?

Слово «инка» сперва относилось к одному человеку — вождю или императору, который считался прямым потомком бога Солнца. Манко Капак как раз и был первым инкой. Позже стали так называть знатных людей, а потом и всех, кто жил в этой стране.

Сохранившиеся до наших дней древние дороги, крепости и храмы, археологические находки говорят о высокой цивилизации инков. До сих пор остается загадкой, как без цемента и механизмов сооружали они из многотонных каменных плит грандиозные строения, прокладывали на заоблачных кручах тысячи километров дорог, создавали водопроводы и мосты. Инки были превосходными врачами, математиками, земледельцами. На склонах гор и сегодня мы видим метровые ступени искусственных террас. Здесь на орошаемой почве, привезенной из долин и тщательно удобренной, инки выращивали обильные урожаи неизвестных европейцам картофеля и кукурузы. Изделия инкских ювелиров, ткачей, гончаров не имели себе равных в мире.

Нашествие конкистадоров

Но вот о сказочных богатствах инкской империи прослышали испанские завоеватели — конкистадоры. В 1533 году они высадились на тихоокеанском побережье Южной Америки и, действуя огнем и мечом, обманом и коварством, поработили мирных, трудолюбивых инков.

Около трех веков испанцы грабили страну, вывозя в Европу несметные сокровища, главным образом золото и серебро. О том, какие это были богатства, повествует нам печальная история одного из последних инкских вождей — Атуальпы. Испанцы захватили его в плен. Увидев, с какой жадностью набрасываются чужеземцы на золото и серебро, великий инка предложил за себя выкуп. «Если ты освободишь меня,— сказал он предводителю конкистадоров Франсиско Писарро,— то я велю наполнить эту комнату золотом, а ту — серебром». Комнаты, на которые указал Атуальпа, имели около семи метров в

Цветные фотографии И. ВЕЧНОЙ.

Вилкапампа — древний город инков, их последнее убежище. Сколько ни пытались конкистадоры и хитростью и силой проникнуть в эту горную крепость — они сюда пути не нашли. Открыл Вилкапампу и назвал ее по имени горы — Мачу Пикчу американский ученый Хайрам Бингхем. В 1911 году он с помощью четырнадцатилетнего индейского мальчика разыскал этот город среди густых тропических зарослей в глубоком каньоне Урубамбы.

длину, пять с половиной в ширину и три в высоту. Выкуп был собран очень быстро. Однако и это не спасло жизнь Атуальпы.

Новые колонизаторы

Начало XIX века было в Латинской Америке эпохой революций и освободительных войн. Поднялась против испанских колонизаторов и Перу, родина древних инков.

На одной из колонн кафедрального собора на площади Оружия в Лиме я увидел потемневшую от времени мемориальную доску. На ней были выбиты слова: «На этой самой большой площади Лимы 28 июля 1821 года генералиссимус Хосе де Сан Мартин провозгласил независимость Перу по общей воле народов и по справедливости ее дела».

Но, увы, Перу не стала свободной, сбросив иго испанского короля. На смену алчным конкистадорам пришли еще более алчные монополисты Соединенных Штатов. Они прибрали к своим рукам добычу медной и железной руды, месторождения нефти. Им принадлежали теперь плантации сахарного тростника и рыбные промыслы.

И снова из Перу потекло золото — прибыли монополий, но уже не в казну испанского короля, а в сейфы американских компаний.

Национальный герб и карта республики Перу.

«Где взять их?»

Я вспоминаю свое первое посещение Перу в конце 1968 года. С группой журналистов мы приехали в небольшую деревню неподалеку от города Пьюра на севере страны. Машина остановилась у полуразвалившейся хижины, сооруженной из ржавой жести и фанеры. Пожилой индеец с темным лицом, изрезанным глубокими морщинами, пригласил нас войти. Тусклый свет мерцающей коптилки едва освещал комнату. Вдоль стены тянулись нары. В углу стояли грубо сколоченный стол и несколько табуреток.

У хозяина дома было шесть ребятишек — от двух до одиннадцати лет. Но своей земли у него не было, он батрачил на помещика. В день зарабатывал около тридцати солей — меньше рубля. Не только хозяин с женой, даже их дети по многу месяцев не видели мяса и молока. «Где нам взять их? — сказал крестьянин.—

Еще до начала нашей эры люди заботливо ухаживали за этой землей: орошали водой из каналов, удобряли птичьим пометом, привезенным на тростниковых лодках с океанских островов. И сегодня в прибрежной пустыне Косты древние ирригационные сооружения служат земледельцам. Обильные урожаи хлопка, бананов, ананасов, сладких, как сахар, арбузов и дынь дает земля, отвоеванная человеком у пустыни. Посмотрите, какой вырос сахарный тростник! Пять лет назад доходы от этой плантации получала североамериканская компания «Юнайтед фрут». Сейчас здесь сельский кооператив, один из самых крупных в стране. И земля, и все урожаи, и орудия труда стали коллективной собственностью крестьян.

Священная долина инков — долина Урубамбы, истока Амазонки. На этих плодородных землях инки возделывали поля и сады, здесь пасли на лугах стада лам. По долине Урубамбы отступали они от преследований испанских конкистадоров, уходя по течению реки в глубину Кордильер.

Порт Салавери. После богатого улова вернулись домой рыбацкие катера. Отдали якоря и покачиваются на тихой океанской волне. Пронзительно кричат чайки, бакланы, тычут голову в воду громадные неуклюжие пеликаны. Рыбы тут хватает всем: и людям, и птицам, и домашним животным, для которых приготавливают на фабриках питательную рыбную муку.

Мы едим только картошку и кукурузу».

Так жил перуанский народ до недавнего времени.

«Четыре части света»

По величине Республика Перу — четвертая в Латинской Америке (она уступает лишь Бразилии, Аргентине и Мексике). Почти вся Западная Европа могла бы разместиться на ее территории.

Перу относят к одной из «самых индейских» стран: половина ее населения — индейцы племени кечуа и аймара и только тринадцать процентов — креолы, потомки испанских поселенцев.

Древние перуанцы называли свою страну Тиуантинсуйю, что означало «четыре части света». Действительно, Перу состоит из четырех не похожих друг на друга областей.

Коста, или побережье (так называют узкую полосу вдоль Тихого океана), густо населена. В Косте добываются нефть, железная руда, цинк. Здесь мягкий, очень сухой климат, и в долинах, где есть вода, выращивают сахарный тростник, рис, хлопок, бананы. Идущее с юга холодное Перуанское течение (его называют еще течением Гумбольдта) поднимает у берегов на поверхность океана массы планктона, которым питается рыба — одно из главных богатств страны.

Горный район Сьерра — это мощные кряжи Кордильер, озеро Титикака, древняя столица инков Куско и знаменитая их крепость Мачу Пичку. Недра Кордильер богаты медью, золотом, свинцом, серебром, висмутом, ванадием. Поэтому в Сьерре расположены главные горнодобывающие предприятия.

Третья «часть света» — сельва — расположена в бассейне могучей Амазонки, берущей свое начало в Перу. Это густые тропические труднопроходимые леса.

И, наконец, четвертая «часть света» — район перуанской столицы Лимы, основанной четыре столетия назад конкистадором Франсиско Писарро. На окраинах этого огромного города с трехмиллионным населением сосредоточена большая часть промышленных предприятий республики. Это металлургические заводы, химические комбинаты, текстильные, швейные и пищевые фабрики.

Лима — культурный и деловой центр страны. Здесь самый старый в Латинской Америке университет Сан-Марко, театры, музеи. В Лиме выходит несколько десятков газет и журналов. И редкая газета или журнал не торопится сообщить своим читателям об удивительных переменах, которые происходят в Перу сегодня...

На рыбном рынке в городе Трухильо. Солнце едва взошло, а маленький Хозе уже здесь. Время от времени его зовут перекладывать рыбу в корзины. Заработок невелик, но пока без него не обойдешься: в семье, кроме Хозе, подрастает еще десять ребятишек, и каждый, как может, помогает родителям.

Конец «Петролеум компани»

Какие же это перемены?

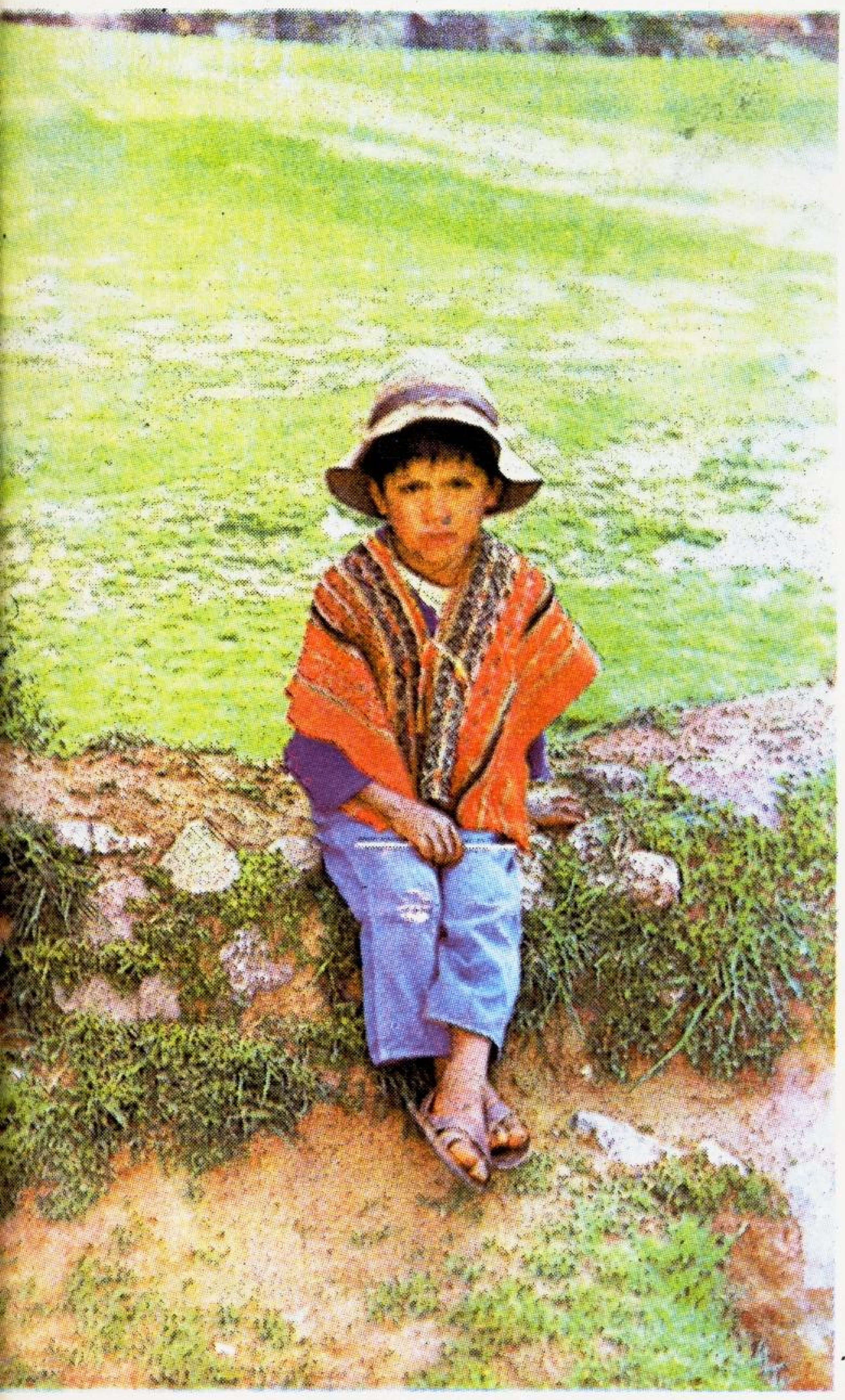
В ночь со 2 на 3 октября 1968 года в стране произошел государственный переворот. У власти встало правительство, возглавляемое генералом Веласко Альварадо. А спустя шесть дней, 9 октября, несколько тысяч солдат с оружием в руках вступили в небольшой городок Талара, где находилась штаб-квартира могущественной североамериканской нефтяной компании «Интернэшнл петролеум компани». «Положен конец несправедливости», — сказал тогда в своем обращении к народу президент Веласко Альварадо.

В тот день правительство национализировало нефтяные промыслы. Были взяты под контроль государства нефтеперегонные заводы и порты. Правительство потребовало, чтобы «Интернэшнл петролеум компани» уплатила Перу долг в шестьсот девяносто миллионов долларов.

В декабре того же года я побывал в городе Талара, ставшем к тому времени символом свободной Перу. Уже не было здесь сверкающих неоновых букв «ЭССО» — эмблемы «Петролеум компани». Вместо них на голубых табличках было написано «Петроперу» — название государственной компании по добыче и переработке нефти, а вместо звездно-полосатого флага над административным зданием развевался красно-белый перуанский национальный флаг.

Этот юный перуанец живет на окраине Куско — древней столицы инков. На нем индейский мужской костюм: шляпа, сандалии и тканое пончо. Женщины и девочки Куско носят нарядные широкие юбки и белые шляпы с очень высокой тульей. На спине — широкая шаль, в которую женщины завязывают грудных малышей.

Пятьдесят лет «Интернэшнл петролеум компани» выкачивала из перуанской земли черное золото — нефть. В нью-йоркские сейфы текли миллионные прибыли, а дети, родившиеся на этой земле, умирали от голода. 9 октября 1968 года солдаты и танки генерала Веласко Альварадо сказали нефтяным королям свое веское «нет», и день этот стал в перуанском календаре Днем национального достоинства. На снимке вы видите солдат вооруженных сил Перу в порту Таларе — бывшей резиденции «Петролеум компани».



Попугай лезет вверх по дереву

На пресс-конференции в президентском дворце Веласко Альварадо спросили, с чем бы он мог сравнить движение страны по избранному ею пути. Ответ президента был несколько неожиданным: «С карабканьем попугая вверх по дереву». Заметив недоумение журналистов, Альварадо объяснил: «Видели ли вы, как передвигается попугай? Прежде чем сделать очередной шаг, он зацепился одной лапкой за ветку, да так крепко, что уже никакая сила не может его от нее оторвать».

Так же и Перу. Свергнув власть американских нефтяных королей, страна сделала следующий шаг. Этим шагом была аграрная реформа. До октября 1968 года три четверти всей земли в стране принадлежало помещикам. А помещиков в Перу немного. Только четыре сотых процента всего сельского населения. Представляете, какие крохотные наделы были у крестьян и как много их было вовсе без земли! Вот почему о Перу говорили, что «это страна, где земля без людей, а люди без земли».

И вот большую часть всех обрабатываемых земель правительство передало в руки крестьян. Потом сделало еще шаг: взяло под контроль все важные отрасли промышленности, почти все частные банки, внешнюю торговлю.

Так спустя четыре с половиной столетия перуанский народ обрел свою национальную свободу и независимость. Уверенно он идет вперед, уверенно строит будущее. Потомки великих инков — детей Солнца — снова стали хозяевами своей судьбы.

Лима—Москва.

Хорошую рекламу придумали перуанцы: само Солнце лакомится мороженым! Это самая главная и самая красивая площадь столицы республики Лимы. Называется она площадью Оружия. В конце ее вы видите президентский дворец.

Есть во Франции очень известная школа Френе. Многие ученики этой школы любят сочинять стихи. Это ребята разного возраста. Старшему из них уже четырнадцать лет, а младшему нет еще и пяти. Какие они, эти дети? Вот Клод Беллоди. В кармане у него всегда простой карандаш, ластик, а под рубашкой свернутая тетрадка, где он записывает, перечеркивает и снова пишет свои стихи. А младший, Кики, который еще не умеет писать, сочиняет свои стихи неожиданно и сразу до конца.

На этих страницах вы прочтете стихи учеников школы Френе.

Ласточки

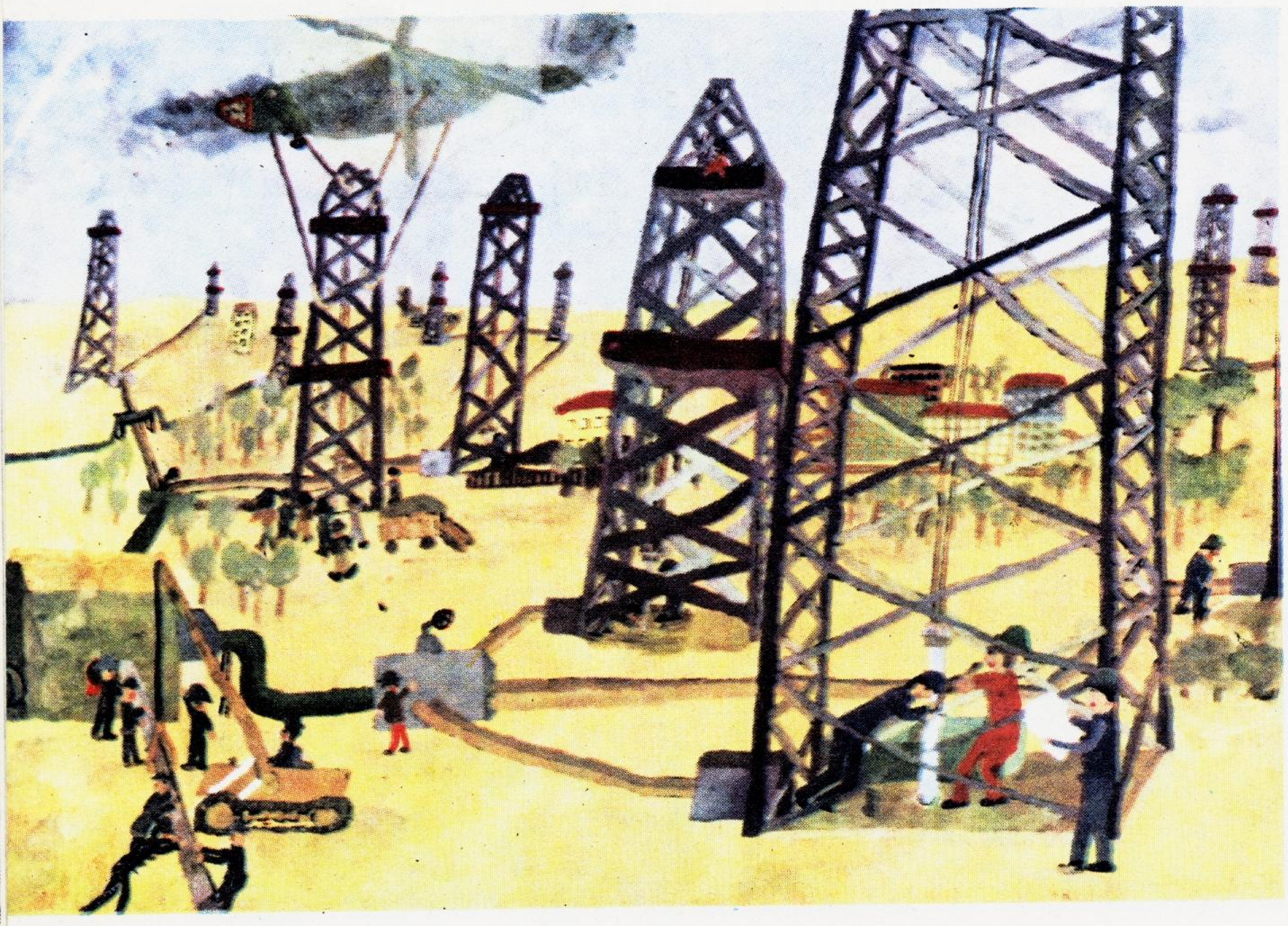
Я видел ласточек весной.
Они кружились надо мной.
Казалось, черно-голубой
Был цвет небес над головой.
Я улыбнулся.

Я видел ласточек в селе.
Как будто чуть навеселе,
Они, задевши кровлю дома
И запах унося соломы,
Неслись в простор полей.
Запел я песню.

Я видел ласточек прилет,
Их легкий, радостный полет.
Навстречу солнечным лучам
Они стремились, щебеча.
Я размечтался.

Аллен **БРОКА**, 12 лет.

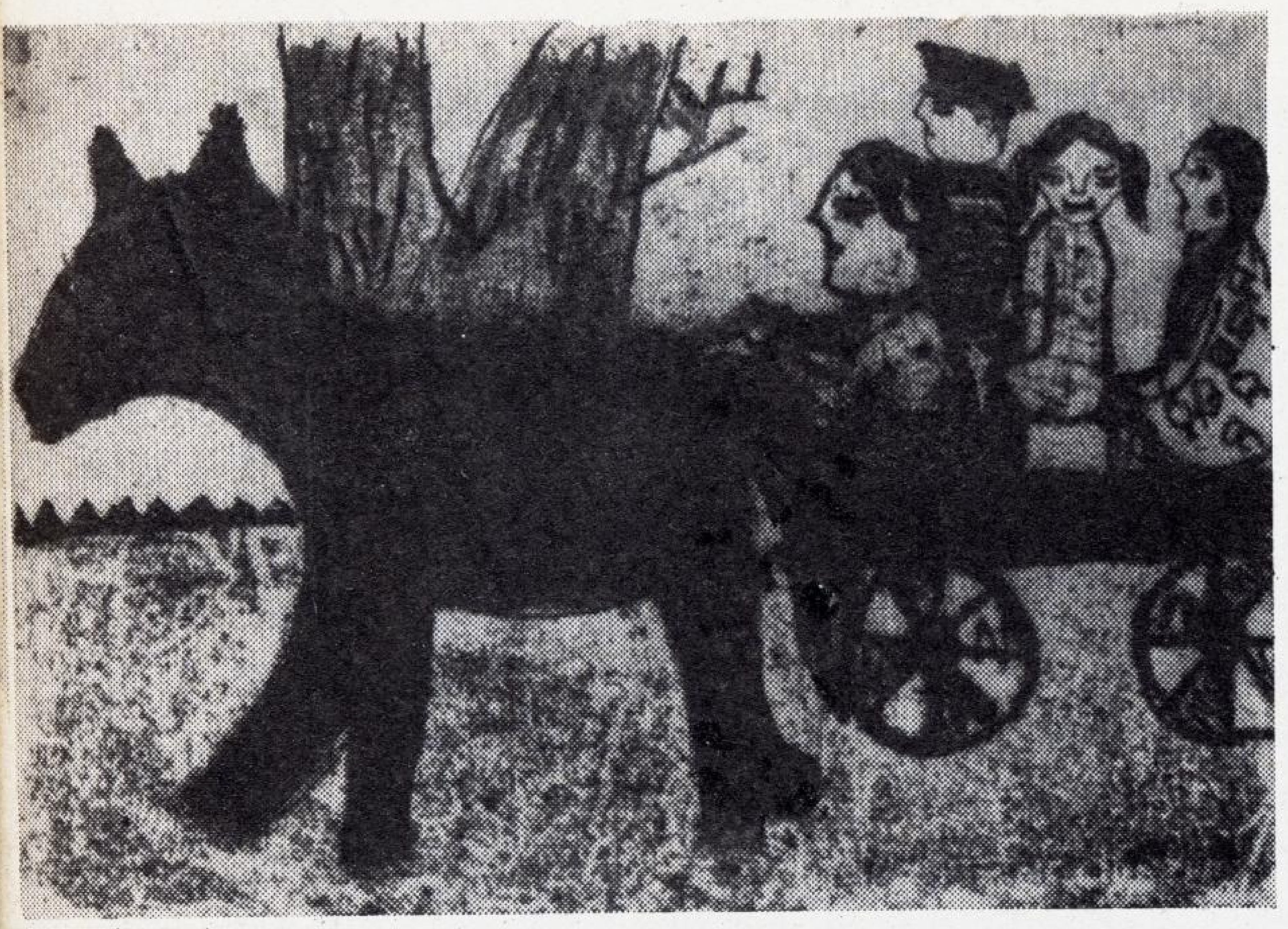
Маленькие сабо



Сабо вощеные мои!
От мастера ушли они
Одни, одни.
Сабо, покрытые резьбой,
Ушли стучать по
мостовой.
Сабо, сабо.
Сабо из золотистой чурки
Пошли плясать по переулкам.
Плясать, плясать.
Но наступило рождество.
В камин запрятались сабо.
В камин, в камин.
А в них игрушки и драже.
Им не потанцевать уже.
Драже, драже.

Пьер **БУКЕРЕЛЬ**, 14 лет.

По народному обычаю на рождество дети ставят свои деревянные башмаки «сабо» в камин, чтобы проходящий ночью мимо их дома Сен Никола́, французский Дед Мороз, бросил им через каминную трубу в сабо подарки.



Рисунки для этого выпуска «Кораблика» прибыли к нам из ГДР, с международного конкурса детских рисунков. «Вдоль нефтепровода» (об этом конкурсе ты можешь прочесть на стр. 34). Нефтяные вышки нарисовала Карола КИНБЕРГ. Она живет в немецком городе Шведте. Два других рисунка прислали на конкурс советские ребята: тележку с веселыми ребятами нарисовала Ира ЦЫГАНОВА, драчливых петухов — Света АНДРЕЕВА.

ПАРИЖ

Париж.
Полицейские в белых перчатках.
Повсюду следят они за порядком.

Париж.
Кричат продавцы каштанов.
Богатых и праздных ждут
рестораны.

Париж.
Взявшись за руки по-ребячьи,
Мальчишки идут,
Как актеры бродячие.

Париж.
Те, у кого
Ничего нету,
Идут подальше
От шума и света.

Париж.
Идут бедняки,
Как идут олени,
Подальше
От сытости и от лени.

Париж.
Темпы одни
И ритмы одни
Для всех и повсюду
Целые дни.

Армель ИССАРТЕЛЬ, 11 лет.

ПАРТИЗАНЫ

Они возвращались
Ночью вдвоем.
Спокойно, как два брата.

Ночью
Прошли они под мостом.
Спокойно, как два брата.

Взорван мост.
В тишине ночной
Раздались глухие раскаты.

Первый рухнул,
Упал второй.
Спокойно, как два брата.

Мальчик, 11 лет.

Всегда

Я всегда ходил по одной и той же дороге.
Я всегда встречал
Эту старую вишню, ломящуюся от ягод.
Я всегда смотрел на эту копну,
Золотящуюся на солнце.
Я всегда наклонялся
Над этим прудом, где живут лягушки
И водоросли сверкают миллионом цветов.
Я всегда любил
Эту кошку и эту собаку,
Спящих около двери.
Я всегда узнавал
Этот добрый дом
Под старой крышей, со старым балконом.

Клод БЕЛЛОДИ, 14 лет.

* * *

Маленькая рыбка
С золотым хвостом
Плавает по речке
С золотым песком.
Рыбкина мама
Тоже там живет,
Вышила крестами
Она ей живот.
Крестики и точки
Все из серебра,
Чтобы рыбка-дочка
Лучше всех была.
В речке струи
Прозрачны, чисты.
Видно, как рыбка
Нюхает цветы.
Плоские камешки
Видно на дне.
Водоросли видно
В самой глубине.
В речке струи
Прозрачны, чисты.
«Рыбка, со мною
Поиграешь ты?» —
Крикнул мальчик
В черных сапогах.
Быстро разбежался,
Прямо в речку —
бах!
В речке водичка
Больше не светла.
Ничего не видно,
Рыбка уплыла.

Кики, 4 года.

Перевела с французского Елена ГУЛЫГА.

Вот и кончается наш дневник. Да, вот он и кончается. Сидим вдвоем, дописываем последние строчки. А утро раннее-раннее, и весь отряд еще спит.

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

Слышать голос трубы!

7 мая, понедельник. Пишет Валентин.

Наш «Пионерский пост помощи» в овощном магазине продолжает действовать. И до меня все больше и больше доходит, какую мы ценную штуку придумали! Когда это начиналось (я тогда болел, но думал про вас и все знал по письмам), я был не очень-то «за».

Но вышло очень все отлично. Хорошо, что наши меня не послушались! Честно признаю, Антон, что был неправ. Потому что, когда несешь человеку сумку, то как-то сам собой получается разговор. Ты про себя, а эта женщина, чью ты сумку несешь, про себя. Между прочим, так Сережка Давыдов узнал про завод телефонный: что они в игрушечном цеху

не успевают с планом. И у нас образовалась бригада. Так Лена Голубева узнала про двойняшек из Кондрашовского тупика, и забил тревогу сам родительский комитет школы — большое дело! А сегодня я узнал про слепого летчика. Вернее, Оля Степанян и я.

Вот как все было. Помнишь ту женщину, которая купила восемь килограммов картошки? Выпало идти с ней Ольге и мне. И мы пошли, сказали, что с пионерского поста, отдали салют — в общем, все как положено. Но тут началось странное. Она сказала:

— Хорошо, пойдемте.

А сумку почему-то не отдает! Потом-то мы у нее сумку взяли. Но мне странно было: сумку не отдает, а нам почему-то сказала: «Пойдемте».

Шли мы долго. Степка уже начала изнывать под этой картошкой. Да и я, честно говоря, и я тоже. Но мы все-таки шли. И сколько нам наша спутница ни говорила, чтоб сумку ей отдать, мы только вежливо улыбались. Она, между прочим, работает на телефонном и не раз видела там нашу бригаду. Вот так-то! Мы в ту минуту с Олей многозначительно переглянулись!

Наконец мы пришли. Это знаешь, где? Это за линией. Примерно где Толян живет, но только еще вбок. И вот мы идем по такой травянистой улице, кругом заборчики вроде деревенских. Один синенький, другой зелененький — всякий хозяин старается по-своему. Но стоит один забор — такой весь серый, некрашеный. Зубцы кой-где повыбиты. А столбы, как видно, подгнили — пошатнулись в разные стороны. Людмила Александровна (эта женщина) говорит:

— Вот и пришли.

Толкаем калитку скрипучую, она висит на одной петле. Идем к дому. А дом такой тихий-тихий, как в сказке о мертвой царевне. И вдруг на терраску выходит человек, говорит:

— Здравствуйте, Люся, это вы, да?

Он слепой, Антон! Это сразу понятно, когда человек слепой. Лицо у них такое всегда слишком спокойное. Вернее сказать, слишком неподвижное...

В общем-целом, мы познакомились и остались с ним поговорить. Разве можно было нам уйти? Он даже сам попросил:

— Поговорите со мной, ребятки!

С хозяйством у него неплохо. Ему Людмила Александровна помогает и ее муж. Денег у него — военная пенсия. Короче, с этим все вроде б в порядке. Но у него другое, Антош! Первое: что ему потолковать не с кем (Людмила и ее муж не очень, видно, разговорчивые да и к тому же у них пара малышни). Второе: он хочет делать что-нибудь. Понимаешь, хоть маленькую пользу! Вот наши две заботы! И это самое главное тимурство. Потому что помочь человеку — это же не только пол мыть или там сумки таскать, верно?

А потом была еще вот какая вещь. Такая какая-то... в общем, резануло меня по душе. Мы ему там всякое рассказывали: про отряд, про школу. А он, знаешь, все как-то больше Ольку слушает, все ее переспрашивает. Я даже малость подобиделся: он летчик, вроде бы мы — мужчина с мужчиной. А тут... Степка! Вдруг он спрашивает:

— Тебя, значит, как зовут-то?

— Степанян Оля.

Олька так стоит перед ним: мол, что он еще скажет? А он ее за руку держит.

— Эх,— говорит,— взглянуть бы мне на тебя один раз!

Олька растерялась. Не знает, что ответить. А что тут ответишь?! Он говорит:

— Очень у тебя голос похож!.. Ты такую Веру Николаевну Ионову не знаешь?

— Н-нет...

— И ничего тебе это имя не говорит?

Ольга лишь головой покачала. Но он догадался.

И все-таки говорит:

— Нет, не могу я ошибаться! Мой слух не обманешь. Ну спой мне что-нибудь... Погоди!

Пошел в дом, да так быстро. Волнуется! Вынес аккордеон. Говорит:

— Ну пой! — и заиграл «Подмосковные вечера».

А Степка же знаешь, как поет! Ей не то что медведь, ей целый мамонт на ухо наступил! И летчик очень скоро играть перестал, и такая, знаешь, на лице у него грусть.

А Олька, бедная, стоит, а слезы катятся, катятся, катятся. Но ни звука!

Потом мы почти сразу ушли. Я впереди тихонько иду, чтоб ее не смущать, не глядеть, как она плачет. И вдруг, Антон, она мне как в спину уткнется, как заревет.

— Ой, Валечка! Хоть бы мне провалиться на том месте! Хоть бы Неля вместо меня была!

Меня тут как током дернуло: я то же самое про Нельку сейчас подумал... Надо ж ей было простужаться!

А Степку мне, честно, очень жалко. Она всегда для других старается. А самой ей везет очень редко!

14 мая, понедельник. Пишет Антон.

Я заметил одну странную вещь, Валь. Я сегодня пришел домой после завода, просмотрел дневник — у нас почти ни строчки про завод! Почему так вышло, я не знаю. Мне кажется, обязательно надо написать. Пусть в дневнике будет, это важно! Недели три назад Серега Давыдов узнал, что на телефонном заводе, в игрушечном цеху не успевают с планом. Помню, мы тогда долго удивлялись, что и по игрушкам у нас в стране есть свой план,

своя пятилетка! Но как помочь, мы не знали. Тогда за дело взялся Саша Большой. И нашлась работа шестому «б»! Нам разрешили встать на упаковку. Два аппарата кладешь в коробку, посредине картонная стенка, сверху инструкция и катушка провода. Клеем по краю мазнул, коробку захлопнул — вот и вся премудрость. Ты помнишь, Валька, мы тогда, вначале, не очень-то радовались. Алинка Набутова говорит: «Неромантично!» А мы, помнишь, тогда промолчали, потому что всем отрядом думали примерно то же. Только Мишка рубанул: «Сами взялись, значит, должны делать. А иначе не по-пионерски!»

Я не знаю, когда мы поняли, что завод — наше сейчас самое важное дело. Кто раньше, кто позже. Но все до одного мы поняли это, когда пришел Иван Евсеич, сменный мастер, и крикнул нам: «Уложились точно в график! Спасибо, ребята!» Вот он, значит, год третий, решающий! Раньше мы про него только в «Пионерке» читали, а теперь и сами, сами в нем участвуем. А потом Ежик подслушал разговор. И разговор этот облетел весь отряд! Евсеич, наш сменный, на летучке так сказал: «Здесь у нас Шашмуриной бригада, здесь Орлов с ребятами, здесь шестой «б»...»

Ого-го! Эге-ге! Это вам не шуточки! Дело серьезное! Значит, и мы рабочая бригада!

А потом вот что случилось. Завод у нас много времени съедал. Другие маршруты затормозились. Мишка кричит: «Свистать всех наверх! Расширенный совет дела!» Сидим — грызем ручки и карандаши. Ангелина Андреевна говорит: «Ну что? Будем правде в глаза глядеть или будем переругиваться и бояться?»

— Будем правде смотреть! — говорит Саша Маленькая. А Лена Голубева так твердо головой кивнула, ты заметил?

— Будем говорить! Дело велико для одного отряда! Надо идти на совет дружины.

Все молчат. Права Сашка, но такую находку отдать! Кровное, нами добытое! Не знаю, сколько мы так молчали, сколько сами с собой боролись. Наконец, Касьянов Мишка встает:

— Кто за Сашино Андреевой предложение, прошу поднять руки.

Проголосовали. А что сделаешь? Здесь заводу, целой пятилетке надо помогать, а не за свое первое место трястись.

Но странно вышло! Когда за дело взялась и дружина, все равно наша слава не пропала. Например, хотя бы такой случай. В проходной стоит дед — «отставной усач» мы его зовем. Он на завод в жизни никого без пропуска не пустит. А к нам привык.

Скажешь: «Я из шестого «б». Он и пропустит. И когда ребята из других классов на завод шли, они тоже говорили: шестой «б». Чтоб не было лишней возни. Слова «шестой «б» как будто стали военным паролем! А Инка Плаксина, председатель шестого «а»,— ей-то обидно! Я, говорит, из шестого «а». Усач ей: «Таких не знаем!» А Толян сзади шел и смеется: «Она, дед, шутит! Она тоже шестой «б». Просто пошутила». Усач головой покачал: «Вот тебя, паренек, я знаю. А за эту ты ручаешься?» Толян говорит: «Ладно уж, ручаюсь...» Инка краснеет, бледнеет. А что поделаешь, сама виновата, не гордись!

А сегодня, мне кажется, Валька, произошло очень важное. Сегодня мы как раз работали, настоящий шестой «б». И вдруг идет начальник цеха. Где, спрашивает, тут наши ребята. А мы говорим: «Вот они мы!» Окружили его. Конвейер остановился. И тут начальник цеха сказал очень хорошие и удивительные слова:

— Шестой «б»! Ты был простой класс. А теперь ты стал рабочий класс. Спасибо тебе! — Тут он поднял высоко над головой вымпел.

— Это очень дорогая для нас вещь! Мы решили передать вымпел вам на хранение. Не подкачайте, шестой «б»! А мы тоже постараемся работать так, чтобы никто никогда не мог отнять у шестого «б» этот наш вымпел.

Видишь, как теперь вышло, Валь. Они отвечают за нас, а мы за них! И правильно совет отряда решил: пусть наш вымпел правофлангового отряда висит у них в цеху.

19 мая, суббота. Пишет Валентин.

С добрым утром, Антонище! С праздником! С праздником, шестой «б», с праздником, дружина, с праздником, пионеры всего земного шара!

Сегодня, после уроков, после торжественной линейки, выступаем отрядом в лес, с ночевкой. Будет торжественный сбор у костра. Подумаем, повспомним, что за год сделано, что предстоит впереди. С нами идут Саша Большой и Ангелина Андреевна. Хорошо будет!.. Рюкзак у меня уже собран. Вот только дневник сейчас положу — и готово.

20 мая, воскресенье. Пишем вместе.

Сейчас ранняя рань. В лесу тихо. Костер наш погас. Только под слоем пепла ждут своей минуты горячие угли. Ребята еще спят.

Мы проснулись, взяли дневник, сидим сейчас, привалившись к толстому еловому стволу.

В пятницу, 18 мая, решался вопрос о трудовом лагере. В дружине есть палатки на семьдесят мест. И в колхозе «Путь Ильича» (мы туда ездили осенью с агитбригадой) сказали, что больше семидесяти ребят им не принять. Короче, семьдесят — и точка! А в дружине пятьсот пионеров. Вот и кумекай. Нина сказала: «На шестой «б» пятнадцать путевок». Мишка пошел сражаться, потому что мы все почти хотели ехать. Все вместе! Мишка гремел на совете дружины. Но ему спокойненько сказали: «Выходит, отрядные интересы выше дружинных ставишь?» И Мишка сразу замолчал. Это он нам все рассказал на сборе. А мы тоже сидели и молчали. Что тут сказать? По дружине в среднем каждый седьмой едет, а у нас чуть не каждый второй!.. Касьян вздохнул: «Делать нечего! Всего пятнадцать мест, нас тридцать шесть» (Ельчина, Бутина и Женька Каблук сразу сказали, что не могут). Сперва кто-то крикнул: «Пусть по жребию!» Но после решили, что нет, по жребию не честно будет. Нужно выбирать, нужно правде в глаза смотреть, все решать открытым голосованием. Первым предложили Касьянова Мишку, единогласно! Второй — Сашу Маленькую, единогласно! Третьей — Лену Голубеву. Она медленно встала: «Я поехать не смогу,— села, но вдруг опять поднялась,— я Толю Ступина предлагаю!» В классе как будто бомба беззвучная разорвалась. Толян смотрел в окно, закусив губу. Ангелина Андреевна в этой мертвой тишине: «Кто за Толю?.. Прошу голосовать». И мы выбрали Толяна! Кое-кто сомневался. Но в целом отряд был «за»!

И так мы выбирали и перебирали каждую кандидатуру. Два часа шел сбор. Мы (Антон и Валентин) невольно вспомнили осенние выборы прошлого года, когда класс наш голосовал, чтоб почудней да посмешней вышло.

Вот список ребят, которые поедут в трудлагерь: Касьянов Михаил, Андреева Саша, Огаров Петр, Лабухова Неля, Степанян Ольга, Щагин Иван, Набутова Алина, Ступин Анатолий, Квартальнова Марина, Ежов Валерий, Доронина Алла, Жарковский Феликс, Тухватулин Марат, Багров Антон, Осокин Валентин.

На следующий день был праздник. После радиолинейки, и после торжественной линейки школьной, и вообще после всего хорошего, что было в этот день в школе, мы помчались по домам, пообедали как следует и в три ровно сбежались к штабу. Такая погода была в мире — теплынь, солнце, земля теплая!.. Мы шагали строем и пели (недаром по «Зарнице» чемпионы!):

«Взвейтесь кострами,
Синие ночи,
Мы пионеры —
дети рабочих...»

Впереди было одно только хорошее: нестрашный кусочек учебного года и потом — лето, лагерь! Мы шагали, а люди останавливались, улыбались и глядели нам вслед.

«Близится эра
светлых годов.
Клич пионера:
— Всегда будь готов!»

Так мы прошагали почти что весь город и пришли к Сергею Ивановичу, к слепому летчику. Кажется, не так времени много прошло, пока мы знакомы. А вот подружились! Дядя Сережа играет и поет замечательно. И мы к нему нет-нет да и забежим. Он всегда спрашивает: «Это кто там? Мои пришли? А Неля пришла?» Он больше всех ее полюбил — она же поет лучше настоящей певицы.

Когда мы еще только подходили к его дому, услышали его аккордеон. Дядя Сережа играл строевую. Но что за песня, мы не знали. Однако строй наш сам собою подтянулся, Саша Большой легко и твердо шагал впереди. И вдруг двое в нашем строю запели:

«Красные листья ярко горят,
Бьет барабан, шагает отряд».

Мы, конечно, узнали слова — это было Мишкино стихотворение «Барабанщик».

«А барабанщик идет впереди.
Красный галстук горит на груди!» —

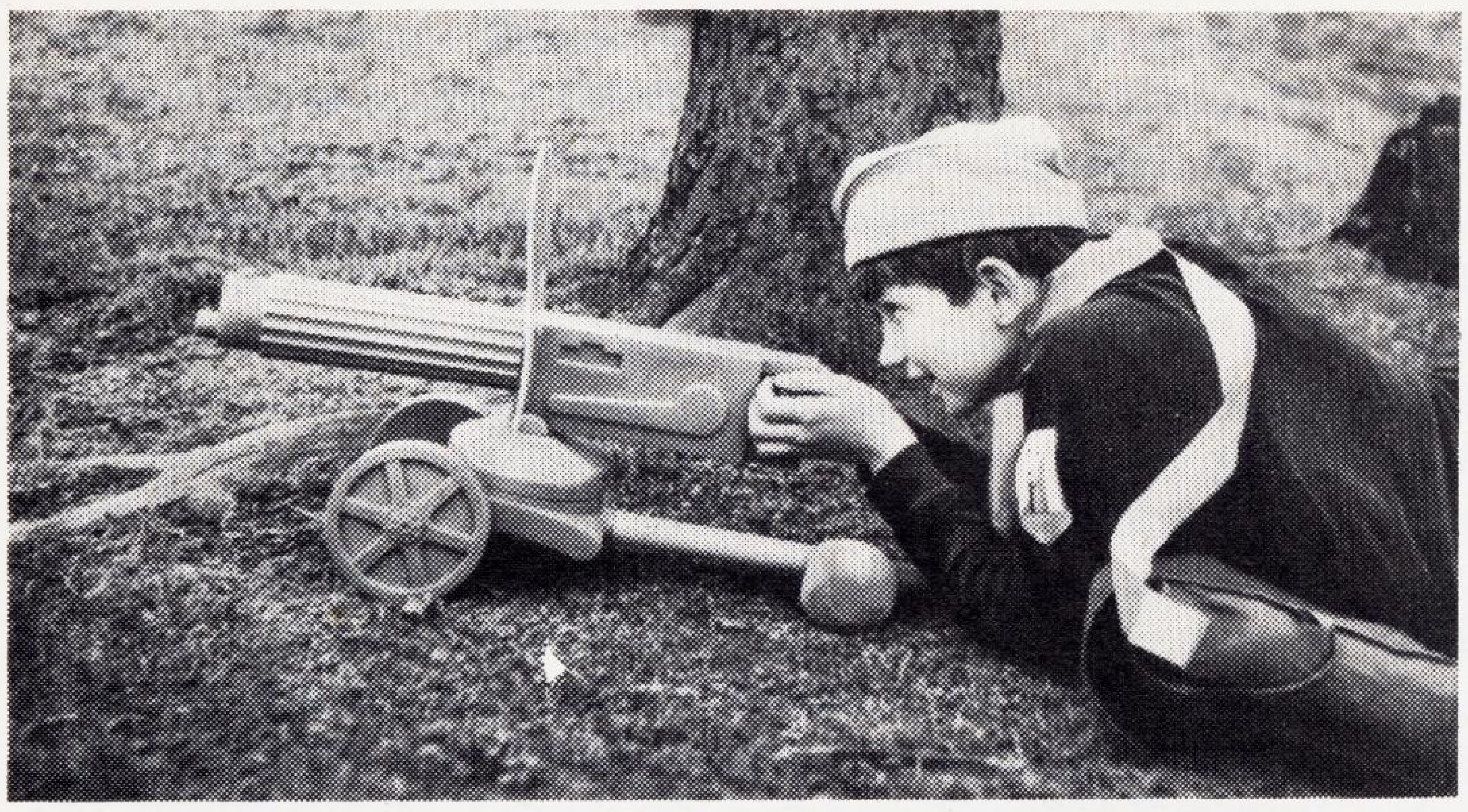
пели Лабухова и Касьянов. А дядя Сережа звонко и весело играл на аккордеоне. Мишкины слова, а музыка Нельки и дяди Сережи. Теперь у нас есть собственная отрядная песня!

Мы забрали дядю Сережу, Ангелину Андреевну, которая тоже поджидала нас здесь, погрузились в автобус. И уже через каких-нибудь полтора часа заколачивали колышки палаток, собирали дрова для чая и каши, Ежик приглядывал поляну для футбола.

Потом наступил вечер. Костер загорелся. Мы начали свой сбор. Он был немного грустным. Потому что знали: скоро нам расставаться. Но был он, этот наш сбор, и очень хорошим. Потому что сейчас мы были все вместе.

Потом костер стал гореть немного потише. Сквозь огонь, словно сквозь красную чистую воду, начали проступать раскаленные угли. Дядя Сережа играл, а мы пели: Саши Большого песни — лагерные и дяди Сережины песни — военные и свою собственную:

«Трам-та-та-там! И смолк барабан,
Медную песню допела труба.
Старые воины вслед нам глядят:
— Видишь, вдали шагает отряд,
А барабанщик идет впереди,
Красный галстук горит на груди».



Г. ДЕСНИЦКИЙ,
главный консультант игры «Зарница», генерал-майор артиллерии в отставке

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

И СВЕРКНУЛА «ЗАРНИЦА»!

Юнармеец! Ты знаешь, конечно, что в конце июня в «Орленке» состоится Всесоюзный финал игры «Зарница». Я хочу рассказать тебе об этих соревнованиях. Далеко не каждому отряду удалось добиться права участвовать в финале «Зарницы». Но игру по «настоящим», всесоюзным правилам интересно провести, скажем, просто у себя в лагере или осенью в школе.

Прежде всего хочу сказать тебе: не забывай, «Зарница» — игра пионерская. Поэтому в смотре строя и песни мы обязательно учитываем умение отряда маршировать под речевку и песню и то, как справляются со своим делом горнист, барабанщик, флагоносец. Ими должны стать самые ловкие и подтянутые ребята.

«Зарница» — военно-спортивная игра. Каждый юнармеец должен уметь стрелять. Пионеры пятых-шестых классов — из пневматической винтовки (норматив «Юный стрелок»), семиклассники и восьмиклассники — из малокалиберной винтовки (норматив «Меткий стрелок»). В этом году на Всесоюзный финал «Зарницы» приедут седьмые и восьмые классы.

Итак, «Зарница» в пионерском лагере «Орленок». В каждом отряде юнармейцы разных специальностей: разведчики, связисты, стрелки, санитары, пожарные. А с нынешнего года еще и регулировщики движения. Без них в современной армии никак не обойтись! Теперь запомни: каждый юнармеец может участвовать только в одном каком-нибудь соревновании.

Разведчик по своей специальности должен отлично читать топографические знаки, уметь определить расстояние по карте. Это первая часть соревнования, так сказать, теоретическая. Затем разведчику предстоит пройти по заданному азимуту. А маршрут не прост, в нем три поворота, их надо найти. Но вот ты вышел на рубеж наблюдения. Теперь нужно на глаз, но как можно точнее определить расстояние до пяти целей.

От хорошо налаженной связи часто зависит успех всех действий. Поэтому так высоки требования к юному **связисту.** Вот его задание: проложить кабельную линию, подключить телефон, передать донесение по радио, по телефону... Но что такое? Радиопередатчик испорчен, телефонная связь нарушена! Как быть? Спокойно! Есть еще флажки. Будь готов и с их помощью передать донесение. И постарайся быть четким, немногословным. Идет бой — болтать некогда!..

Соревнования **стрелков** будут проходить так. Сначала каждый юнармеец покажет свое умение быстро разобрать и собрать автомат системы Калашникова. Затем по приказу командира юнармейцы развертываются в цепь. Но впереди где-то стрекочет пулемет противника — необходимо залечь. Вот он, вражеский окоп! А у тебя две гранаты. Нужны немалая ловкость и сила, чтобы обе они угодили точно в цель. Если граната срикошетит о стену окопа, попадание не засчитывается. Но вот метание закончено, враг ошеломлен. Отделение поднимается в атаку. Начинай вести огонь из автомата!

Санитар должен быть готов к самым серьезным испытаниям. Он, как и разведчик, должен идти по азимуту. В его маршруте пять пунктов. На первом нужно оказать первую медицинскую помощь при переломе и кровотечении. Со второго как можно скорее отнести пострадавшего на пункт сбора — это третья точка маршрута. Добрался до четвертого пункта — перед тобою... река! Не настоящая, но умение спасать тонущего человека тебе необходимо. Здесь же ты должен продемонстрировать и свое умение в оказании первой помощи при ожогах, обморожениях, солнечных и тепловых ударах. Наконец, пятый пункт. Здесь проверяют, каков ты есть фармацевт. Нужно собрать на поляне лекарственные травы, рассказать о способах их применения.

Трасса эстафеты юных **пожарных,** кажется, не так уж и велика — четыреста метров. Но тут надо учитывать, что это за метры. На каждом этапе по одному человеку. Резко

прозвучала команда старта. Первый этап. Пожарные ринулись с места, в руках у каждого ствол огнетушителя КР-Б. На пути ребят домик. Быстрее по лестнице на крышу! Дальше ползком или бегом — как сумеешь, затем прыжок на специальную площадку, а с нее на землю. Второй этап — на пути пожарного высокий забор. Третий этап. Участник команды подбегает к пожарному рукаву (нужно проложить рукавную линию), отсоединяет ствол рукава — уже знакомую тебе «эстафетную палочку». Перед участником четвертого этапа — бум — узкое бревнышко. Но можно себе представить, что это карниз горящего дома. Значит, сорваться никак нельзя!.. Пятый этап. Приняв эстафету, юнармеец подбегает к огнетушителю. Пылает на противне огонь, бьет по нему пенная струя. Но вот пожар потушен. Теперь скорее к финишу! Итак, в команде пожарных пять человек. Победителем может стать лишь та команда, которая успешно преодолела все пять этапов.

От юных **регулировщиков** прежде всего требуется точность ответов. В их команде трое. Они должны преодолеть восемь этапов. На первом показать жест регулировщика, соответствующий тому или иному сигналу светофора. На втором — по дорожным знакам найти пакет и выполнить задание, находящееся в нем. Третий этап: перед вами макет перекрестка, на нем целая транспортная пробка. Надо скорее помочь водителям. Четвертый — вычислить тормозной путь машины. Пятый — по рисунку определить марку одного из советских автомобилей. Шестой — ответить на вопрос об обязанностях пешеходов и пассажиров. Седьмой — рассказать об обязанностях велосипедиста на дороге. Восьмой — каждый из участников команды сам становится водителем... велосипеда. Три участника — три дороги: узкая, опасная тропинка, дорожка, делающая восьмерку, мостик — доска. Победит в эстафете та команда, которая сделала меньше ошибок, затратила на все задания меньше времени.

Кроме этих эстафет, в «Орленке» будет и еще два интересных **соревнования: по гражданской обороне и по преодолению туристской полосы.**

Соревнования по гражданской обороне проводятся, как обычно: изготовление ватно-марлевой повязки, преодоление участка химзаражения в защитном костюме, действия по вспышке ядерного взрыва, первая медицинская помощь. Новшества такие: ребята должны будут идти по азимуту, соревнования пройдут на пересеченной местности.

Юнармейцы-туристы — народ бывалый. Команде из шести мальчиков предстоит преодолеть десять препятствий: крутой подъем, крутой спуск, их ребята преодолевают с помощью веревки, преодоление завала, бревна, бег по кочкам «болота», преодоление пропасти при помощи параллельных веревок, преодоление «мышеловки»... Я не пишу здесь подробно о каждом препятствии. Тебе они хорошо знакомы по традиционным туристическим эстафетам. Порядок их может быть произвольным.

Вот так в общих чертах будет выглядеть финал игры «Зарница», который пройдет в пионерлагере «Орленок». А ты бери то, что подходит для соревнования в твоем лагерном или школьном отряде.

Желаю успеха!

Но помни: к участию в финале игры «Зарница» допускаются лишь те ребята, которые сдали нормы на значок ГТО. Уверен, что это правило должно стать обязательным для каждого юнармейца в любом городе, селе, в любой деревне.

— Урал, Урал! Я Сокол. Как слышите? Прием.

№ **БОЕВОЙ ЛИСТОК** 2

«ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ»

ШТАБ ТИМУРА ПРИ ДОМЕ ПИОНЕРОВ КИРОВСКОГО РАЙОНА г. ПЕРМИ.

Всесоюзный штаб Тимура дал нам задание разыскать тимуровцев разных лет. Мы записываем их воспоминания.

В военные годы у тимуровцев был девиз: «Все для фронта! Все для победы!» Ребята вязали для бойцов носки и варежки, шили и вышивали кисеты для махорки, собирали металлолом, из которого на заводах делали снаряды, автоматы и танки. Приходили к раненым бойцам в госпитали, выступали с концертами. Ездили в колхоз, помогали убирать урожай. Это рассказала нам командир тимуровского отряда, завуч 1-й школы Л. Г. Ширинкина. Другой командир тимуровского отряда, С. В. Чазова (она сейчас руководит фотокружком в нашем Доме пионеров), дополнила этот рассказ. Она сказала, что главным своим делом во время войны тимуровцы считали помощь семьям фронтовиков, семьям тех, кто приехал в Пермь в эвакуацию. После войны многие ребята остались без отцов. Им тимуровцы уделяли самое большое внимание. Малышей учили читать, писать, играли с ними во дворе, и их матери могли спокойно работать. Помогали всем, у кого не ладилось с учебой. И все крепко подружились. Прошло много лет, а дружба эта сохраняется.

Мы поняли, что всегда, во все годы тимуровцы нашего района заботились о том, чтобы жизнь в нашем районе становилась лучше: сажали деревья на улицах, разводили сады в школьных дворах, помогали учиться тем, кто отставал в учебе. Мы тоже стараемся так действовать. В красных уголках открыли небольшие музеи трудовой и боевой славы, открыли клуб «Малышок». По улицам нашего района ходят пять автобусов, которые построены из нашего металлолома. И еще мы помогаем друг другу учиться, стараемся, чтобы во всех домах на наших улицах ни у кого из ребят не было двоек!

ТИМУРОВЦЫ ОТРЯДА ИМЕНИ ЗОИ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ ГИРСОВСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

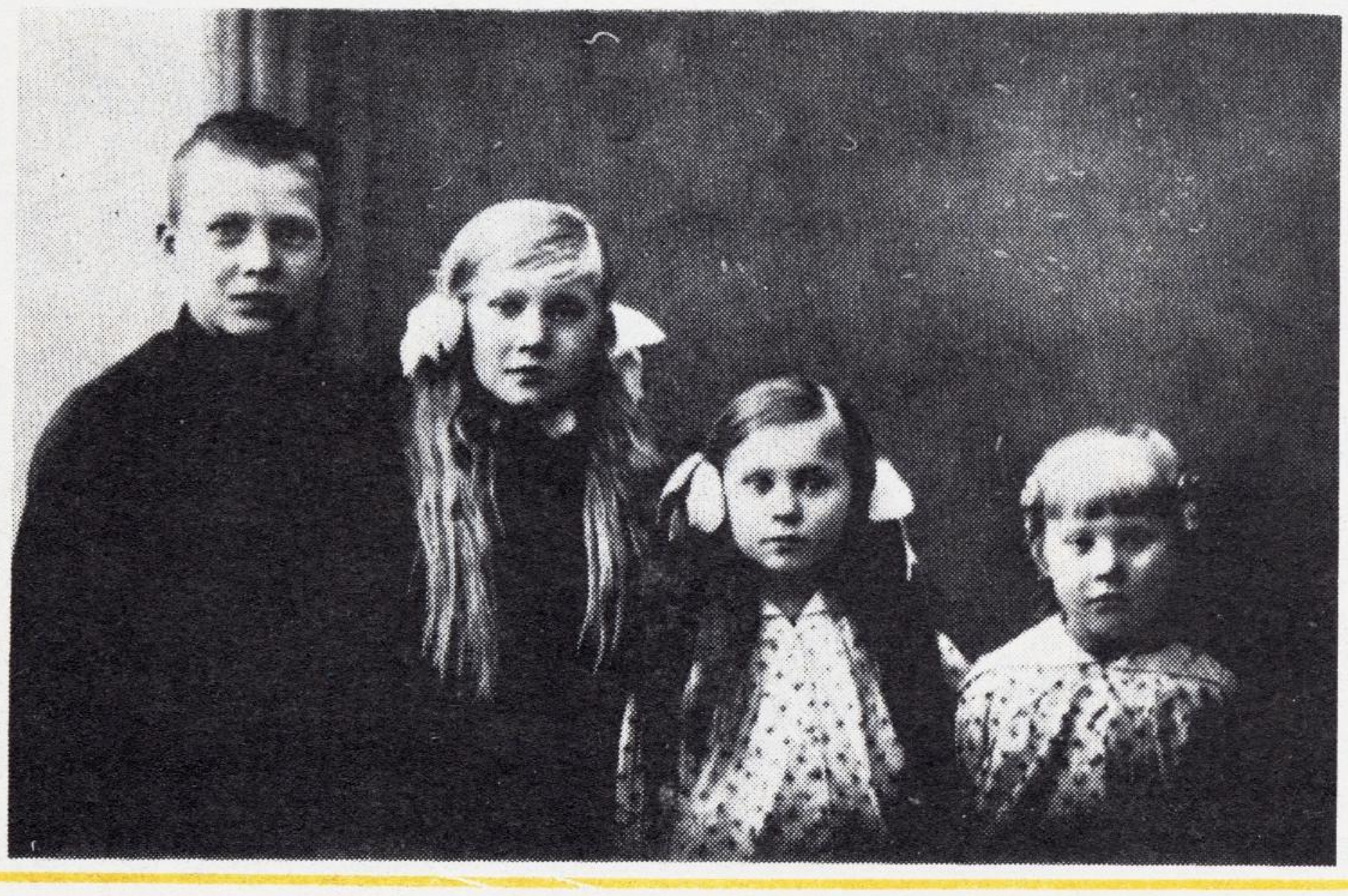
На десяти домах ветеранов войны, престарелых людей появились красные тимуровские звезды. Десять дворов — под нашей опекой. Нужно наколоть дрова — колем, нужно вскопать огород — копаем, нужно посмотреть за малышами — играем и поем с малышами, книжки им читаем. Теперь тимуровские команды появились и в других пионерских отрядах.

ТИМУРОВСКИЙ ШТАБ 19-й СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ г. МАЙКОПА

По приказу штаба мы все отправились в разведку по своему району, поглядели внимательно, кому нужна помощь. Недавно мы все вместе пошли на мебельную фабрику «Дружба» и убрали там всю территорию.

ТИМУРОВСКАЯ КОМАНДА ОТРЯДА ИМЕНИ ОЛЕГА КОШЕВОГО УСТИМОВСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛТАВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Мы решили пойти на ферму нашего колхоза «Авангард» и помочь взрослым. Всем односельчанам, если какая нужна по хозяйству помощь, помогаем. В первую очередь тем семьям, где есть ветераны и инвалиды войны.



Эта фотография мало известна, ее нашли и прислали в редакцию тимуровцы 54-й школы г. Москвы. Аркадий, Наташа, Оля и Катя Голиковы сняты в 1916 году. А. П. Гайдар очень дружил с сестрами и любил с ними сниматься.

ОБЪЯВЛЯЕМ ПОИСК

В 1936 году в журнале «Детская литература» было напечатано письмо ребят — читателей детских библиотек имени Крупской, имени Пушкина, имени Тургенева в городе Орле. Они просили А. П. Гайдара приехать в гости: «Мы никогда не видели ни одного живого писателя, портретов даже нет в продаже...»

Здесь же был напечатан и ответ орловским ребятам. «Дорогие товарищи! Был, конечно, очень рад получить ваше письмо. В первом номере журнала «Пионер» (имеется в виду 1936 год) вы прочтете мой последний рассказ «Голубая чашка», а осенью вы уже, вероятно, будете читать мою повесть «Талисман», над которой я сейчас крепко работаю. В Орел вы меня пока лучше не зовите, потому что поездка эта оторвет меня от работы. Чем смотреть на меня, вы лучше скорее смотрите мою новую книжку. Книги у меня все разные, а сам я всегда одинаковый. Я послал вам длинное письмо с ответом на все ваши вопросы в адрес вашей Центральной библиотеки. Шлю дружеский привет. Арк. Гайдар».

Тимуровцы города Орла! Всесоюзный тимуровский штаб поручает вам: разыщите бывших работников Центральной детской библиотеки, попытайтесь найти авторов письма А. П. Гайдару, запишите их рассказы, попытайтесь узнать судьбу письма! Может быть, оно сохранилось.

Ждем ваших сообщений!

А. П. ГАЙДАР СКАЗАЛ:

«Тебе правильно говорят: учись, пока не поздно. Когда тебя призовут под боевые знамена, командиры будут учить тебя, но твой долг — знать военное дело, быть всегда готовым к боям».

(Из обращения к комсомольцам в августе 1941 г. «Берись за оружие, комсомольское племя»).

ШТАБ ОТВЕЧАЕТ

Мы собрали и открыли в своем дворе библиотеку. Малышей учим читать, готовим к школе. Для пенсионеров хотели устроить концерт, но тут вышла неприятность: Натку не отпустили из дому, Валика отправили к бабушке. А Виталикина мама обидела меня, сказала: «Вам, Галина, учиться надо, а не в глупые детские игры играть...»

ПОСОВЕТУЙТЕ мне, пожалуйста, как убеждать взрослых, что мы заняты серьезным делом и оно помогает нам учиться...

От имени тимуровской команды **Галя КИРЕЕВА**, г. Тобольск, ул. Гоголя, д. 35, кв. 12.

Убеждать лучше всего делом. Один раз увидят все, что вы хороший концерт показали пенсионерам, другой раз поглядят — вы инвалидам войны помогаете, третий раз придут в библиотеку, которую вы во дворе открыли... И поймут: живут рядом серьезные, умные люди. Захотят, наверное, даже вам помочь.

По поручению Всесоюзного штаба Тимура, член штаба **Л. СИМОНОВА.**

ЛАСКА — ПОВОДЫРЬ

На сцене — собаки разных пород. Бело-рыжая, с острой лисьей мордой колли послушно садится, ложится, встает. Огромный дог легко и грациозно преодолевает двухметровый барьер. Мохнатый эрдельтерьер, смешно перебирая лапами, ползет под стульями. Превосходные собаки! Но они не принадлежат их дрессировщикам. Хозяева собак — инвалиды Великой Отечественной войны.

Эта собака будет служить на границе. Вырастила Волгу тимуровка Наташа Ветрова и подарила ее Вале Петрову, когда он уезжал на пограничную службу.

Дрессировать собак помогают им тимуровцы Клуба юных собаководов Московского Дворца пионеров. Я тоже выросла среди ребят этой тимуровской команды и сейчас, хоть и учусь в институте, прихожу в КЮС. Мы всегда считали: наколоть дрова — важно, прополоть грядку — важно, но самое главное — чтобы старый и больной человек не почувствовал себя одиноким. На этой войне многие люди потеряли зрение. Тридцать собак мы передали в Центральную республиканскую школу, которая готовит собак-поводырей для слепых. Михаил Максимович Мохов, который живет в Кировской области, в городе Белая Холуница, прислал нашим тимуровцам письмо: «...Я потерял зрение в результате ранения. Теперь я окончил институт и работаю учителем в школе слепых и плохо видящих ребят. Собака Ласка, которую вы мне подарили, хорошо указывает мне, что на пути препятствие, проводит мимо столба, обходит лужу, и часто прохожие вслед говорят: «Вот молодец собака!» Большое спасибо вам за Ласку».

По поручению тимуровцев КЮСа **Алиса КУРОВА.**

ПОД МУЗЫКАЛЬНЫМ ДЕРЕВОМ

3.

А. КЛЕНОВ

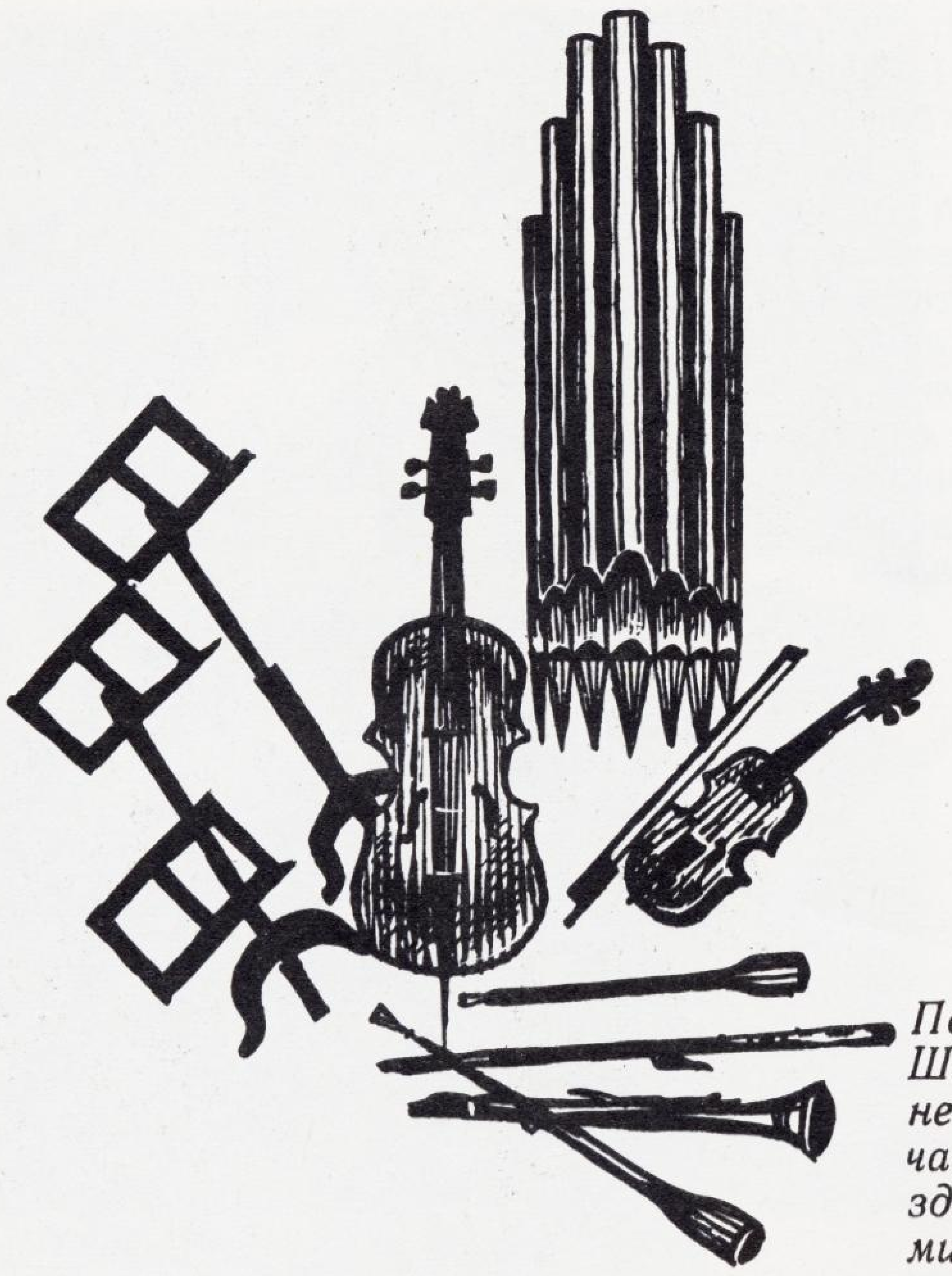
Рисунок
Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

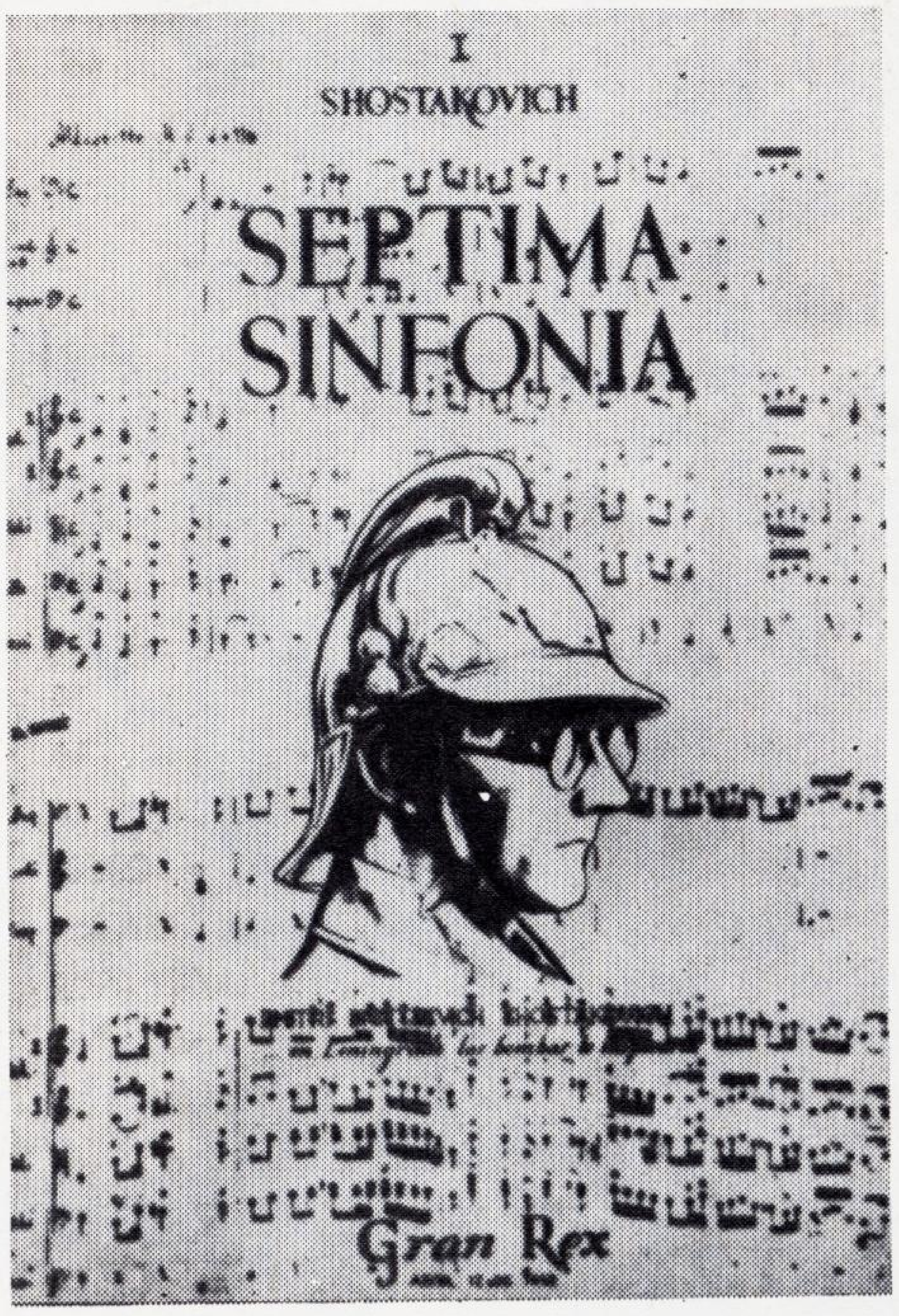
Нашу сегодняшнюю беседу мы начнем с рассказа

ОБ ОДНОМ НЕОБЫЧНОМ КОНЦЕРТЕ.

Из поколения в поколение передается легендарная история о том, как в осажденном Ленинграде исполнялась знаменитая Седьмая (или Ленинградская) симфония Шостаковича. Она прозвучала впервые 9 августа 1942 года, в день, когда, по планам немецкого командования, гитлеровцы должны были вступить в город.

С трудом удалось собрать музыкантов. С трудом передвигаясь, стекались они на репети-





Партитура Седьмой симфонии Шостаковича вышла в Аргентине в 1943 году. И совсем не случайно Шостакович изображен здесь в каске, как воин: во всем мире его симфония призывала к битве с фашизмом.

цию. Некоторые пришли прямо из окопов действующей армии.

А партитура была доставлена в город на самолете.

Чтобы во время концерта, который транслировался по радио, фашисты не обстреливали город, на их позиции был обрушен огонь советской артиллерии. Вот какой это был концерт!

Концерты Ленинградского симфонического оркестра в осажденном городе потрясли даже наших врагов. Вот что рассказал недавно дирижер Геннадий Рождественский.

После окончания войны к Элиасбергу, под руководством которого была исполнена в тот памятный день Седьмая симфония, обратился один из западногерманских туристов. Он достал записную книжку и перечислил даты всех концертов симфонической музыки, исполнявшихся по Ленинградскому радио в дни блокады. «Я находился в числе солдат, осаждавших Ленинград, — сказал этот человек. — Мы постоянно слушали ваши передачи по радио, и каждая вселяла в меня все большую уверенность, что вы выстоите. Если город, находившийся в таком положении, мог ежедневно транслировать концерты классической музыки, значит, его не взять. Когда я понял это, то сдался в плен».

Музыка Шостаковича сражалась, не убивая. Сражалась против фашизма, за человека — за музыкантов, которые нашли в себе силы исполнить ее, и за других ленинградцев, что сидели в зале, даже за того немца, историю которого мы узнали.

По словам писательницы Мариэтты Шагинян, подобные случаи говорят нам «о великом уроке совместного действия, которому музыка учит людей».

Удивительное содружество людей, именуемое оркестр, сумело противостоять и страху смерти и самой смерти. Огромной силы должно быть содружество музыкантов, если связывает их такое единство и такое взаимопонимание.

Разные люди были в оркестре, по-разному складывались взаимоотношения между ними. Наверное, не все они были близкими друзьями, и, возможно, между некоторыми случались несогласия. Но не в тот момент, когда они — оркестр, не в тот момент, когда они — музыка.

Чувство локтя, единый пульс и дыхание, дух взаимопонимания воспитываются в оркестре годами. Точнее, столетиями. И в нынешнем веке музыканты оркестра смогли убедить мир, что настоящий оркестр не только «большой инструмент» в руках дирижера, но и коллективный художник, знакомство с которым так же необходимо, как с выдающимся исполнителем.

СОДРУЖЕСТВО МУЗЫКАНТОВ...

Подумай, даже двоим музыкантам для создания ансамбля нужно учитывать множество «музыкальных моментов».

Темп, скорость исполнения... «Дыхание» оркестра то учащается, то замедляется, как у человека, переживающего разные душевные состояния. Темп произведения должен быть гибким, живым. И все изменения его должны быть у музыкантов согласованными до мгновения.

Громкость звука... Между «шепотом» и «криком» существует множество различных по силе звучаний.

А артикуляция, произношение звука? Представь себе хор, где один певец «окает», другой произносит слова вологодским говорком, третий — с украинским или кавказским акцентом... По-разному произносятся звуки и на музыкальных инструментах. И нужно найти общий музыкальный «язык».

Ну, а теперь вспомни, что в оркестре около ста музыкантов. Может быть, ты обратил внимание, что, говоря об оркестре, мы имеем в виду

Выглядит забавно, а звучит еще забавней. Тут и трумшитейн (морская труба, напоминающая контрабас с одной струной) и скрипка; арфа и фагот — за спиной; лютня и волынка — на поясе; серпента (змеей изогнутая труба) и бубны-эполеты; военные трубы и барабан — в виде головного убора. Ну, и, конечно, клавишный инструмент, вокруг которого собран весь «оркестр». Хорошо, что он не может заиграть, иначе всем нам пришлось бы затыкать уши!

С помощью большой палки—баттуты руководители оркестра отбивали такт еще двести лет назад.

ОРКЕСТР СИМФОНИЧЕСКИЙ.

В мире существуют самые различные оркестры — камерный, духовой, народных инструментов, джаз, эстрадный. Но лишь симфонический оркестр имеет постоянный состав. От раза к разу меняет свой состав джаз-оркестр, у разных народов разные народные инструменты, нет постоянного состава в камерном оркестре. А в симфоническом есть постоянное «ядро». Впрочем, ты, наверное, слышал о группе струнных, группе деревянных и группе медных духовых, о группе ударных — в каждой партитуре им обязательно отводится свое место.

Но мне хочется, чтоб прежде всего ты почувствовал

ОБРАЗ ОРКЕСТРА.

Может быть, страничка из книжки известного дирижера поможет нам понять, что это такое.

«Остановитесь на мгновение и вслушайтесь в бесформенные и неорганизованные звуки, доносящиеся из комнаты оркестрантов. Скрипачи настраивают свои скрипки, играя гаммы или пассажи из концертов; усердно упражняются духовики, до предела нагревая инструменты, чтоб получился чистый строй, — они напоминают легкоатлетов, старающихся размяться и разогреться.

Эта атмосфера возбуждает дирижера так же, как журналиста — запах типографской краски. Но вот мало-помалу водворяется тишина. К о н ц е р т м е й с т е р приступает к своим первейшим обязанностям и настраивает инструменты по ЛЯ первого гобоя. (Мы давно обещали объяснить тебе, почему именно гобой играет в оркестре такую роль: он самый «теплоустойчивый» инструмент, его строй не зависит от окружающей температуры.)

И вот вы на своем месте, на эстраде. Перед вами сто человек, держащих в руках инструменты, назначение которых — издавать самые разнообразные звуки.

Оркестр отнюдь не механическое и послушное орудие. Это общественный организм, коллектив живых людей».

Итак,

ОРКЕСТР НА ЭСТРАДЕ.

Музыка еще не звучит. И все-таки оркестр уже «начался». Все, начиная с «географии» каждого инструмента и кончая костюмами оркестрантов, осмысленно, выверенно, продуманно.

Первым вышел концертмейстер первых скрипок — президент оркестра. С ним и его помощником почтительно поздоровается сам дирижер, а закончив концерт, прежде чем поклониться публике, снова поблагодарит его пожатием руки.

Все музыканты в черных фраках (где еще в наше время встретишь фраки?), женщины — в длинных черных платьях. И правильно. Оденься оркестранты кто во что горазд, слушатель будет отвлекаться.

Но вот откуда-то слева по залу покатилась волна аплодисментов: это заметили выходящего на эстраду дирижера. Палочка в руках маэстро поднята таким жестом, словно на ее кончик дирижер подцепил весь оркестр. В этот момент все сто музыкантов перестают дышать. Мгновение — и они «выдохнут» музыку.

Но прежде белой молнией мелькнет дирижерская палочка (гром, как полагается, грянет на секунду позже). Это дирижер показал ауфтакт — предварительный замах. И эта молния в краткое мгновение освещает для музыкантов и темп, в котором должен начать играть оркестр, и характер произведения. В этом замахе и воля дирижера и тот заряд неведомой энергии, которую дирижер передает оркестру.

Дирижер общается с оркестром

Посмотри, какое звучащее лицо у дирижера! Звучит его взгляд, звучат руки. Прав был, конечно, композитор Вагнер, повернувший дирижера лицом к музыкантам. И все-таки жаль, что мы не видим его жестов и лица. Видеть или слышать дирижера должны музыканты? На протяжении веков решался этот вопрос.

БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА,

даже если не знает языка той страны, где он сейчас выступает. Язык жестов — международный язык, понятный всем музыкантам мира. Дирижеру не нужно отыскивать взглядом, где сидят в оркестре трубачи, а где виолончелисты. Во всем мире оркестранты рассаживаются одинаково.

Не сразу пришли к такому взаимопониманию дирижер и оркестранты. Достаточно сказать, что лишь в прошлом веке руководитель оркестра повернулся к музыкантам и заглянул им в глаза. И тут выяснилось удивительное обстоятельство: музыканты чувствуют взгляд маэстро, хотя смотрят в ноты.

Прежде во главе оркестров становились сами композиторы, чьи произведения исполняли музыканты. Но на всех композиторов не хватало оркестров. И появились

ОРКЕСТРЫ «В ГОЛОВЕ».

Ты когда-нибудь услышишь выражение: «оркестр Баха», «оркестр Монтеверди», «оркестр Глюка»...

Нет, нет, они не были собственностью композиторов, а принадлежали богатым аристократам, а порой их и вообще... не было. Потому что речь идет не о том или ином коллективе музыкантов, а о внутреннем звучании оркестра.

Еще великий Бах вынужден был писать музыку на тот состав, который был у него под рукой. И, увы, тот оркестр, о котором, возможно, мечтал Бах и который он слышал своим внутренним слухом, так и останется для нас неизвестным. Известно, что, когда Бах служил в Лейпциге в церкви святого Фомы кантором, то есть учителем маленьких певчих, весь оркестр его состоял из четырех скрипок и четырех труб. Но когда он садился писать, он забывал об этом. Мощная музыка для трех хоров, двух органов и настоящего оркестра звучала в его воображении, заполняя партитуру.

Время шло, и композиторы стали проявлять настойчивость, доказывая, что не музыка для оркестра, а оркестр — для музыки. Они все жестче требовали определенных инструментальных красок, подбирая в ансамбль те инструменты, которые подходили друг другу, создавали определенный звуковой колорит. Они восставали против «несогласных» музыкальных инструментов, объявляли им войну.

Так были вытеснены из оркестра щипковые инструменты (лютня, например, и ее родственница — гитара. Помнишь, мы еще в первой беседе задавали вопрос, почему гитаре нет места в симфоническом оркестре: так и не нашла она согласия с другими инструментами нынешнего оркестра). А на смену виолам пришли скрипки. За это мы должны поблагодарить композитора Монтеверди.

И уже не музыка писалась в зависимости от того, какой оркестр будет ее исполнять. Нужно было искать соответствующих музыкантов для исполнения той или иной партитуры.

Композиторы создали постоянный оркестровый состав, следуя законам человеческого слуха, отбирая согласные звуковые краски.

Что же касается профессии дирижера, то она сразу и

ДРЕВНЯЯ И МОЛОДАЯ.

Ведь руководить оркестром еще не значит быть дирижером. Одно дело — отбивать такт и следить, чтоб оркестр «не развалился», другое дело — выступить в роли **интерпретатора**, то есть толкователя музыкального произведения.

Словарь объясняет слово «интерпретация» так: «самостоятельное толкование художественного произведения».

Но, позвольте, как может дирижер привносить

в музыку что-то самостоятельное, если в нотах, по словам одного знаменитого музыканта, «есть все»?

Правильно, есть все для того, чтобы дать

ПРОСТОР ФАНТАЗИИ

дирижера.

В Большом зале Ленинградской филармонии идет репетиция. Дирижер Юрий Темирканов работает с оркестром над сюитой композитора Андрея Петрова «Сотворение мира».

Юный Адам, первый на земле человек, делает свои первые шаги. (Может быть, ты видел рисунки французского художника Жана Эффеля, по мотивам которых написана музыка?)

В оркестре звучит музыкальная тема Адама — наивный, старинный танец. Но как же показать слушателям, что Адам делает по жизни именно п е р в ы е шаги? В нотах нет ничего, имитирующего походку Адама (как, скажем, удары литавр имитируют гром небесный). И вдруг мы слышим... Ну, конечно, нет никаких сомнений — перед нами образ ученика старательного, смешного и неловкого. Как добился этого дирижер, находясь

В РАМКАХ НОТНОГО ТЕКСТА?

Просто и остроумно. Он попросил скрипачей, играющих основную тему, играть... плохо. Как ученики-первоклашки, только вчера взявшие в руки смычки, они «белым», невыразительным звуком старательно водят по струнам. И перед нами образ «начинающего».

Это лишь маленький пример большого искусства — не изменяя ни одной ноты, создать в звуках

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОБРАЗ.

На земле больше трех миллиардов человек. Все люди ходят, смеются, разговаривают. В этом их схожесть. Но все это они делают поразному — и в этом их различие. Именно искусство раскрывает нам удивительную «похожую непохожесть» людей.

Есть такой эффект стереоскопии — наш левый глаз видит предмет чуть слева, а правый чуть справа. Оба — правый и левый — сигнала поступают к нам в мозг и там сливаются в одну картину объемного предмета.

Каждый дирижер-интерпретатор имеет свою точку зрения на музыкальное произведение. Каждый дирижер-интерпретатор — наш «глаз», разглядывающий музыку с той или другой стороны. И как две точки зрения дают нам впечатление объемности предмета, так различные трактовки помогают нам более полно и глубоко разобраться в музыкальном произведении.

Наш сегодняшний разговор об оркестре и дирижере — только вступление, или

ПРИГЛАШЕНИЕ К МУЗЫКЕ.

Потому что о музыке можно рассказывать, но пересказать ее нельзя. Наш оркестр вышел на эстраду, но зазвучит он только тогда, когда он... зазвучит. Теперь все зависит от тебя.

Начни с простого: раздобудь две пластинки, на которых записано исполнение, скажем, какого-нибудь оркестрового произведения Грига. Пусть это будет музыка к драме «Пер Гюнт». Но хорошо бы, если бы ты мог послушать эту музыку в исполнении разных дирижеров. И может быть, ты сам услышишь, как по-разному танцует у них Анитра или горюет мать Пер Гюнта Озе.

Послушай музыку, и тогда в следующий раз мы с тобой поговорим о том, к а к ее слушать.

Листки с музыкального дерева

А н с а м б л ь — это слово означает «вместе». Музыкальные голоса или музыкальные инструменты, звучащие одновременно, должны создавать ансамбль. Собрались ли музыканты в трио, поют ли хором, играют ли в оркестре, ансамбль у них будет в том случае, если они достигли полного музыкального взаимопонимания и согласованности.

Г р у п п ы с и м ф о н и ч е с к о г о о р к е с т р а. Это — содружества родственных инструментов. В симфоническом оркестре различают четыре основные группы: струнная — скрипки, альты, виолончели, контрабасы; деревянные духовые — флейты, гобои, кларнеты, фаготы; медные духовые — трубы, валторны, тромбоны, тубы; ударные —литавры, барабаны, колокола, ксилофон, челеста и другие. Особняком стоит арфа — вот что осталось в оркестре от щипковых инструментов.

К о н ц е р т м е й с т е р. Почтительно понижают голос все инструменты, и раздается голос скрипки. Ты торопливо обегаешь взглядом всю группу скрипачей в поисках того, кто играет. А опытные любители музыки сразу устремляют взгляд на скрипача, который сидит ближе всех к дирижеру по левую руку от него. Скрипичное соло всегда исполняет первый музыкант оркестра, солист оркестра — его концертмейстер. Он полководец всех скрипок, его смычок —ориентир для остальных скрипачей...

Но не перепутай этого концертмейстера с тем, который сидит у рояля, помогая певцам или танцорам разучивать их партии.

Гори-гори ясно!

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БЛАГИНИНА говорит:

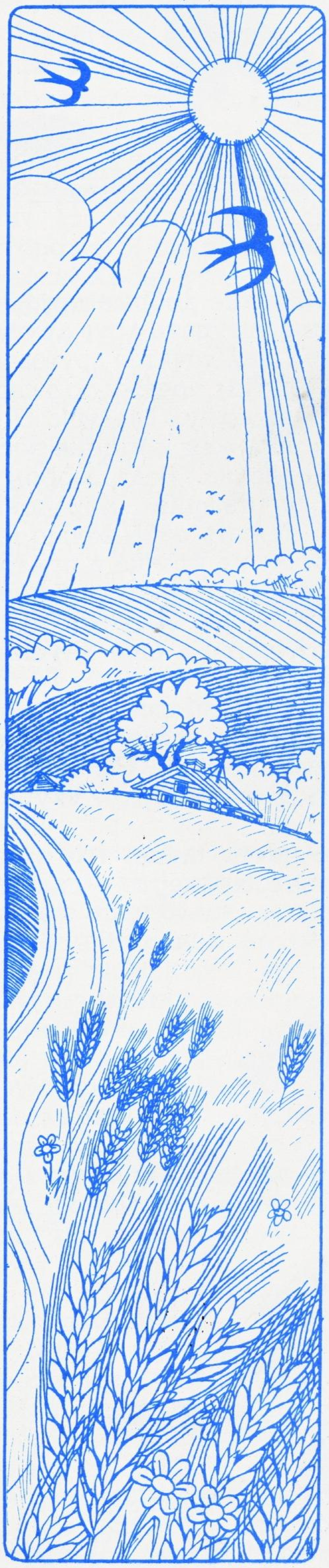
— Никогда, сочиняя детские стихи, я не думала, что сочиняю детские стихи.

Так могут сказать о себе только лучшие поэты для детей.

Вряд ли кто-нибудь из вас не слушал в детстве, пока еще не научился читать, или не читал сам ее книжек «Гори-гори ясно!», «Вот какая мама!», «Тюлюлюй» и многих, многих других. А может быть, вам довелось прочитать в переводе Елены Благининой стихи Льва Квитко, Юлиана Тувима или Марии Конопницкой...

27 мая Елене Александровне Благининой исполнилось семьдесят лет.

Редакция «Пионера» вместе со своими читателями сердечно поздравляет давнюю сотрудницу журнала и печатает на этой странице ее стихи.



Веселый человек

Однажды в наш явился дом
Веселый человек.
И все перевернул вверх
дном
Веселый человек.

Он двигал кресла и столы,
Он залезал во все углы,
Он краску на пол проливал
И песни распевал.

Потом присел на табурет
Веселый человек.
И вынул трубку и кисет
Веселый человек...
И я уселся рядом с ним,
И я глядел на сизый дым,
И я завидовал ему,
А больше никому!

Сукно и щетку притащил
Веселый человек,
Он щетку воском навощил,
Веселый человек.
И ну плясать, и ну
свистеть —
И начал так паркет блестеть,
Что окна вместе с синим
днем
Вдруг отразились в нем.
Потом паркет сукном натер
Веселый человек.

Ох, удивительно хитер
Был этот человек!
Он двигал мебель как хотел,
Он стулья в воздухе
вертел,
Но даже тетя на него
Не злилась, ничего!

Ты помнишь, как она
вошла,
Веселый человек,
И денежек тебе дала,
Веселый человек?
А мне за эту кутерьму,
Какую поднял ты в дому,
Такой бы вышел нагоняй,
Что только ай-ай-ай!

Колея

Над рожью, дождиком
примятой,
Стоит денек почти сквозной.
Орловский ветер пахнет
мятой,
Полынью, медом, тишиной.

Иду стеной высокой хлеба,
Иду, иду да постою,
Любуясь, как упало небо
В наполненную колею.

На синем дне летают птицы,
Плывут печально облака...
Стою... Мне страшно
оступиться,
Мне очень страшно
оступиться —
Так эта пропасть глубока!

Наш дедушка

Наш дедушка не любит тени,
Он любит солнышко, тепло,
Дрожат у старого колени,
Ходить бедняге тяжело.

Он ничего почти не видит,
Не слышит ничего — глухой...
Его и курица обидит.
Наш дедушка совсем плохой!

Но без него мы жить не можем,
Он нам как будто бы родной.
Он выйдет — мы ему поможем
Поставить стульчик раскладной.

И хорошенечко усадим,
Укроем ноги, а потом
Седую бороду разгладим
Или в косички заплетем.

А если сказку дед затеет,
Сидим до самой темноты.
Никто и двинуться не смеет —
Все слушают, разинув рты.

Ну есть ли где-нибудь на свете
Такая дружба, как у нас?
Хотите, мы вам сказки эти
Расскажем в следующий раз?

Астрид ЛИНДГРЕН

Рисунки П. БАГИНА.

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Новые похождения Карлсона

Карлсон — лучший в мире ночной проказник

Почти все уже было готово к встрече страшных ночных воров, капкан работал безотказно... И тут Карлсон схватился за голову:

— А собака? Она же вспугнет нам всю добычу!.. Собаку надо куда-нибудь деть!

Малыш всерьез рассердился:

— Что ты несешь! Куда мне ее деть? Ты об этом подумал?

Тогда Карлсон сказал, что Бимбо может провести ночь в его домике на крыше. Ляжет на его диванчик, будет спать и тихо посапывать. А утром, когда Бимбо проснется, Карлсон принесет ему мясного фарша, он обещает. Пусть только Малыш образумится и согласится отправить к нему Бимбо.

Но Малыш не образумился. Он считал, что отсылать Бимбо из дому — безобразие. Да и вообще как здорово будет, если Филле и Рулле наткнутся на лающую собаку.

— Ты хочешь все испортить,— горько сказал Карлсон.— Никогда не даешь мне повеселиться вволю! На все ты говоришь: нет, нет, нельзя,— ты мне только мешаешь, я не могу уже ни «курощать», ни «низводить», ни валять дурака — ничего не могу! Тебе на все наплевать, лишь бы твой щенок налаялся всласть и поднял бы ночью переполох...

Бимбо сердито заворчал, когда Малыш вынул его из корзинки, потому что ему хотелось спать, и последнее, что увидел Малыш, когда Карлсон вылетел с собакой в руках, были два больших недоумевающих глаза.

— Не бойся, Бимбо! Я скоро возьму тебя назад! — кричал Малыш, чтобы утешить не то себя, не то пса.

— Что ж, теперь все в порядке,— сказал Карлсон, возвратившись. Он был доволен.— Ты же понимаешь, что такие добрые друзья, как мы с тобой, должны уступать друг другу, один должен делать так, как хочется другому.

— Да, конечно, но другим почему-то всегда оказываешься ты,— вздохнул Малыш. Но, честно говоря, он был поражен и втайне восхищен поведением Карлсона. Ведь любому было понятно, что в положении Карлсона лучше всего спокойно лежать себе ночью на диванчике в своем домике на крыше и предоставить Бимбо возможность спугнуть бешеным лаем Филле и Рулле. Но Карлсон буквально все сделал наоборот да еще внушил Малышу, что так лучше!

Ну что было делать? Малыш взял да и поверил своему другу, потому что в Малыше тоже жила жажда приключений. Он сгорал от любопытства узнать, как они будут «курощать» на этот раз.

— Я сейчас устрою нечто такое, что их с самого начала испугает насмерть,— сказал

Начало в № 3, 1973 г.

Карлсон.— И глупая собака нам здесь совсем не нужна, поверь мне.

Он побежал на кухню и стал рыться в шкафу. Малыш попросил его делать все потише, потому что фрекен Бок спит прямо за стеной. Карлсон об этом не подумал.

— Тогда ты стань здесь и слушай,— скомандовал он.— Как перестанешь слышать брпс-пе-пе-пе или брр-аш, дай мне как-нибудь незаметно знать.— Он задумался.— Ага, придумал! Ты сам начнешь храпеть. И как можно громче! Вот как: гррр-ах-ах, гррр-ах-ах.

— Зачем?

— А вот зачем: если проснется дядюшка, он решит, что это храпит фрекен Бок, а если проснется фрекен Бок, она подумает на дядюшку, и ни у кого не возникнет подозрения. Но я-то буду знать, что грр-ах-ах — это значит, ты мне подаешь сигнал! Надо быть настороже! Я быстренько залезу в шкаф и притаюсь! Ха-ха, угадай, кто лучший в мире проказник!

— А если придут Филле и Рулле, что мне тогда делать? — спросил Малыш испуганно, потому что не так уж приятно стоять одному в прихожей, когда лезут воры...

— Тоже храпеть,— сказал Карлсон,— но иначе. Вот как: грр-о-го, грр-о-го.

«Запомнить все эти грр-пе-пе, грр-аш-аш, грр-о-го, пожалуй, труднее, чем выучить таблицу умножения,— подумал Малыш.— В общем, придется попотеть!»

Карлсон порылся на полках, где лежало белье, и выгреб охапку кухонных полотенец — все, какие были.

— Их, пожалуй, не хватит,— сказал он.— Но, к счастью, еще есть полотенце в ванной.

— Что ты задумал? — допытывался Малыш.

— Мумию! — ответил Карлсон.— Вселяющую ужас, устрашающую, смертоносную мумию. Еще более опасную, чем капкан.

Малыш толком не знал, что такое мумия, но ему помнилось, что это что-то связанное с египетскими пирамидами. Он знал, что в пирамидах хоронили царей и военачальников, они там лежали, словно задубевшие футляры с пустыми глазницами. Папа как-то об этом рассказывал... Царей этих и военачальников бальзамировали, чтобы они сохранились точно такими же, какими были при жизни. Потом их обматывали холстинами, как бинтами... Но Карлсон вряд ли умел бальзамировать!

— Я запеленаю ее в кухонные полотенца, как миленькую,— сказал Карлсон.— Да ты об этом не беспокойся! Ты выполняй свое дело, а уж со своим я справлюсь!

И Малыш стал прислушиваться к звукам, доносящимся из-за дверей. Грр-пе-пе-пе, грр-аш-аш. Вроде все как надо. Но потом дяде Юлиусу приснился, видимо, кошмар, потому что его храп стал звучать так жалобно: грр-мм, грр-мм вместо протяжного пе-пе-пе. Малыш подумал, не надо ли пойти доложить об этом лучшему в мире специалисту по храпу, который орудовал на кухне, но как раз в тот момент, когда он забеспокоился сильнее всего, послышались чьи-то торопливые шаги, потом ужасный грохот. Это явно сработал капкан, значит, Филле и Рулле уже здесь, в квартире. Вместе с этим Малыш обнаружил, к великому своему ужасу, что звуки грр-ах, грр-ах совсем смолкли. Что же делать?! В отчаянии Малыш повторил про себя все звуки, которые ему велел запомнить Карлсон, и в конце концов попытался издать какое-то жалкое гр-хо-хо вперемешку с такими же жалкими грр-ах, но все это совсем не было похоже на храп.

Он попробовал снова:

— Грр-ах, грр-ах...

— Замолчи! — донеслось до него откуда-то со стороны капкана, и в темноте он постепенно разглядел очертания чего-то маленького и толстого, которое барахталось в натянутых веревках и отчаянно пыталось выбраться. Это был Карлсон!

Малыш подбежал к нему и, приподняв стулья, помог встать. Но Карлсон не сказал спасибо. Он был страшно зол.

— Это ты виноват,— пробурчал он.— Я же велел тебе принести полотенце из ванной!

Впрочем, у них не было времени, чтобы выяснить, кто виноват в случившемся, потому что оба услышали, как фрекен Бок нажимает ручку своей двери. Нельзя было терять ни секунды.

— Исчезни! — шепнул Малыш.

Карлсон метнулся на кухню, а Малыш скрылся в своей комнате.

Он натянул одеяло на голову и робко попробовал издать негромкий храп — грр-ах, но у него снова не получилось. Он лежал молча и слушал, как фрекен Бок подходит к его кровати. Малыш осторожно чуть приоткрыл глаза... Она стояла над ним и так пристально на него глядела, что у Малыша все тело начало зудеть.

— Только не делай вид, что ты спишь,— сказала фрекен Бок, но голос ее был не злым.— Тебя тоже разбудил раскат грома?

— Д-да... наверное...

— Я весь день чувствовала, что ночью разразится гроза. Сегодня так парило! Но ты не бойся,— сказала она и погладила Малыша по голове.

И она вышла. Малыш еще долго лежал в кровати, не смея шевельнуться. Но в конце концов он все же тихонько встал. Его очень тревожило, что же с Карлсоном, и он неслышно прокрался на кухню.

Первое, что он там увидел, была мумия.

И какая мумия! Она сидела на табуретке, а рядом стоял Карлсон, гордый, как лев, и освещал ее карманным фонариком, который нашел в стенном шкафу.

— Разве она не хороша? — спросил Карлсон.

«Она — значит, это мумия не царя, а царицы!» — подумал Малыш. Круглая, толстая царица, потому что поверх кухонных полотенец Карлсон обмотал ее всеми мохнатыми полотенцами, которые нашел в ванной. Голова ее была скручена из салфеток и тоже обмотана полотенцем, в котором он прорезал большие глаза и обвел их черным ободком. Но главное, у мумии были зубы. Настоящие вставные зубы дяди Юлиуса. Карлсон засунул их в бахрому салфеток, а для верности прикрепил еще с обоих концов пластырем. Наводящая ужас, устрашающая, смертоносная мумия! При виде ее Малыш содрогнулся.

— Почему на ней пластырь? — спросил он.

— Она брилась,— объяснил Карлсон и похлопал мумию по щеке.— Гей, гоп, она так похожа на мою маму, что я думаю назвать ее «Мамочка».— Он схватил мумию в охапку и понес в прихожую.— Как приятно будет Филле и Рулле встретиться с Мамочкой.

И тут в щель почтового ящика кто-то просунул проволоку. Собственно говоря, Малыш и Карлсон этого не увидели, потому что в прихожей было хоть глаз коли. Но они услышали! ...Раздалось позвякиванье и скрежет — сомнений быть не могло: вот они, долгожданные Филле и Рулле!

Малыш и Карлсон сидели на корточках под круглым столиком в прихожей. По правде говоря, Малышу было ужасно страшно, по спине бегали мурашки. Карлсон решил его ободрить.

— Гей, гоп! — прошептал он.— Гей, гоп!

Подумать только, что с помощью простой проволоки можно так легко открыть замок!.. Вот дверь осторожно приоткрыли, и кто-то проскользнул в нее, кто-то уже был здесь! У Малыша перехватило дыхание, это и в самом деле было невероятно. Послышался шепот и тихие шаги... но потом вдруг грохот — о, что за грохот! — и два приглушенных крика! И только тогда Карлсон под столом зажег фонарик и тут же его снова потушил. На краткий миг вышла из темноты наводящая ужас, устрашающая, смертоносная мумия, которая стояла прислоненная к стене и в зловещей улыбке скалила зубы — зубы дяди Юлиуса. И снова крики, на этот раз более громкие.

Все дальнейшее произошло как-то одновременно. Малыш ни в чем не успел разобраться. Он слышал, как распахнулись двери, это выскочили из своих комнат дядя Юлиус и фрекен Бок, и одновременно он услышал чьи-то шаги в прихожей. Карлсон потянул Мамочку к себе за поводок, который был надет ей на шею, мумия тяжело бухнулась на пол. Потом он услышал, как фрекен Бок вертела выключатели, чтобы зажечь свет в прихожей, но он не зажигался, потому что Карлсон выкрутил все пробки на предохранительном щитке в кухне.

— Какая ужасная гроза! — сказала фрекен Бок.— Все так и грохочет! Не удивительно, что выключили электричество.

— Разве это гром? — спросил дядя Юлиус.— А я считал, что это нечто совсем другое.

Но фрекен Бок стала его уверять, что это наверняка гром, она не может ошибиться.

— И что бы это еще могло быть? — спросила она.

— Я думаю, что это опять пришли к нам сказочные существа, нынче ночью у них здесь встреча,— объяснил ей дядя Юлиус.

Но Малыш не обратил на это никакого внимания. Он мог думать только о Филле и Рулле. Где они? Убежали? Но тогда бы хлопнула входная дверь... Вероятнее всего, они стоят где-то в прихожей, притаившись в темноте, может, спрятались за пальто, висящими на вешалке? О, до чего же страшно! Малыш придвинулся как можно ближе к Карлсону.

— Спокойствие, только спокойствие,— прошептал Карлсон.— Скоро мы их снова поймаем.

Потом дядя Юлиус и фрекен Бок исчезли каждый в своей комнате, и снова воцарилась полная тишина. Карлсон и Малыш сидели под столом и ждали.

И вот тогда притаившиеся в темноте Филле и Рулле снова ожили, двинулись в путь. Стало слышно их дыхание. Ужас охватил Малыша — они зажгли фонарик!.. Да, представьте себе. У них тоже был фонарик, и луч света запрыгал по прихожей. Хотя края скатерти свисали низко, но все же Филле и Рулле легко могли обнаружить их троих под столом — его, Карлсона и Мамочку. Малыш зажмурил глаза, словно он думал, что становится от этого невидим, и затаил дыхание. Он услышал шепот Филле и Рулле совсем рядом.

— Ты тоже видел привидение? — спросил Филле.

— Еще бы! — подхватил Рулле.— Белый призрак! Он стоял у этой стены, но теперь исчез.

— Ни в одной квартире в Стокгольме не живет столько привидений! — сказал Филле.

— Давай смотаемся отсюда, да поскорей,— предложил Рулле.

— Ни за что на свете! — возразил Филле.— Ради десяти тысяч я готов сражаться не то что с одним — с целым десятком привидений, заруби себе это на носу.

Он тихо поднял стулья, к ножкам которых была привязана веревка от капкана, и аккуратно поставил их на прежнее место, чтобы они не валялись под ногами, если придется бежать отсюда без оглядки.

А из кромешной темноты на разбойников смотрела страшная, жуткая, смертоносная мумия!..

— Надо быть поосторожней! Я и так весь в синяках,— сказал Филле. И он снова стал шарить лучом фонарика по всем углам.— И давай уже начнем искать!

Луч опять побежал по прихожей туда-сюда, и всякий раз, как он приближался к столу, Малыш зажмуривался.

И тут он заметил, что Карлсон снова стал возиться с Мамочкой. Свет фонарика убежал от них, под столом было темно, но все же не настолько темно, чтобы Малыш не заметил, как Карлсон вытащил Мамочку и поставил спиной к скатерти. Когда луч карманного фонаря вернулся назад, он упал ей прямо в лицо, осветив ее ужасный оскал.

И тогда снова раздались два вопля ужаса, а потом шум шагов в сторону входной двери и какие-то неясные крики.

— Пошли,— шепнул Карлсон. Он пополз, волоча за собой Мамочку через всю прихожую, и исчез в комнате Малыша. Малыш едва поспевал за ним.

— Какие гадкие люди!—сказал Карлсон и притворил двери.— Не умеют даже отличить мумию от привидения — это по-моему, просто гадость.

Он осторожно приоткрыл дверь и стал слушать, что там происходит в темной прихожей. Малыш тоже прислушался, он очень надеялся, что сейчас хлопнет входная дверь. Но Филле и Рулле были здесь! Они тихо шептались:

— Десять тысяч крон! Рулле, не забывай, об этом! Учти, никакие привидения меня не остановят!

Они довольно долго перешептывались. Карлсон весь превратился в слух.

— Они пошли в комнату дядюшки,— сказал он.— Гей, гоп. Сейчас позабавимся.

И он уложил Мамочку к Малышу в постель.

— Хайсан, хопсан, Мамочка, ну вот, наконец-то ты можешь поспать как человек,— сказал он и подоткнул одеяло, словно сам был заботливой матерью. Потом шепнул Малышу:

— Погляди, разве она не мила?

И он осветил свою мумию карманным фонариком. Малыш содрогнулся.

Потом Карлсон взял покрывало и тоже укутал им Мамочку. «Чтобы она не замерзла»,— подумал Малыш и захихикал. Казалось, под всеми этими одеялами и покрывалами лежит толстый мальчишка, потому что голова Мамочки тоже была прикрыта.

— Привет, Малыш,— сказал Карлсон,— теперь, пожалуй, и ты можешь немного поспать.

— Где? —опять удивился Малыш. К тому же при виде Мамочки у него пропал всякий сон.— Не могу же я лечь в кровать рядом с мумией.

— Нет, но под кровать можешь,— сказал Карлсон и полез первым, перекатываясь, словно ежик. Малыш — за ним.

— А теперь ты услышишь типичный шпионский храп,— сказал Карлсон.

— Разве шпионы храпят особым образом? — снова удивился Малыш.

— Да, они храпят коварно и хитро, так что можно с ума сойти. Вот так: хоооо, дооо, хооо, дооо!

Шпионский храп походил то на клекот, то на урчание, и звук этот в самом деле наводил жуть, тем более что он становился все громче. Малыш испугался.

— Тише! А то сюда придут Филле и Рулле.

— Да ведь для этого и нужен шпионский храп,— объяснил Карлсон.

В этот момент кто-то дотронулся до двери и приоткрыл ее. В комнату ворвался луч фонарика, и в его свете Малыш увидел Филле и Рулле, которые осторожно, на цыпочках, прокрались в комнату.

— Хооо, дооо,— пуще прежнего храпел Карлсон.

— Ну, наконец-то мы, кажется, нашли то, что искали,— сказал Филле, понизив голос.— Дети так не храпят, это наверняка он. Ты только погляди на этого толстого увальня. Точно, он!

— Хооо,— злобно захрапел Карлсон; ему явно не понравилось, что его назвали толстым увальнем, это было слышно по его храпу.

— У тебя наручники наготове? — спросил Рулле.— На него сразу надо надеть наручники.

Зашуршало покрывало. А потом Малыш услышал, как Филле и Рулле захрипели, словно им не хватало воздуха, и он понял, что они увидели наводящий ужас оскал мумии. Однако они не вскрикнули и не бросились наутек, а только дышали как-то странно.

— Да это же просто кукла,— нерешительно сказал Филле.

— Но тогда объясни,— сказал Рулле,— как эта кукла сюда попала! Она ведь только что была в прихожей, или это другая?

— Действительно странно,— согласился Филле.— А кто это храпит?

Но это Филле так и не удалось выяснить, потому что послышались приближающиеся шаги. Малыш сразу узнал тяжелую поступь фрекен Бок... О боже! Что сейчас будет! Какой поднимется крик! Пострашнее грома!

Но ничего ужасного не произошло.

— Быстрее в гардероб! — прошептал Филле.

Малыш и оглянуться не успел, как оба жулика оказались в его гардеробе.

Тут Карлсон снова оживился. Перекатываясь, как ежик, он двинулся к гардеробу и запер его на ключ. Потом он так же ловко и быстро приполз назад под кровать. И в ту же секунду в комнату вошла фрекен Бок, сама похожая на привидение в белой рубашке и со свечой в руке.

Ва — ва — ва — ва — ва!!!

— Это ты, Малыш, рыскал только что по моей комнате и освещал все углы фонариком? — строго сказала она.

— Нет, не я,— ответил Малыш прежде, чем успел сообразить, что он делает.

— А тогда почему ты не спишь? — с недоверием спросила фрекен Бок и добавила: — Почему ты накрылся с головой? Я тебя плохо слышу.

Она резко откинула покрывало, думая, что Малыш натянул его себе на голову. И тут раздался ужасный вопль. Малыш понимал, что настало время выползти из-под кровати. Все равно она его найдет, а кроме того, необходима ее помощь, чтобы как-то справиться с Филле и Рулле. Нельзя же их навсегда оставлять в гардеробе!

И Малыш выполз.

— Не пугайтесь,— начал он робко.— Мамочка — существо не опасное, но вот у меня в гардеробе заперты два вора.

Фрекен Бок еще не пришла в себя после встречи с Мамочкой, но когда Малыш сказал, что в гардеробе сидят два вора, она просто разозлилась.

— Что ты несешь! Какие глупости! Воры в гардеробе! Не болтай, пожалуйста!

Но для верности она все же подошла к дверце гардероба и крикнула:

— Есть здесь кто-нибудь?

Ответа не последовало, и она еще больше разозлилась.

— Отвечайте!.. Если никого нет, то ведь и об этом можно сказать.

Тут она услышала в недрах гардероба легкий шорох и поняла, что Малыш сказал правду.

— Смелый мальчик! — воскликнула она.— Такой маленький, а сумел справиться с двумя взрослыми ворами! Герой!

Кровать заскрипела, и из-под нее вылез Карлсон.

— Это вовсе не он,— сказал Карлсон,— это я все сделал!

Он кинул сердитый взгляд на фрекен Бок и на Малыша.

— Спасибо мне, что я такой смелый и хороший во всех отношениях,— сказал он.— И такой умный и красивый, а вовсе не толстый увалень, вот!

Фрекен Бок чуть с ума не сошла, когда увидела Карлсона.

— Ты... ты...— закричала она, но тут она спохватилась, что сейчас не время и не место ругать Карлсона за блины, потому что надо было подумать о серьезных вещах.

— Сбегай скорее разбуди дядю Юлиуса, и мы будем звонить в полицию,— сказала она и пошла в свою комнату надевать халат.

Малыш побежал будить дядю Юлиуса. Но прежде он взял у Мамочки челюсти, ибо теперь они были нужнее самому дяде Юлиусу.

В спальне мерно звучало: гррр-пе-пе. Дядя Юлиус спал, как ребенок.

У Малыша было смутное ощущение, что на тумбочке должно еще что-то лежать. Ах, да, конечно, часы дяди Юлиуса и его бумажник. Ни часов, ни бумажника на месте не было. Но Малыш не обратил на это особого внимания. Ему поручили разбудить дядю Юлиуса, и он приступил к делу.

Дядя Юлиус разом проснулся.

— Что еще случилось?

Первым делом он схватился за зубы и надел их, и только тогда сказал:

— Странно, скоро я вернусь домой, в свой Вестерлан, там можно спать по 16 часов в сутки, а здесь, здесь ночная жизнь... — Затем дядя Юлиус торопливо направился в комнату Малыша.

— О, дорогой господин Йансен,— начала причитать фрекен Бок,— представляете себе, воры!

Малыш сразу заметил, что Карлсона в комнате нет, а окно распахнуто. «Должно быть, он улетел домой. Это хорошо, очень хорошо! Просто счастье, потому что незачем ему встречаться ни с Филле и Рулле, ни с полицией. Но это так хорошо, что даже как-то не верится»,— подумал Малыш.

— Они заперты в гардеробе,— объяснила фрекен Бок и засмеялась испуганно и радостно. Но дядя Юлиус указал на кровать Малыша, где по-прежнему лежала укрытая с головой мумия, и сказал:

— Давайте сперва разбудим Малыша!

И тут же в полной растерянности перевел взгляд на Малыша, который стоял рядом с ним.

— Раз он уже встал, как я вижу,— забормотал дядя Юлиус,— то кто же спит в его кровати?

Фрекен Бок содрогнулась. Она уже знала, кто, вернее, что лежит в кровати. Это было, пожалуй, еще более ужасным, чем воры.

— Нечто страшное,— сказала она.— Вы себе и представить не можете, до чего страшное! Нечто прямо из мира сказок.

Глаза дяди Юлиуса засияли. Он совершенно не испугался, нет, куда там, он дружески

похлопал это «нечто страшное», что покоилось под одеялом.

— Нечто страшное, толстое, нечто из мира сказок. Сказочное чудовище! Нет, это должен я сейчас же увидеть, а ворами займемся потом.

И он быстрым движением откинул покрывало.

— Хи-хи,— пропищал Карлсон и, сияя, приподнялся на кровати,— как хорошо, что ты нашел здесь не сказочное чудовище, а всего-навсего меня! Вот радость-то, верно?

Фрекен Бок с горьким упреком поглядела на Карлсона.

— И ночью это он нас дурачил? — спросил дядя Юлиус с обиженным видом.

— Наверно. Я ему голову оторву, когда у меня будет время,— сказала фрекен Бок. Потом она что-то вспомнила и испуганно дотронулась до руки дяди Юлиуса.

— Дорогой господин Йансен, нам ведь надо звонить в полицию.

Но тут дело приняло вдруг совсем неожиданный оборот.

Из гардероба раздался низкий голос:

— Откройте именем закона. Мы из полиции.

Фрекен Бок, дядя Юлиус и Малыш совсем растерялись. Один только Карлсон не был ничуть удивлен, зато очень разозлился.

— Из полиции?.. Это вы рассказывайте кому-нибудь другому, жалкие воришки!

Но тут Филле закричал из гардероба, что они заплатят большой штраф за то, что задержали полицейских, которые пришли сюда, чтобы поймать опасного шпиона... «Как хитро они все повернули»,— с ужасом подумал Малыш.

Дядя Юлиус повернул ключ. Филле и Рулле вышли из гардероба, но вид у них был такой подозрительный, что дядя Юлиус и фрекен Бок по-настоящему испугались.

— Из полиции? — с сомнением в голосе переспросил дядя Юлиус.—А почему вы не в форме?

— Потому что мы секретные сотрудники тайной полиции,— сказал Рулле.— И мы пришли сюда, чтобы его забрать, — добавил Филле и схватил Карлсона.— Это очень опасный шпион.

Но тут фрекен Бок разразилась гомерическим смехом.

— Шпион? Это шпион?! Ха! Ха! Ха! Ну и потеха! Этот противный мальчишка — школьный товарищ Малыша.

Но Филле ей не поверил. Он вытащил наручники и медленно двинулся прямо на Карлсона. Когда он подошел уже совсем близко, Карлсон засеменил ему навстречу на своих маленьких, толстых ножках. Филле произнес какое-то замысловатое ругательство и стал от нетерпения прыгать на одной ноге.

— Они не полицейские, это ложь,— сказал Малыш.— Они воры, я их знаю.

— Какие часы?!
— Не брали мы никакого бумажника!

Дядя Юлиус задумчиво почесал затылок.

— Вот это нам и надо выяснить.

Он предложил всем вместе посидеть в столовой, пока не будет выяснено, кто они — полицейские или воры.

— Неужели вы не читали в газете, что у нас в Вазастане появился летающий шпион? — Рулле вынул из кармана газету.

— Нельзя верить всей той чепухе, которую пишут в газетах,— сказал дядя Юлиус.— Хотя я готов еще раз это перечитать. Подождите, я только схожу за очками.

Он ушел к себе, но тут же прибежал назад в страшном гневе.

— Ничего себе полицейские! Украли у меня бумажник и часы! Извольте немедленно отдать мои вещи!

Но тут Филле и Рулле, в свою очередь, страшно рассердились.

— Опасно,— заявил Рулле,— обвинять полицейских в том, что они украли часы и бумажник.

— Это клевета. Разве вы не знаете? — сказал Филле.— А за клевету на полицию недолго и в тюрьму попасть. Может, вы и этого не знаете?

Вдруг Карлсон изменился в лице и закричал точно так же, как дядя Юлиус, которого он оттолкнул. Видно было, что его просто распирает от злобы.

— А мой кулек с карамельками? — вопил он.— Кто его взял?

Малыш поспешно вытащил из своего кармана кулек.

— Вот твои конфеты,— сказал он, протягивая кулек Карлсону.— Я его взял, чтобы передать тебе.

Тогда в разговор вмешался Филле.

— Все понятно! Хотите на нас спихнуть свою вину. Не выйдет!

Фрекен Бок все это время сидела молча, но тут и ей захотелось высказаться.

— Кто украл часы и бумажник, мне ясно. Он только и делает, что ворует то булочки, то блины, вообще все, что ему попадается под руку.

Но Карлсон словно взбесился.

— Эй, ты, послушай! — орал он.— Это же клевета, а за клевету отвечают, разве ты этого не знаешь, дурочка!

Однако фрекен Бок отвернулась от Карлсона. Ей надо было серьезно поговорить с дядей Юлиусом. По ее мнению, вполне вероятно, что эти господа из тайной полиции. Поэтому у них такой странный вид, и они так плохо одеты.

Филле и Рулле сразу повеселели. Филле сказал, что он с первой же минуты понял, какая это умная и замечательная дама, и он просто счастлив, что ему довелось с ней познакомиться. И он несколько раз обращался к дяде Юлиусу за поддержкой.

— Не правда ли, она удивительная, редкая? Неужели вы так не думаете?

Неизвестно, что раньше думал по этому поводу дядя Юлиус, но теперь он просто вынужден был соглашаться. Фрекен Бок от всех этих комплиментов опускала глаза и краснела.

— Да, она такая же редкая, как гремучая змея,— проворчал Карлсон.

Он сидел в углу рядом с Малышом и так энергично пожирал карамельки, что хруст разлетался по всей комнате. Когда же кулек опустел, он вскочил и стал прыгать по комнате. Казалось, он просто играет, но с помощью этих нелепых прыжков Карлсон постепенно добрался до стульев, на которых сидели Филле и Рулле.

— Да, конечно, конечно, фрекен Бок — женщина редкая,— согласился дядя Юлиус,— но мне все же хотелось бы знать, кто взял мои часы и бумажник.

Филле и Рулле, казалось, его не слышали. Филле был так увлечен фрекен Бок, что все остальное для него уже не существовало.

— И выглядит она привлекательно, не правда ли, Рулле? — сказал он тихо, но так, чтобы фрекен Бок это тоже услышала.— Красивые глаза... и такой прелестный носик, погляди, такой носик хорош в любую погоду... правда, Рулле?

Тут фрекен Бок подпрыгнула на своем стуле, и глаза у нее прямо на лоб полезли.

— Что? — выкрикнула она.— Что вы сказали?.. Это же вот Филипп! Я уверена!

Филле был поражен.

— Откуда вы знаете? Вы что, слышали обо мне?

Фрекен Бок кивнула с горькой усмешкой.

— Вы спрашиваете, слышала ли я о вас? О, да, не сомневайтесь! А его, небось, зовут Рудольф? — Она показала на Рулле.

— Да, но откуда вы это знаете? Может, у нас общие знакомые?— спросил Филле, так и сияя от удовольствия.

Фрекен Бок снова кивнула с горькой усмешкой.

— Да, пожалуй, есть. Фрекен Фрида Бок, с Фрейгатен. Вы, кажется, ее знаете? У нее тоже прелестный носик, который хорош в любую погоду, точь-в-точь, как у меня, да?

Филле, видно, был не в восторге от сравнения носов, потому что сиять он тут же перестал. Более того, ему явно захотелось поскорее смотаться, и Рулле, видно, тоже не собирался засиживаться. Но за их спиной стоял Карлсон. Неожиданно раздался выстрел, Филле и Рулле подскочили на месте от испуга.

— Не стреляй! — крикнул Филле, потому что Карлсон ткнул ему в спину указательным пальцем, а он подумал, что это дуло пистолета.

— Выкладывайте бумажник и часы,— скомандовал Карлсон.— А не то буду стрелять.

— И чтобы вашей ноги тут не было! — кричала фрекен Бок.

Филле и Рулле стали нервно рыться в своих карманах. В мгновение ока часы и бумажник оказались на коленях дяди Юлиуса.

— Вот гаденыш! — крикнул Филле, и с быстротой молнии он и Рулле выскочили в прихожую, и никто их не остановил. Входная дверь хлопнула...

Первой опомнилась фрекен Бок, она выбежала вслед за ними на площадку и кричала, пока воришки неслись вниз по лестнице:

— Фрида про все это узнает, уж поверьте! Вот она обрадуется!

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Перевела со шведского Л. ЛУНГИНА

Давайте искать вместе

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

С комсомольских лет меня привлекал образ Надежды Константиновны Крупской. Я никогда ее не видела, но ее добрую руку, мудрый совет мы ощущали во всех наших комсомольских делах: по ее указаниям шефствовали над сельскими школами, создавали кружки по ликвидации неграмотности, собирали беспризорных ребят в детские дома, организовывали пионерские отряды, работали делегатками женотделов, привлекая женщин к общественной работе.

И всегда хотелось узнать, какая же была сама Надежда Константиновна Крупская в юности, с кем она дружила, о чем мечтала, кто помог ей приобщиться к борьбе за дело рабочего класса, найти дорогу к марксизму, как она воспитывала в себе качества революционного бойца.

Надежда Константиновна оставила драгоценное для всех нас литературное наследие. Она написала бесценную книгу воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине, о том, как создавалась партия, она поведала людям о ближайших соратниках Ленина и совсем мало рассказала о себе. Из чувства скромности умолчала и о том, как она помогала собирать революционные силы и создавать партию, и о своем участии в революции 1905 года и в подготовке Октябрьского революционного восстания, и вовсе ничего не рассказала о том, как с юности изучала педагогическое дело и стала основоположником и создателем новой науки — советской педагогики.

По просьбе пионеров, по настоянию товарищей Надежда Константиновна написала книжечку «Моя жизнь» — всего четырнадцать страниц! И еще около тридцати страниц воспоминаний о своем детстве и юности.

Сейчас мы знаем о великом жизненном подвиге Надежды Константиновны значительно больше. О ее жизни написано несколько биографических книг, но мы все еще мало знаем о ее детстве, о родителях, о том, как происходило становление и закалка характера Нади Крупской, как формировался ее духовный мир.

Людей, знавших Надежду Константиновну в детстве и юности, давно уже нет на свете. И не осталось почти никаких воспоминаний об этом периоде жизни Надежды Константиновны.

Кто же может рассказать, кто приоткроет страницы жизни ее детства и отрочества?

Ответы на эти вопросы надо искать в документах, в архивах.

И вот я отправилась в длительное и увлекательное путешествие. Не первый год я работаю в архивах. Просмотрены и прочитаны десятки томов, тысячи документов, заполнены выписками десятки тетрадей. А в них всего крупицы того, что я ищу.

Я не историк и не ставила перед собою задачи проследить жизнь Надежды Константиновны день за днем, написать ее биографию. И если историка прежде всего интересует сам факт — что и когда было, писатель, отталкиваясь от факта, стремится раскрыть, *как* это было.

Рисунок С. ТРОФИМОВА

Например, Надежда Константиновна в своих воспоминаниях пишет: «Отец, с которым я дружила и говорила обо всем, умер, когда мне было 14 лет». Мне захотелось раскрыть эту строку, понять, на чем была основана дружба дочери с отцом, о чем они говорили, что могло тогда волновать Надю во время бесед с отцом, какие мысли она доверяла ему. Но для того, чтобы понять и осмыслить это, надо узнать, каким человеком был отец Нади, его жизнь, его характер, его убеждения, в какой среде он вращался, какие духовные качества унаследовала от него Надя.

Надежда Константиновна пишет: «У отца родители умерли рано, и он воспитывался в корпусе и военном училище, откуда вышел офицером».

В военно-историческом архиве нахожу послужной список капитана Константина Игнатьевича Крупского. Из него узнаю, что он учился в Константиновском кадетском корпусе. Просматриваю многочисленные тома из архива этого корпуса. В числе соучеников Константина Игнатьевича значится Андрей Потебня. Имена братьев Потебней известны. Старший брат, Александр Афанасьевич Потебня,— выдающийся ученый-филолог. Его имя носит сейчас Институт языковедения Академии наук УССР. Его младший брат, Андрей Афанасьевич Потебня, был революционером. Находясь на военной службе в Польше, он возглавил тайную революционную организацию «Земля и воля» в русской армии, был участником польского освободительного восстания 1863—1864 годов и, сражаясь на стороне повстанцев, погиб смертью героя у Песчаной горы в Польше. Его могилу свято охраняют в Польской Народной Республике. Харцеры украшают ее цветами.

Легендарная жизнь и подвиг украинского юноши Андрея Потебни еще не отражены в художественной литературе. И надо полагать, что украинские пионеры Полтавщины, где родился Андрей Потебня, Киева, Полоцка, где он учился, ленинградские следопыты, польские харцеры отправятся в поиск по следам героя.

Советские историки обнаружили в архивах русского революционного демократа Н. П. Огарева записную книжку, в которой рукой Андрея Потебни были перечислены фамилии членов организации «Земля и воля» и среди них руководитель этой организации в 25-м пехотном полку К. И. Крупский.

Итак, дружба двух юношей, К. И. Крупского и А. А. Потебни, начавшаяся в кадетском корпусе, была скреплена высокими помыслами о счастье народном и нашла свое воплощение в революционной борьбе вместе с польскими повстанцами под девизом «За нашу и вашу свободу».

Подвиг русских революционеров из организации «Земля и воля» познаешь, просматривая пухлые папки царских архивов, в которых то и дело мелькают белые квадратики плотной бумаги, исписанные рукой царя Александра II, лично руководившего подавлением польского восстания, его жестокие, человеконенавистнические приказы.

Листая документы архива 25-го пехотного полка, я узнала, что Крупский Константин Игнатьевич происходил из дворян Виленской губернии, что отец его — отставной майор и что Константин Крупский родился в Казанской губернии. В другом месте сказано, что К. И. Крупский происходит из дворян Волынской губернии. Что за противоречие? Продолжаю вести исследование и прихожу к выводу, что версия эта, видимо, описка писаря. Отец К. И. Крупского был дворянином Виленской губернии, за свои связи с декабристами был сослан (по косвенным данным, в Тобольскую губернию), а оттуда отправлен на поселение в Казанскую губернию, где и родился отец Надежды Константиновны Крупской, и что он никаким имуществом и поместьем не владел.

Как видите, революционные традиции семьи Крупских идут от декабристов.

Красные следопыты из города Кургана, входившего ранее в Тобольскую губернию, ведут энергичный поиск, восстанавливают имена декабристов, отбывавших ссылку в Тобольской губернии. Возможно, им удастся найти данные и о деде Надежды Константиновны. А следопыты Татарии постараются обнаружить свидетельства о родителях К. И. Крупского и о нем самом.

Константин Игнатьевич был слушателем Военно-юридической академии в Петербурге, когда у него 14/26 февраля 1869 года родилась дочь Надежда.

Но где этот дом, где жили тогда Крупские и где родилась Надежда Константиновна? Мы до сих пор не знаем. Дело чести ленинградских следопытов разыскать этот дом, и я полагаю, что недалек тот день, когда на одном из домов Ленинграда появится мемориальная доска с надписью: «В этом доме родилась Надежда Константиновна Крупская». Но для этого надо упорно и кропотливо искать. Дело в том, что участковых книг, в которых регистрировались жители Петербурга за 1869 год, в областном архиве нет. С помощью работников Ленинградского областного

архива мне удалось обнаружить метрическую книгу, в которой есть запись о крещении Надежды Константиновны. Надо было видеть радость сотрудников архива! Я очень признательна работникам архивов, где мне довелось работать. Я люблю тишину читальных залов, шелест осторожно переворачиваемых страниц и иногда торжественный возглас: «Нашел, нашел!» И исследователь идет поделиться своей радостью, своей находкой к заведующей читальным залом, и видишь, как озаряется улыбкой ее лицо. Архив — это большой, живой организм. Он не терпит равнодушных рук. В каждой исторической книге есть большой вклад работников архива, их творческий труд. Скажем им сердечное спасибо за это!

Так было и в тот раз. В метрической книге церкви «Вознесенской, что при адмиралтейских слободах», на первой странице написано: «Черепнино»,— и далее идет список учреждений, расположенных в приходе этой церкви. Среди них значится и Военно-юридическая академия. Эта же церковь вела регистрацию родившихся, бракосочетавшихся и умерших в Пересыльной тюрьме. Значит, нам известен, как принято теперь говорить, микрорайон, где жили Крупские. Но на какой улице? В каком доме? В какой квартире? Ответ на этот вопрос, я надеюсь, мы получим от ленинградских следопытов.

Ну, а кто же были родители матери Надежды Константиновны—Елизаветы Васильевны Крупской, урожденной Тистровой?

В Ленинградском областном архиве я обнаружила дело на горного инженера Василия Ивановича Тистрова, отца Елизаветы Васильевны. Документы раскрыли интереснейший облик другого деда Надежды Константиновны. Василий Иванович Тистров окончил Горный институт (тогда он назывался Горный кадетский корпус), которому в этом году исполняется 200 лет. Это был широко образованный человек, землепроходец, он открыл богатые рудные месторождения на Урале и на Алтае, был специалистом по промывке золота, по установке сереброплавилен. Жили Тистровы в Барнауле, на Мало-Тобольской улице. Василий Иванович ушел в отставку после смерти жены, оставшись с девятью малолетними детьми...

Недавно я получила письмо от следопытов из города Кургана. Они пишут, что собрали большой материал о Василии Ивановиче Тистрове. Письмо ребят меня очень обрадовало. Я немедленно связалась с курганскими следопытами. И в Барнаул поеду, там встречусь со следопытами. Надеюсь, что в краеведческом музее есть тоже какие-нибудь материалы о семье Тистровых.

...Вскоре после того, как вышел сентябрьский номер журнала «Пионер», в котором было напечатано начало моей повести «Пароль — Надежда», в редакции раздался телефонный звонок. «С вами говорит дочь Александры Тимофеевны Яворской — учительницы Нади Крупской — Нина Никандровна Калистратова. Моя внучка принесла журнал «Пионер» и говорит: «Посмотри, бабушка, здесь написано про твою маму, мою прабабушку».

Я и работники редакции очень обрадовались этому звонку, а затем Нина Никандровна Калистратова приехала в «Пионер».

Нина Никандровна рассказала много интересного о своей матери, с которой она была очень дружна. Когда в тридцатых годах Надежда Константиновна узнала, что ее любимая учительница жива, она приняла самое деятельное участие в ее судьбе, написала ей теплое письмо и пригласила к себе. Но Александра Тимофеевна была очень больна, совсем не вставала с постели. И к Крупской поехала Нина Никандровна. Нежно и ласково говорила Надежда Константиновна о своей первой учительнице. А прощаясь, сказала: «Всегда обращайтесь ко мне, какая бы помощь вам ни понадобилась».

Нина Никандровна тоже учительница. «Тимофейка» передала в верные руки эстафету своей светлой жизни.

Муж и сын Нины Никандровны погибли на фронте в Великую Отечественную войну. Сейчас Нина Никандровна на пенсии. Но она поддерживает связь со школой в Студенцах, Псковской области, которая носит имя А. Т. Яворской.

Очень хотелось бы мне побольше узнать о гимназических годах Надежды Константиновны. Филиал Музея В. И. Ленина в Ленинграде несколько лет назад получил из одного семейного архива фотографию выпускниц гимназии Оболенской. Двадцать девочек, и среди них Надя.

Возможно, где-то живут близкие или дальние родственники девочек, окончивших гимназию вместе с Н. К. Крупской, может быть, в семейных архивах у них сохранились фотографии, письма или какие-нибудь документы, имеющие отношение к Надежде Константиновне и ее подругам, или воспоминания о гимназии Оболенской.

По-разному, видимо, сложилась судьба выпускниц. Я буду рада, если все, кто что-нибудь знает о гимназистках, напишут мне. Мой адрес: 250319, Москва, А-319, Красноармейская ул., д. 29, кв. 19, Воскресенской Зое Ивановне.

Вот те, кто закончил гимназию вместе с Надей Крупской: Дебагорий Мария Дмитриевна, Граве Ольга Николаевна, Игнатьева Екатерина Николаевна (приходится родственницей генералу Игнатьеву, автору книги «50 лет в строю»), Ларионова Вера Ильинична, Воронина Елена Михайловна, Волкова Елена Васильевна, Куклина Варвара Ивановна, Крахоткина Вера Александровна. Дочь директора консерватории Давидова Лидия Карловна (ее младшая сестра Мария — ученица Надежды Константиновны, стала затем женой писателя Куприна), Авсеенко Екатерина Васильевна, Герасимова Серафима Николаевна, фон Брадке Александра Михайловна, Кнатц Елена Германовна, Полторацкая Анастасия Павловна, Лепко Вера Ивановна, Плещеева Любовь Алексеевна (дочь поэта Плещеева), Перетц Мария Яковлевна, Ладош Варвара Александровна, Скабичевская Елена Александровна.

В настоящее время я пишу вторую часть книги о Надежде Константиновне и одновременно пополняю и выверяю первую часть повести «Пароль — Надежда». Мне хочется создать портрет, раскрыть величие образа замечательной женщины нашей эпохи Надежды Константиновны Крупской. И тут я надеюсь на содружество с красными следопытами.

Борис УКАЧИН

Дождь идет

Дождь при солнце
Моросит,
В небе радуга
Висит.

Многоцветны
Краски дня.
Что же в сердце
У меня?

В сердце — песня,
Друг родной,
Если хочешь —
Пой со мной.

Посмотри,
Весна вокруг!
Счастлив, молод я,
Мой друг!

Дождь при солнце
Моросит.
В небе радуга
Висит.

Перевел с алтайского
Илья ФОНЯКОВ.

Убайд РАДЖАБ

Нарцисс и сугроб

Ближе к полдню стало совсем тепло.
Над землей поднялся парок.
Ветерок вспорхнул, просквозил село,
И улегся спать ветерок.

А ручей хлопотливо свершал свой путь
По блестящим камушкам — вниз...
И тогда-то,
на мир торопясь взглянуть,
Свой глазок приоткрыл нарцисс.

Мир был тепел и радостно-незнаком...
Быть прекраснее не могло б!..
Но внезапно повеяло холодком:
У ручья голубел сугроб.

Он сказал нарциссу:
— Смешной цветок!
Подождать ты разве не мог?!
Ну, куда ты спешил?.. Что так быстро рос?..
Ночи, знаешь, как холодны?!
Ты умрешь, как только дохнет мороз,
Не увидишь в глаза весны!

Ничего нарцисс ему не сказал,
Свой ответ про себя тая:
«Как же я не увижу весны в глаза,
Если глаз весны это я?!.»

Перевела с таджикского
Юлия НЕЙМАН.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Почта Пешкина

Узнаете, кто это разбирает целую гору писем на почте? Пешкин, конечно.

Писем много. На одни он отвечает тут же, наклеивает на конверт одну из этих красивых шахматных марок и опускает в почтовый ящик. Другие письма Пешкин откладывает, чтобы ответить на них в журнале: ребята задают вопросы, интересные для всех юных шахматистов.

Вот, например, письмо шестиклассника **Коли Белоусова** из Нижнего Тагила.

«У нас в 32-й школе много шахматистов,— пишет Коля.— И мы нередко спорим. Вот скажи, пожалуйста, Пешкин, какая фигура сильнее: слон или конь?»

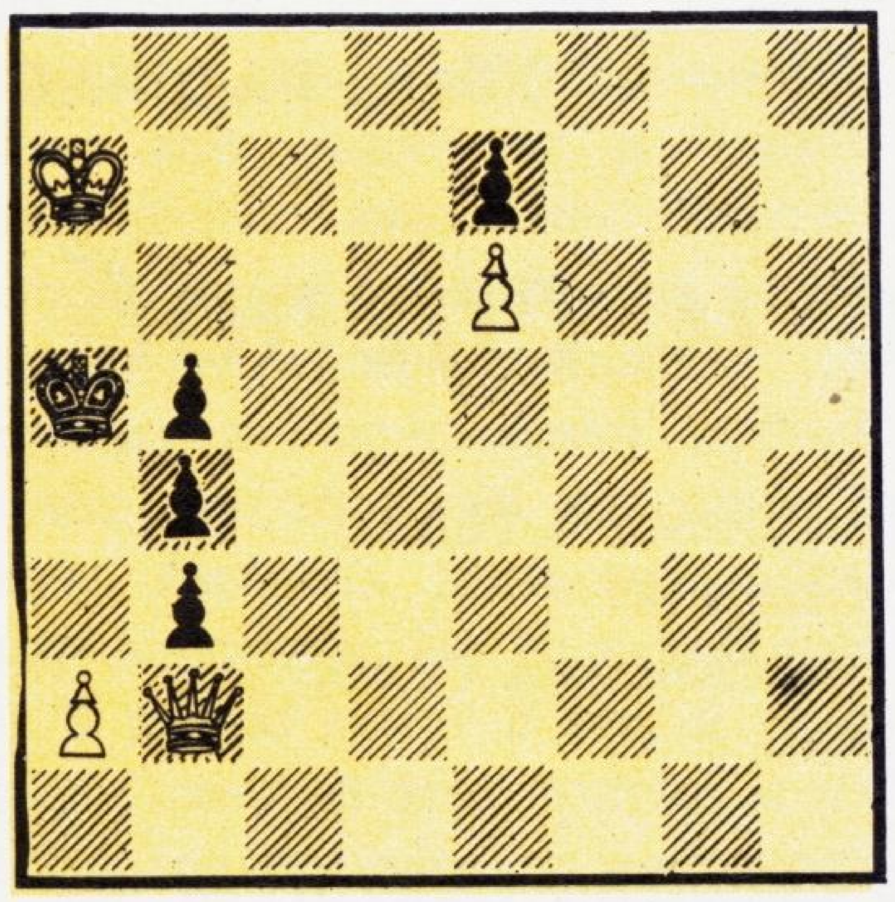


Диаграмма № 1.

Понятно, почему ребята спорят: конь и слон примерно одинаково сильны. Слон, правда, более дальнобойная фигура, но зато он ходит только по полям доски одного цвета. Коню доступны все поля, но передвигается он медленнее.

Конечно, сила этих фигур зависит еще и от того, как они расположены и куда вы их поведете.

«Мне очень понравилась задача, которую я нашел в одной старой книге,— пишет из Томска **Гаррик Минх,** ученик 6-й школы.

Белые: Kpd5, Лb4, пешки e3, g2, h4.

Черные: Kpf5, Фf6, Ch6, пешки g6, h5.

Белые дают мат в три хода: 1. g4+ hg 2. Лf4+ C : f4 3. e4 мат. Красиво, правда, Пешкин?»

Красиво, но довольно просто. Начинается решение ясным ходом — шахом. Вариантов в задаче нет: черные беспомощны, и это портит впечатление от комбинации белых.

Составляя задачи, старайтесь, чтобы решение не было очевидным, чтобы оно сразу не бросалось в глаза.

Второклассник **Саша Серегин** из села Бутурлиновка, Саратовской области, **Таня Сазонова** из поселка Оловянная, Читинской области, **Слава Вострилов,** ученик 33-й курской школы, **Лена Астахова** из села Заветное, Ставропольского края, **Саша Соков** из села Козиково, Марийской республики, **Саша Лигонен** из деревни Сойкино, Ленинградской области, и многие другие ребята просят Пешкина рассказать о правилах игры в шахматы.

В одном из летних номеров Пешкин расскажет вам, ребята, и об этом и о том, как записывать шахматные партии. А пока что он советует достать одну из этих книг (они вышли недавно): **«Путешествие в шахматное королевство»** гроссмейстера Ю. Авербаха и мастера М. Бейлина и **«Шахматная азбука»** В. Гришина и Е. Ильина.

И еще одно письмо. «Чем отличается задача от этюда?» — спрашивает семиклассник **Валерий Елинов** из города Шевченко, Гурьевской области.

В задачах решение находят сравнительно небольшим, точно определенным числом ходов. В этюдах задание выполняется любым количеством ходов. Решать этюды очень полезно.

Конкурс Пешкина

Пешкин предлагает вам этюд и задачу. *Диаграмма № 1.*

Начиная игру, белые дают мат в два хода. *Диаграмма № 2.*

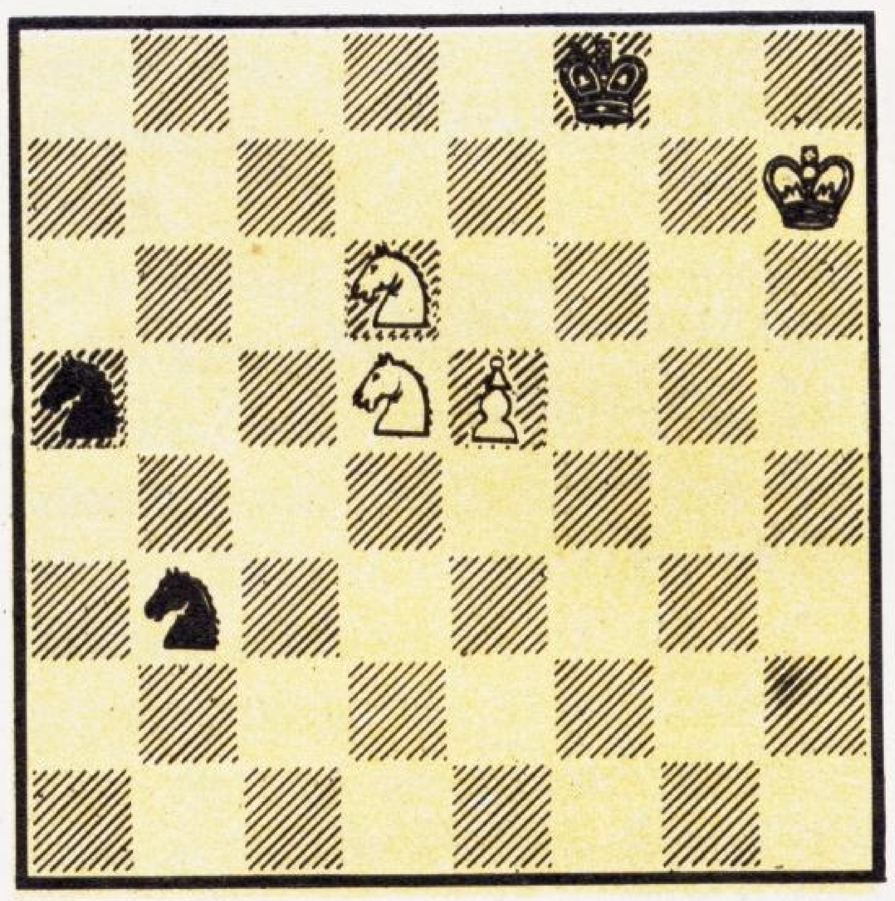


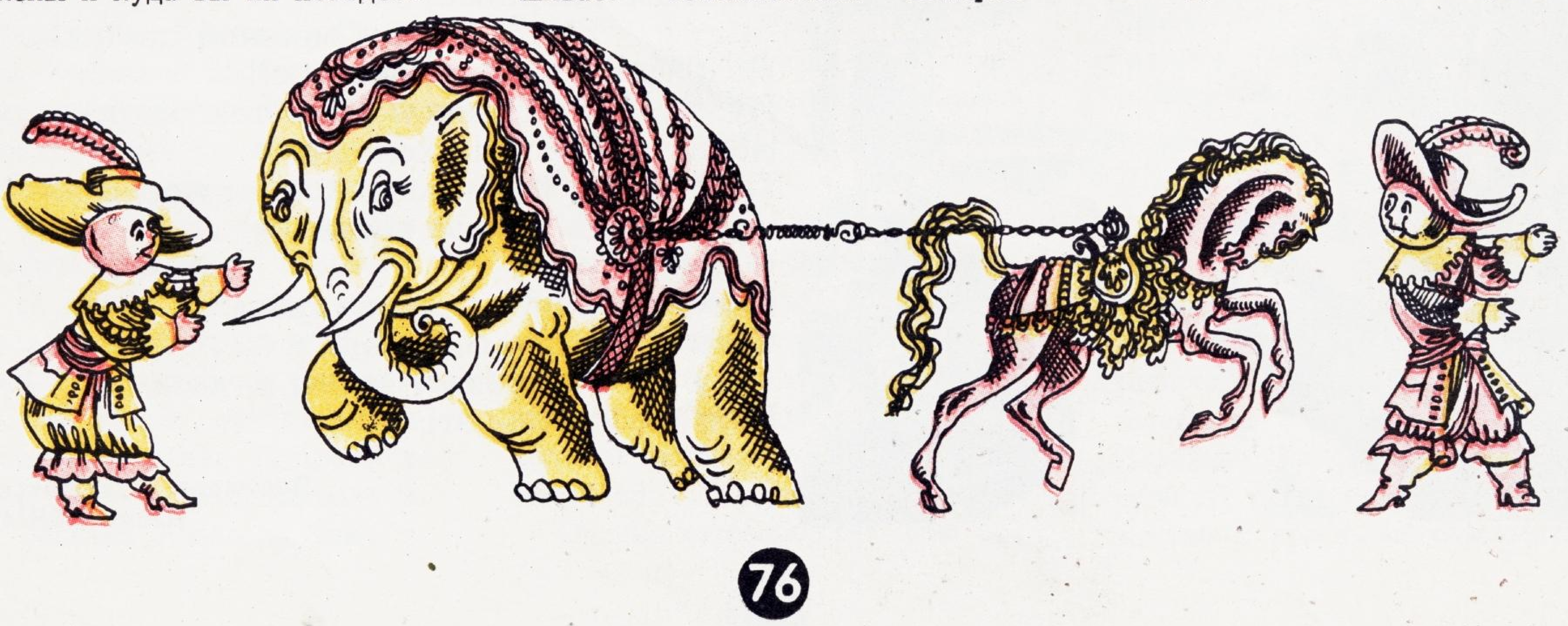
Диаграмма № 2.

В этой позиции этюда белые добиваются победы. Известно, что два коня не могут дать мат одинокому черному королю, но здесь черным мешают собственные фигуры. Почему? Как выигрывают белые?

Молодец, Майя!

Двенадцатилетняя тбилисская школьница **Майя Чибурданидзе** занимается шахматами недавно. Но она упорно сражалась с сильными соперницами на чемпионате школьников страны и заняла третье место. Майя стала кандидатом в мастера.

К этой позиции пришла партия, которую Майя играла черными со



школьницей из Уфы **Людмилой Зайцевой.** *Диаграмма № 3.*

Люда считала, что брать пешку e4 черные не могут, и все же последовало:

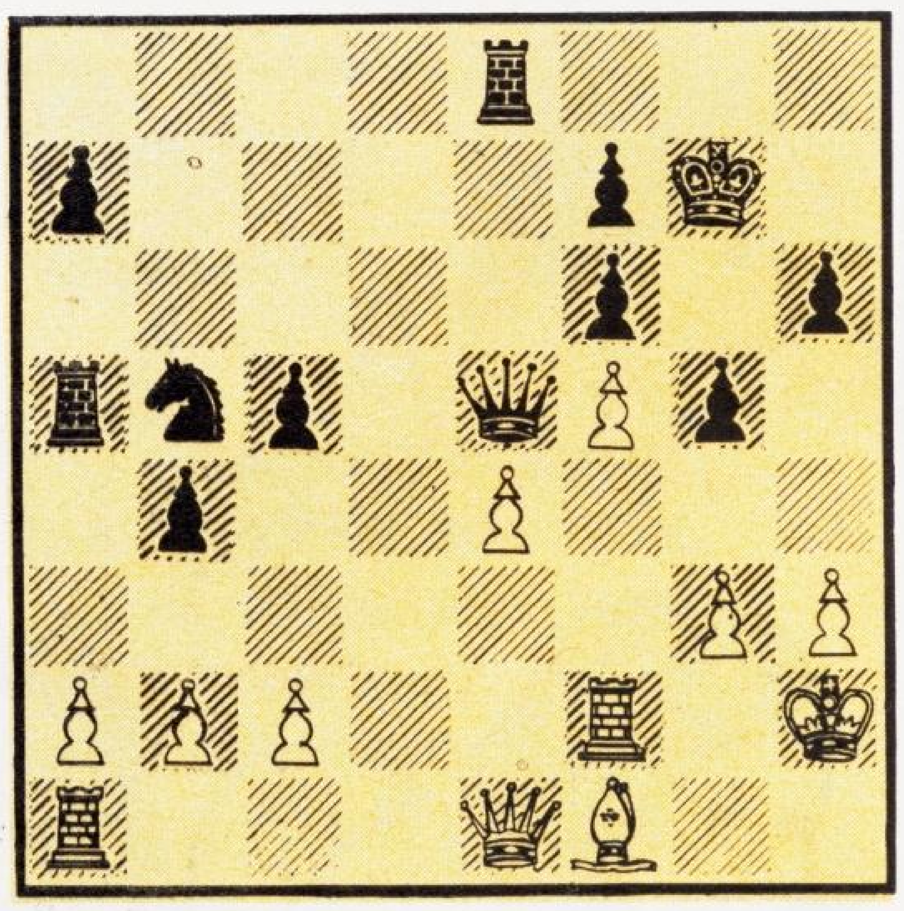
35. ... Фе5 : е4! 36. Лf2 — e2 (на этот ход надеялись белые, но Майя лучше оценила позицию). 36. ... Фе4 : е2 37. Cf1 : e2 Kb5—d4 38. Kph2—h1 Ле4 : е2.

У черных ладья и конь за ферзя, но их фигуры занимают очень сильные позиции.

39. Фе1 — f1 Ле2 : с2 40. а2 — а3 Лс2 : b2 41. а3 : b4 Kd4 — f3!

Очень красивый заключительный ход. Грозит мат на h2, защиты у белых нет.

Диаграмма № 3.



Академия Домашних Волшебников

Лёка и Марина с утра то и дело выбегали на балкон: завтра «ситцевый бал», платья сшиты, накрахмалены, наутюжены, а Калинки все нет.

— Ну, почему она не прилетает? — Лёка снова с надеждой выглянула на улицу.— Нет и нет... Знаешь, Марина, не будем так бестолково проводить этот день. Бегаем, бегаем, а обеда у нас нет, дом не убран.

Надели они пестренькие халатики, повязали косынками вчера только вымытые волосы, покрутились на пятках и дружно принялись за домашние дела.

...Вот и комнаты чистые-пречистые и балкон влажно засиял— ни пылинки, ни соринки, а кастрюли на плите чуть не подпрыгивают: такой вкусный суп из щавеля кипит в одной, такой вкусный молочный кисель во второй. А на просторной сковородке уже готовы румяные творожники.

— Все,— удовлетворенно сказала Лёка.

— Нет, не все,— сказал кто-то.— Кастрюлю из-под молока не вымыли.

Лёка весело подмигнула Марине и шепнула:

— Успели! — И звонко крикнула:— Калинка, Калинка! Не прячься... Кастрюлю сейчас в две секунды отмоем...

— А я не прячусь,— ответила Калинка.— Дин-дон-динь! — Сняла свою шапочку-невидимочку и появилась. Где бы вы думали? На холодильнике, в кухне. Рядом с девочками! А в руках у нее был прекрасный солнечный букет.

— Что это ты, Лёка, имела в виду? «Успели!» Разве для меня вы все делаете? — Калинка хотела было нахмуриться.

— Конечно, не для тебя,— сказала Марина и подставила Калинке ладонь.— Прыгай! Я тебя перенесу... Не для тебя, а немножко из-за тебя. Нам очень нравится, когда ты нас хвалишь...

— О, мне тоже очень нравится вас хвалить. Вот и сегодня я хочу вас похвалить! Вы обе прекрасно закончили школьный год. Эти купавки, мои любимые цветы, я принесла вам в подарок. Поздравляю! Я очень рада за вас!

— Спасибо, Калинка. Какие красивые! И пахнут медом.

Поставили цветы в воду, распушили их, расправили, и всем показалось, что обыкновенный дом стал сказочно просторным, светлым — так преобразили его простенькие лесные цветы.

И обедать с цветами было несказанно веселее. И платья показывать Калинке спокойнее.

— Бальные или не бальные? — нетерпеливо спрашивали Лёка и Марина, кружась перед ней.

Калинка внимательно осмотрела платья, проверила даже, как обметаны внутренние швы, и уверенно сказала:

— Бальные! Теперь подумаем, как причесать волосы.

Калинка провела рукой по Лёкиным косичкам и покачала головой.

— Ты знаешь, Калинка,— сказала Лёка,— что-то мои волосы стали плохо себя вести.

— Не волосы плохо ведут себя, а ты. Скручиваешь в косы, никогда не даешь волосам отдохнуть, да еще вплетаешь жесткие капроновые ленты. Капроновые банты можно только прикалывать. Моешь волосы слишком часто и расчесываешь их небрежно. В прошлом году у Марины были плохие волосишки, сухие и ломкие, а теперь намного лучше твоих.

— Ой, Калинка! Девочки не дают мне покоя: «Открой секрет, Марина!» Какой секрет? Расчесываю волосы редкой тупой расческой утром, вечером и днем по сто раз. Неторопливо. Помнишь, Калинка, ты говорила: «Правой рукой расчесываешь расческой, а левой ладошкой от макушки вниз по-гла-жи-ва-ешь!» Расческу два раза в неделю мою щеткой и мылом, протираю нашатырным спиртом, чужой никогда не пользуюсь.

Мою волосы раз в десять дней в мягкой воде. Мягкую воду получаю так: вначале воду кипячу минут тридцать на слабом огне, а потом добавляю на два литра чайную ложку буры или соды питьевой. Мою пеной «Детского», «Борнотимолового», «Ланолинового» мыла или взбитым в пену в литре теплой воды яичным желтком. Промываю чуть теплой кипяченой водой с процеженным отваром цветков ромашки, календулы (за три часа до мытья две столовых ложки травы запарить одним литром воды) или подкисленной водой (одна ложка лимонного сока, уксуса на три литра воды). Сушу волосы не скручивая и не теребя, а только промокая мохнатым полотенцем.

Иногда перед мытьем за два часа слегка намазываю кожу и волосы подогретым репейным или касторовым маслом (можно и любым растительным), голову повязываю пластиковой косынкой или пергаментом и сверху еще теплым платком. Получается масляный компресс. Все делаю, как ты, Калинка, говорила.

— Правильно. Так ухаживают за сухими волосами. Говорила тебе и Лёке, но ты услышала, а она?

— Скорее, скорее, Калинка! Сейчас же начинаю новую жизнь. Я могу расчесывать хоть тысячу раз!

— Когда торопишься — знай куда торопишься. Тебе надо совсем другое. Твои волосы жирные, расчесывай их всего раз по тридцать. И не поглаживай, а проветривай, перекидывая со стороны на сторону, слева направо, раз по десять — пятнадцать. Дома — после школы косички расплетай. Через три-четыре дня протирай волосы ватой, смоченной «Хинной водой» или борным раствором ($^1/_2$ чайной ложки борной кислоты на половину стакана воды). Волосы мой по возможности не чаще одного раза в восемь—десять дней и в начале мытья обильно промывай почти горячей водой, чтобы основательно смыть пыль и жир. Мыть можно пеной «Дегтярного» или «Детского» мыла или кислым молоком, кефиром. Один раз промой мыльной пеной, ополосни и вотри в кожу минут на 15—20 кислое молоко, потом обильно прополощи (сначала теплой, а потом и прохладной водой). Промывай, как и Марина, подкисленной водой или травяным отваром. Кислым молоком моют любые волосы, только соответственно берут жирное (для сухих), нормальное (для нормальных) или обезжиренное молоко (для жирных волос). Твои волосы можно мыть и горчицей (столовую ложку порошка сухой горчицы заварить кипятком, а потом развести более прохладной водой). Жирные волосы можно мыть и без мыла — сначала кефиром, а потом горчицей.

— Придется всем этим заняться,— вздохнула Лёка.

— Видишь, вздыхает! — возмутилась Марина.— Странно получается: девочки спрашивают, как следить за волосами, а когда узнают, только машут руками: «Ну, сто-лько вре-мени. А вдруг не поможет». Я даже сержусь на них...

Между прочим, сердиться не стоит, от этого волосы тоже портятся... Да, да. И вообще, волосы надо беречь от пыли и грязи, от чрезмерного холода и слишком жаркого солнца, как самое дорогое, прекрасное украшение.

— Калинка, а ты не знаешь какого-нибудь...

— Волшебного средства? Чтобы волосы сразу стали длинными, густыми, прекрасными? Сразу ничего не получится, а вот через полгода, год... Очень помогут хороший сон, воздух, гимнастика, витамины — А, В, С... Впрочем, возьми свою заветную книжечку, запиши...

«Волосы вымыть, слегка высушить и сделать такую маску: две столовых ложки растертых в порошок цветков ромашки или календулы запарить тремя ложками кипятка и сейчас же в эту кашицу добавить один яичный желток и ложку кефира (соответственной жирности). Размешать, и пока смесь не остыла, быстро зубной щеткой или помазком для бритья намазать кожу и волосы, прядка за прядкой. Покрыть голову пергаментом (или чем-нибудь непромокающим) и двумя-тремя теплыми платками. Через четыре часа смыть теплой водой. Эту маску делать сначала два-три раза подряд, а потом раз в два месяца».

Ну, а теперь о прическах. Самая красивая прическа, по-моему, чистые, здоровые, блестящие волосы. Просто хорошо расчесанные. Чем меньше скручивать, начесывать, затягивать волосы, тем наряднее они будут. Если косы тонкие, лучше постричься коротко и пока волосы не укрепятся, носить волосы свободно без лент и заколок.

Но бал есть бал, и в такой день прическа может быть сложнее школьной. Накануне (а еще лучше за день) волосы прекрасно промыть. В торжественный день с утра расчесать, поглаживая или проветривая, чем-нибудь смочить: квасом (пополам с водой), лимонным соком (пополам с водой и только жирные волосы), слабым отваром льняного семени (сухие и нормальные волосы) и расчесать тонкой частой расческой, укладывая влажные прядки, как нравится. Концы волос смочить сильнее, закрутить на палец и закрепить длинной заколкой (заколки «Волна» подходят больше всего). Часов через пять, когда волосы окончательно просохнут, заколки снять, и волосы просто причесать щеткой и расческой, не взбивая и не начесывая.

1. Волосы очень короткие, без пробора. Увлажнить и уложить расческой. Посидеть спокойно — пока не подсохнут, расчесать перед самым балом.

2. Прямой пробор. С каждой стороны по три заколки на разной высоте. Расчесать отдельно каждый локон. Украсить пряжками или бантиками из ткани платья.

3. Пробор слева. Слева прядки закручены вверх (две заколки), а справа — вниз (три-четыре заколки). Пышный бант в тон платья или туфель.

4. Волосы длиннее, подстрижены ножницами ровно. Пробор справа, маленькая, в одну прядку челка. Слева три прядки закручены вверх, закреплены на одном уровне, справа тоже на одном уровне — вниз. Заколки снять, как только волосы просохнут, часа через три. Расчесать так, чтобы волосы держались монолитно. Первые прядки слегка намочить, подкрутить пальцами вперед и посидеть часок спокойно — почитать книжку.

5. Короткая челка, прядки закрутить вверх и закрепить на одном уровне, всего четыре — шесть заколок. Заколки снять сейчас же, как подсохнут волосы, чтобы концы лишь чуть загибались вверх.

6. Волосы еще длиннее. Зачесать со лба назад без пробора. Боковые прядки закрутить в вертикальные локоны и закрепить. Хвостик закрутить в один-два вертикальных локона.

7. Волосы ниже плеч. Слева и справа прядки чуть подстричь и закрутить в вертикальные локоны, сзади волосы закрутить в два-три горизонтальных локона. Расчесанные волосы закрепить круглым гребешком, можно цветным.

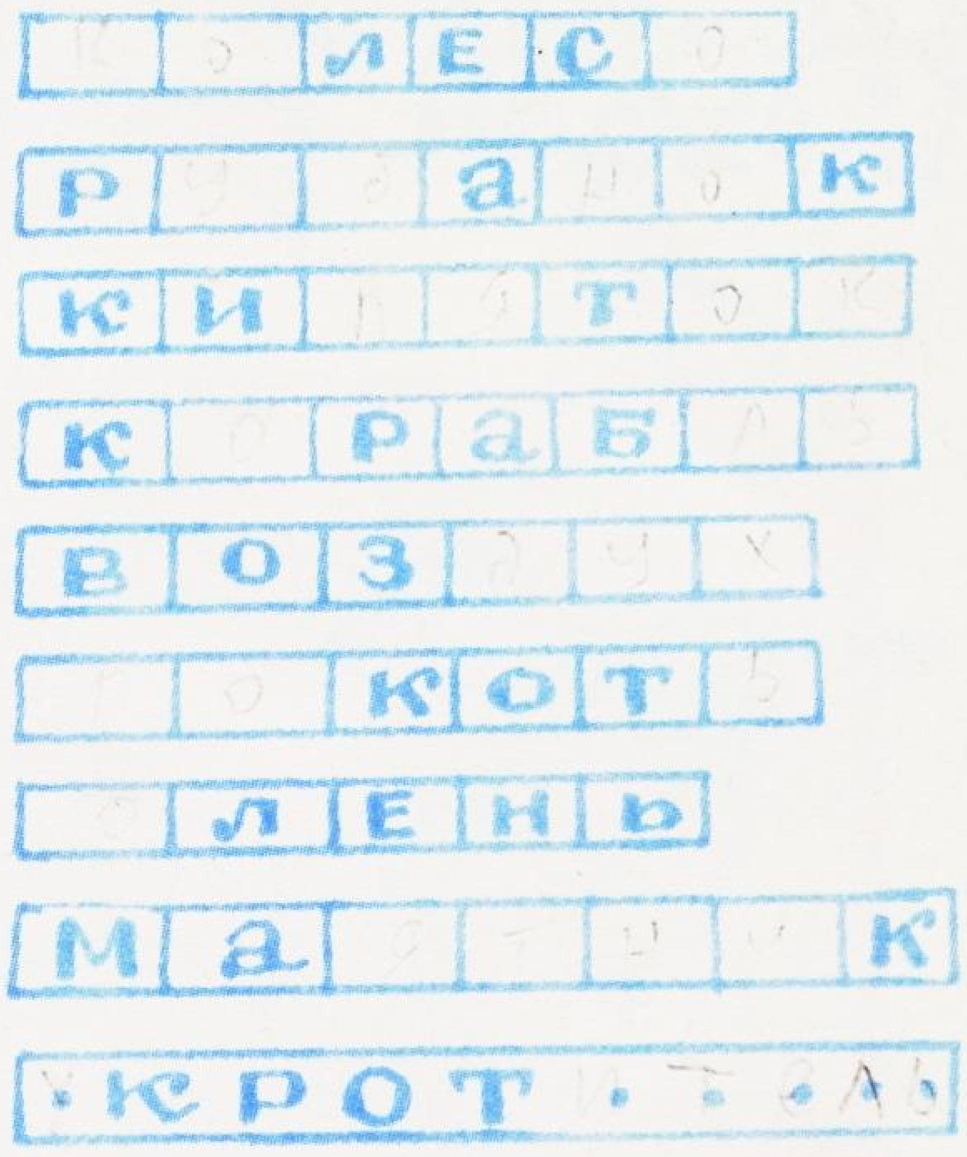
8. Закрутить по одной прядке с каждой стороны. Маленькую прядку у пробора подстричь и закрутить вертикально.

9. Совсем длинные волосы. Прядки слева и справа подрезать и закрутить в вертикальные локоны. Сзади накрутить прядки вверх. Когда высохнут, расчесать и закрутить волосы вместе с бантом. Закрепить заколкой.

10. Прядки слева и справа подстричь короче, чем остальные волосы. «Хвост» перевить кожаным ремешком или заплести в три косы — тонкими косичками перевить основную косу.

Игры деда Буквоеда

Кто это?



Этот лес под вагон залез.
Этот рак укусил верстак.
Этот кит в котелке рычит.
Этот краб убирает трап.
Этот воз к облакам прирос.
Этот кот в рукаве живет.
Эта лень на ногах весь день.
Этот мак говорит «тик-так».
Этот крот...
Но я про него
Не скажу ничего!

Жду от вас ответов.

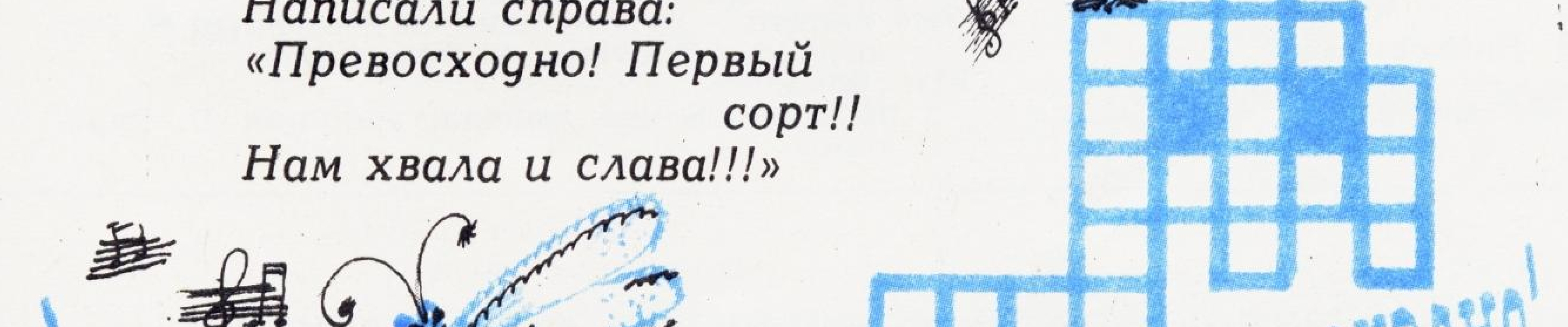
Дед Буквоед.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Кроссворд стрекозы и воробья

Стрекоза и воробей
Провозились много дней
И, закончив свой кроссворд,
Написали справа:
«Превосходно! Первый
сорт!!
Нам хвала и слава!!!»



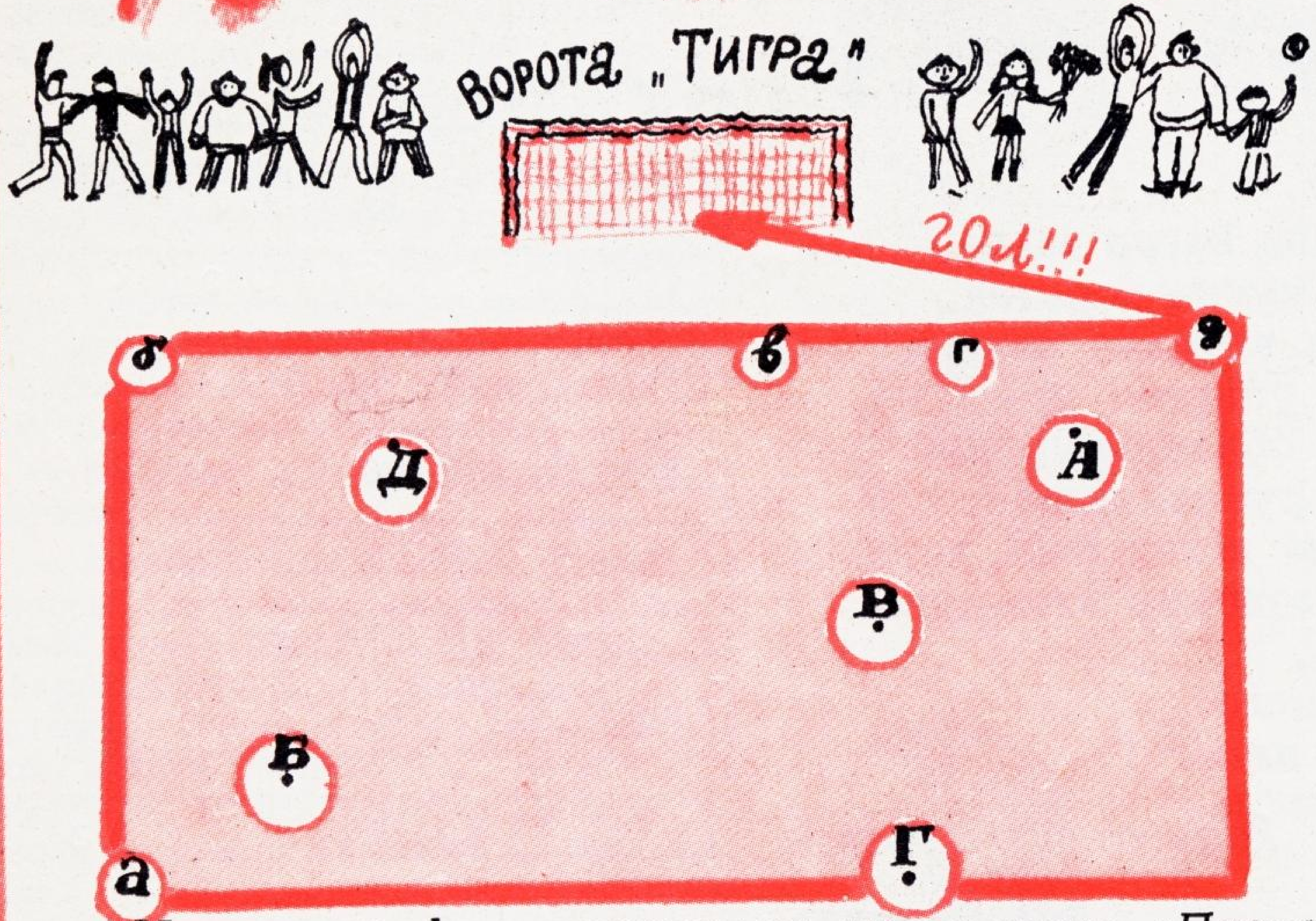
Я проверил их работу и не могу назвать ее превосходной: у них получился кроссворд, в котором крот летает над бекасом, а краб...

Думаю, что дальше вы во всем разберетесь сами. В кроссворд нужно вписать только названия тех животных, птиц и рыб, которые можно составить из букв, входящих в слова «стрекоза» и «воробей».

Желаю успеха!

Ваш Дед Буквоед.

1:0 ведут Львята



Наш микрофон установлен на стадионе «*Пантера*». Сегодня здесь встречаются команды «*Тигр*» и «*Львята*».

Только что нападающий «*Львят*» послал мяч в ворота «*Тигра*». На рисунке ПРОПИСНЫМИ буквами обозначено, в каком положении были четверо нападающих «*Львят*» за десять секунд до того, как был забит гол. Строчными буквами обозначены те места на поле, где находились игроки в момент решающего удара. *Какой путь проделал каждый из футболистов, если известно, что их пути ни разу не пересекались и никто из них не выбегал за пределы поля?*

Ответы на задачи из № 5

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Кто что собирает?

Тамила — марки с животными. Таня — марки о спорте. Олег — космические марки. Зураб — марки с растениями. Мурат — марки о живописи. Расул — об архитектуре.

ОПЕЧАТКА

Все догадались, что Живживка прочитал сказку К. И. Чуковского «Тараканище».

ТЕРЕМОК

Этот кроссворд все ребята решили правильно.

СПОР В ЗООПАРКЕ

Если внимательно прислушаться к тому, что говорили звери, то станет ясно: верблюд и бегемот — лгуны, говорил правду енот.

СОДЕРЖАНИЕ

Путешествуйте, вас ждут открытия! — А. Леонов. Рисунки Ю. Карповой 1
Моя Родина — СССР. — Фотография В. Постникова 2
Всадники на станции Роса. — Повесть В. Крапивина. Продолжение. Рисунки Е. Медведева 4
Салюты. — Стихи Б. Слуцкого 14
Ударные комсомольские. — А. Ясько. Рисунок И. Красулина 15
Огненный гигант. — А. Иванченко. Фотографии А. Драбкина 18
Смена боевая. — Стихи М. Пляцковского . . . 22
Руки молодых. — Стихи П. Мумина. Перевел с узбекского Ю. Кушак 22
Вырастает в тайге завод. — Стихи А. Покровского 22
Слышишь, молодость моя! — Стихи К. Дугужева. Перевел с черкесского Ю. Кушак . . 22
На действительной. — Стихи Ю. Луцкевича. Рисунок И. Урманче 23
Рассказы о Курской битве. — С. Алексеев. Рисунки С. Трофимова 24
В защиту будущего планеты. — С. Игнатьева . 29
Течет по Европе новая река. — В. Близненкова. Рисунки А. Борисова 32
Мария Прилежаева и ее книги. — Ю. Яковлев. Фотография В. Постникова 36
Машины девятой пятилетки. — О. Леонидов, М. Юлин. Рисунки Б. Гуревича 38
Идет разговор на Большом Общем Совете . . 40
На земле древних инков. — А. Медведенко. Цветные фотографии И. Вечной 44
«Кораблик». — Перевела с французского Е. Гулыга 48
Слышать голос трубы! — Окончание. С. Иванов, В. Матвеев. Рисунок С. Трофимова . . . 50
И сверкнула «Зарница»! — Г. Десницкий. Фотографии В. Постникова 54
Боевой листок № 2 56
Музыкальное дерево. — А. Кленов. Рисунок Н. Доброхотовой 58
«Гори-гори ясно!». — Стихи Е. Благининой . 63
Новые похождения Карлсона. — Повесть А. Линдгрен. Продолжение. Перевела со шведского Л. Лунгина. Рисунки П. Багина 64
Давайте искать вместе. — З. Воскресенская. Рисунок С. Трофимова 72
Дождь идет. — Стихи Б. Укачина. Перевел с алтайского И. Фоняков 75
Нарцисс и сугроб. — Стихи У. Раджаба. Перевела с таджикского Ю. Нейман 75
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунок Н. Доброхотовой 76
Академия домашних волшебников 77
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 79
На обложке
Комсомольская плавка. Рисунок Б. Гуревича.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМОКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ (зам. главного редактора), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА (главный художник), Л. С. СИМОНОВА (зав. школьно-пионерским отделом).

Адрес для писем: 101459 ГСП. Москва, А-137, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Технический редактор В. П. БОРИСОВА.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27/III 1973 г. А 02580. Подписано к печати 3/V 1973 г. Формат 84×108¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1169. Заказ № 505.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Игры Лупы и Пинцета

Учитесь видеть насквозь

Перед вами пять марок. На них вы видите *лемура*, *зебру*, *кенгуру*, *попугая* и *страуса*. Лупа и Пинцет разложили марки в другом порядке и повернули их рисунком вниз. Зачем они это сделали? Чтобы проверить, кто из вас умеет видеть насквозь. Скажите, не переворачивая марки и не подглядывая, в каком порядке они лежат? Чтобы помочь вам, Лупа и Пинцет подсказывают:

1. Марка с *лемуром* и *зеброй* не рядом с маркой, на которой нарисован *кенгуру*.
2. *Зебра* и *лемур* не рядом с *попугаем*.
3. *Кенгуру* и *зебра* не рядом со *страусом*.
4. Марка с *попугаем* лежит справа от марки со *страусом*.

Игра на обложке

С компасом в Берлин

Играют двое, трое или четверо.

На X Всемирный фестиваль молодежи и студентов из Парижа, Москвы, Рима и Софии выезжают команды, в каждой по двое велосипедистов.

Игроки выбирают одну из столиц и ставят туда две свои фишки. Фишки — картонные кружки или разноцветные пуговицы.

Итак, команды отправляются в путь.

Для игры нужен кубик. Его вы можете сами сделать из плотного картона. На гранях напишите цифры: 1; 2; 3; 4; 5; 6. Вот что обозначают цифры на кубике:

1. **Ход теряется.**
2. **Нужно двигаться на север.**
3. **Двигайтесь на юг.**
4. **А теперь на восток.**
5. **Двигайтесь на запад.**
6. **Бросить кубик еще раз.**

Вначале игры по очереди все бросаем кубик. Начинает игру тот, у кого первого выпала цифра шесть.

Выигрывает прибывший (двумя фишками) быстрее других в Берлин.

ПРАВИЛА ИГРЫ ТАКИЕ:

Если вам выпала цифра три, вы передвигаете одну из своих фишек на юг до любого перекрестка, дальнего или ближнего, но не меняя направления, то есть не можете двигаться ни на север, ни на запад, ни на восток. Если дальше двигаться на юг нельзя, вы пропускаете ход.

Запомните еще: при одном ходе можно передвигать только одного велосипедиста. Нельзя перепрыгивать через фишку (велосипедиста) и ставить две фишки на одном перекрестке. Но фишку нужно передвигать обязательно, если ваше направление не закрыто.

На пути велосипедистов будут встречаться значки пионеров разных стран и марки. Если вы отгадаете их, вам и вашей команде дается право еще на один ход.

ИТАК, НЕ ОПАЗДЫВАЙТЕ, ВАС ЖДУТ ДРУЗЬЯ В БЕРЛИНЕ!

Цена 25 коп.
Индекс 70694